

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СНВ-1

Как начинались переговоры

Переговоры, на которых я оказался, имели свою историю и предысторию. Первые контакты по вопросу о стратегических вооружениях между советскими и американскими представителями произошли вскоре после Карибского кризиса и под его воздействием. Впервые идеи, направленные на понижение военно-стратегического противостояния США и СССР, были высказаны директором Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению Уильямом Фостером в беседе с советским послом в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г. Летом того же года эти идеи были повторены Фостером в беседе с тогдашним представителем СССР в Комитете восемнадцати государств по разоружению С.К. Царапкиным. Выступая как доверенное лицо министра обороны Роберта Макнамары, Фостер изложил их в *сверхдоверительном* порядке. Идеи эти сводились к тому, чтобы договориться о взаимном отказе от строительства систем противоракетной обороны (ПРО). Как свидетельствует А.Ф. Добрынин, «время от времени в течение 1966 г. Фостер вновь поднимал этот вопрос в частных разговорах со мной [с А.Ф. Добрыниным. – Прим. ред.]»¹. Естественно, все

---

¹ Добрынин А.Ф. Сугобо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: Автор, 1996. 688 с.: ил.

эти американские заходы докладывались в Москву, но Москва реагировать не спешила.

Как раз в то время в США приобрела большую остроту борьба вокруг системы ПРО «Найк-Икс». Противники создания системы, основным идеологом которых был тогдашний министр обороны Роберт Макнамара, считали, что ее развертывание могло бы лишь дестабилизировать военно-стратегический баланс, не обеспечив сколько-нибудь реальной защиты США. Они справедливо исходили из того, что строительство ПРО в США заставило бы Советский Союз принять контрмеры. Причем средства противодействия американской ПРО стоили бы Советскому Союзу, по американским оценкам, дешевле и могли бы быть созданы быстрее, чем американская система ПРО вступила бы в действие. Противники системы ПРО указывали, что ее главным уязвимым местом были радиолокаторы, которые могли бы быть выведены из строя и *ослеплены* надатмосферными ядерными взрывами.

В конце 1966 г. между сторонниками и противниками ПРО в США была достигнута компромиссная договоренность, в соответствии с которой выделялись средства на отдельные боевые компоненты системы «Найк-Икс», но их расходование откладывалось до выяснения возможности договориться с Советским Союзом об ограничении систем ПРО.

В 1966 г. американская сторона вполне определенно поставила перед советской стороной вопрос о достижении договоренности в отношении взаимного, совместного с Советским Союзом отказа от широкого развертывания систем ПРО. На этот раз советская сторона ответила, хотя довольно осторожно. Да, мол, дело хорошее, но, конечно, одновременно надо и сокращением наступательных стратегических вооружений заняться и уж, само собой, в контексте всеобщего и полного разоружения. В переводе с дипломатического языка это означало проявление сдержанного интереса к возможности рассмотрения оборонительных и наступательных систем в их взаимосвязи, однако увязка со всеобщим и полным разоружением переводила этот интерес из практической плоскости в умозрительную. В общем – спасибо за предложение, можно подумать, но пока не время.

В ходе обмена мнениями по этому вопросу в первой половине 1967 г. советская сторона смягчила свою позицию, сняв увязку

со всеобщим и полным разоружением. Не отвергая возможности ограничения систем ПРО, она продолжала настаивать на том, чтобы эта проблема рассматривалась во взаимосвязи с сокращением наступательных стратегических вооружений. Американская сторона согласилась, чтобы на переговорах рассматривались как оборонительные, так и наступательные виды стратегических вооружений, но в отношении последних предпочитала говорить об их выравнивании, а не о сокращении.

Интересное место в предыстории переговоров по стратегическим вооружениям занимает встреча президента Линдона Джонсона (1963–1969) и председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина в городке Гласборо штата Нью-Джерси. В июне 1967 г. в Нью-Йорке состоялась специальная сессия по Ближнему Востоку. Советскую делегацию возглавлял Косыгин. Американцы предложили использовать его пребывание на американской территории для организации встречи с ним президента Джонсона. Но Косыгин не хотел ехать в Вашингтон, чтобы не демонстрировать заинтересованности во встрече с Джонсоном. Аналогично Джонсон не хотел ехать в Нью-Йорк. Тогда кто-то из американцев догадался предложить организовать встречу в маленьком городке Гласборо, который находится ровно на полпути между Вашингтоном и Нью-Йорком. Официальная повестка дня встречи состояла из вопросов, не имевших отношения к стратегическим системам. Однако на ланче, который Джонсон дал советской делегации, Макнамара, очевидно по согласованию с Джонсоном, завел большой и обстоятельный разговор, где постарался убедить советского премьера в тяготах и опасностях соревнования в области противоракетной обороны и в необходимости договориться о взаимном отказе от этих систем. Мои попытки разыскать в архивах запись этой беседы, к сожалению, оказались безуспешными: в МИДе ее не оказалось, а в архивы ЦК (мои поиски происходили в 1989–1990 гг.) пробиться не удалось.

Американские источники, в том числе руководитель американской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений (ОСВ) в 1969–1972 гг. Джерард Смит, считают, что аргументы Макнамары заставили Косыгина пересмотреть свое отрицательное отношение к идее отказа от оборонительных систем, и в результате Советский Союз согласился на проведение

переговоров. Советский посол А.Ф. Добрынин, который участвовал во встрече, пишет в своих воспоминаниях, что Макнамара не смог донести до Косыгина убедительность своей концепции и Косыгин как был, так и остался противником отказа от оборонительных систем. Хотя Добрынин и признает, что «дискуссия в Гласборо была первым толчком, который помог начать переговоры по ограничению стратегических вооружений, что в конечном счете привело к заключению Договора об ограничении систем противоракетной обороны в 1972 г.»². Виктор Суходрев, который принимал участие во встрече в качестве переводчика, в своих интереснейших воспоминаниях³ свидетельствует, что Макнамара, сидевший рядом с Косыгиным, использовал этот шанс для того, чтобы переубедить советского премьера, а тот по возвращении в Москву доложил содержание беседы Политбюро. Думаю, что эта беседа сыграла если не решающую, то довольно существенную роль в изменении советской позиции.

Как бы то ни было, к лету 1968 г. в подходах сторон к предмету переговоров осталось лишь одно расхождение: советская сторона настаивала на том, чтобы речь шла лишь о системах обороны против баллистических ракет, а американская добивалась включения и систем ПВО. Как свидетельствует участник переговоров Пол Нитце, президент Джонсон, следуя совету Макнамары и Раска, согласился принять советскую формулировку, чтобы переговоры смогли начаться до окончания его президентства⁴.

Хорошо помню день 1 июля 1968 г. Как один из участников переговоров по выработке договора о нераспространении ядерного оружия, я присутствовал на церемонии подписания ДНЯО. В Доме приемов на Ленинских горах, где происходило подписание, было торжественно, парадно. А.Н. Косыгин произнес небольшую речь, в которой отметил важность этого договора и объявил о договоренности относительно советско-американских переговоров по ограничению стратегических вооружений: «Между правительствами СССР и США достигнута договорен-

---

² Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986).

³ Язык мой – друг мой: От Хрущева до Горбачева... / В.М. Суходрев. М.: АСТ, 1999. 477, [1] с., [8] л. портр.; 20 см. (Мемуары).

⁴ Nitze P. From Hiroshima to glasnost: at the center of decision: a memoir. New York, 1989. P. 290.

ность вступить в ближайшее время в переговоры относительно комплексного ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического оружия, так и систем обороны против баллистических ракет».

Церемония завершилась под звон бокалов с шампанским. А между тем приближалось 20 августа 1968 г. Советское вторжение в Чехословакию помешало США сесть за стол переговоров во время президентства Джонсона. Они начались только в ноябре 1969 г. Напомню основные этапы этого советско-американского переговорного процесса.

В 1972 г. были заключены бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических вооружений, или Договор ОСВ-I (сроком на пять лет).

На продолжившихся вскоре переговорах был разработан Договор ОСВ-II, который должен был заменить Временное соглашение. Он был подписан в 1979 г., но в силу не вступил из-за отказа Конгресса США его ратифицировать. Международный небосклон все более затягивался темными тучами конфронтации. Ввод наших войск в Афганистан в 1979 г. дал прекрасный повод американцам отказаться от этого договора.

В 1981 г. под лозунгом борьбы с СССР как «империей зла» к власти в США пришел республиканец Рональд Рейган (1981–1989). Тем не менее переговорный процесс набрал столь большие обороты, что даже в те тяжелые для диалога времена прервался не сразу: в октябре 1980 г. начались советско-американские переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе, а в 1982 г. – по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Однако в конце 1983 г. и те и другие переговоры были прерваны, не приведя к каким-либо положительным результатам. Этот исход был предreshен нежеланием каждой стороны сделать первый шаг навстречу другой стороне.

В 1980-е гг. холодная война достигла своего пика, почти сравнимого с Карибским кризисом 1962 г., когда мир оказался на грани ядерной войны. В самый разгар международной напряженности, 11 августа 1984 г., Рейган, проверяя микрофон перед традиционным радиообращением к народу и не зная, что он уже включен, сказал: «Мои соотечественники-американцы, я рад сообщить вам сегодня, что подписал указ об объявлении России

вне закона на вечные времена. Бомбардировка начнется через пять минут».

Эта шутка Рейгана, из-за которой вполне могла бы начаться третья мировая война, вызвала огромный резонанс в мире, и в первую очередь в СССР. «ТАСС уполномочен заявить, что в Советском Союзе с осуждением относятся к беспрецедентно враждебному выпадку президента США, – говорилось в официальном заявлении главного советского информационного агентства. – Подобное поведение несовместимо с высокой ответственностью, которую несут руководители государств, обладающих ядерным оружием, за судьбы собственных народов, за судьбы человечества».

Идеологическая конфронтация в начале 1980-х гг. распространилась даже на сферы, казалось бы, далекие от политики. США бойкотировали Олимпийские игры 1980 г. в Москве, а СССР – Олимпийские игры в Лос-Анджелесе 1984 г. Советских школьников стали предупреждать, что нельзя общаться на улице с иностранцами, потому что они могут подарить отравленные конфеты, съев которые тут же умрешь.

К 1985 г. отношения между СССР и США были практически на нуле. С момента встречи Л.И. Брежнева и американского президента Джими Картера в Вене в июне 1979 г. контакты на высшем уровне отсутствовали. Мировые СМИ повторяли, как мантру, высказывание президента США Рейгана: «Советский Союз – империя зла». Однако к концу своего первого президентства Рейган стал осознавать необходимость достижения компромиссов с Советским Союзом.

Соображения безопасности подталкивали каждую из сторон к возобновлению переговоров. После смерти Ю.В. Андропова (1982–1984) генеральным секретарем ЦК КПСС стал практически недееспособный по состоянию здоровья К.У. Черненко (1984–1985). Думаю, что в это время А.А. Громыко оказывал безраздельное влияние на определение внешней политики Советского Союза. А он, по-моему, всегда считал, что с США надо жить в мире.

Пришедший к власти в 1985 г. М.С. Горбачев не хотел продолжения советско-американской конфронтации. Не преуспевший во внутренней политике, он сделал ставку на успехи в международной сфере. Переизбранный ранее и намеренный подправить

свой имидж Рейган тоже получил большую свободу рук для корректировки внешнеполитического курса.

Еще в конце ноября 1984 г. СССР и США договорились вступить в новые переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений. На встрече министров иностранных дел СССР и США в Женеве в январе 1985 г. стороны условились провести такие переговоры по трем направлениям: по ракетам средней дальности, стратегическим наступательным вооружениям и по обороне и космосу. Ввиду естественной взаимосвязи этих трех направлений переговоры должны были вестись единой делегацией с каждой стороны, но в трех подгруппах. Эти переговоры начались в Женеве 12 марта 1985 г.

В конце 1987 г. переговоры по ракетам средней дальности завершились подписанием советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), а переговоры по двум другим направлениям продолжались. Вот эту двуединую делегацию я и возглавил в апреле 1989 г.

Технология переговоров

В сущности, переговоры – это основа всей дипломатии. Ведь одна из главных задач дипломата, будь то собственно переговоры или работа в посольстве, – договариваться о каких-то взаимоприемлемых вещах со своими иностранными партнерами. В этом принципиальное отличие профессии дипломата от профессии военного. Военный, в руках которого оружие, добивается выполнения поставленной задачи силой, а дипломат – нахождением компромисса. Конечно, каждая профессия накладывает свой отпечаток на менталитет. Это было очень заметно в тех делегациях, в которые включались военные эксперты. У военных – жесткость и четкость, у дипломатов – гибкость и склонность к более расплывчатым формулировкам. Взаимодействие того и другого подходов часто приводило к весьма плодотворным результатам. А если такое взаимодействие продолжалось достаточно длительное время, то оно оказывало благотворное воздействие на менталитет обеих сторон.

Особенно хорошо я прочувствовал этот процесс на переговорах по стратегическим вооружениям, где более половины делегации состояла из военных. Так случилось, что большая часть моей дипломатической карьеры была связана с переговорами – как многосторонними, так и двусторонними. Сначала на третьих, вторых ролях, а потом во главе делегации. Конечно, переговорная практика по-настоящему начинается только тогда, когда оказываешься в *первом кресле*, т.е. когда ты в качестве *первого номера* представляешь свою сторону, будь то пленарное заседание, рабочая группа или подгруппа. Твои советники и эксперты могут давать тебе дельные и толковые советы. Но только ты определяешь, каким советом воспользоваться, как вести себя в той или иной ситуации, как прореагировать на выступление представителя другой стороны. Реакция должна быть мгновенной. Она иногда может заключаться и в том, чтобы промолчать.

Но и такой образ действий должен быть осознанным, а не вызванным тем, что не нашелся что сказать.

Очень важным качеством переговорщика является умение понять позицию партнера по переговорам (*оказаться в его ботинках*, как говорят американцы), определить, что в его позиции совместимо с твоей позицией, и как совместить то, что несовместимо. А уж если найден какой-то компромисс, то его обязательно надо зафиксировать, хотя бы самым неофициальным образом, но на бумаге.

В институтах – и у нас, и на Западе – разрабатываются теории переговорного процесса, читаются курсы лекций о том, как надо вести переговоры. Но когда я вступал на переговорное поприще, то еще не слышал о таких теориях. А когда узнал, что они существуют, то уже был достаточно уверенным в себе практиком.

Впоследствии мне даже пришлось прочитать курс лекций в российской Дипломатической академии, в которых я пытался поделиться со слушателями своим переговорным опытом. В заключение же я им сказал, что не представляю себе, как можно научиться вести переговоры, не посидев в *первом кресле* хотя бы в какой-нибудь рабочей группе, разрабатывающей не учебный, а самый настоящий, пусть не *судьбоносный* документ, например, проект резолюции.

Разумеется, каждые переговоры имеют свою специфику, связанную прежде всего с их предметом.

К тому времени когда я был назначен главой делегации, советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям продолжались уже 20 лет. За это время были отработаны формы и методы, которые, базируясь на международной практике, учитывали и специфику данных переговоров.

Специфика состояла прежде всего в громоздкости готовившихся документов и в изобилии военно-технических деталей. Текст самого договора был относительно невелик – страниц пятьдесят. Но различного рода приложения и приложения к приложениям, договоренности, оформлявшиеся путем обмена письмами, заявлениями, и другие документы составляли в общей сложности более восьмисот страниц. Причем отдельные части этой машины разрабатывались параллельно в различных рабочих группах.

Такой порядок работы требовал тщательной координации действий переговорщиков в различных рабочих группах. Кроме того, необходимо было тщательно следить за тем, чтобы разрабатываемые документы *стыковались* друг с другом (изменения в тексте одного документа могли вызывать необходимость корректировки и других документов). Эта задача осуществлялась на регулярно проводимых совещаниях делегации.

Механика подготовки договора и связанных с ним документов выглядела следующим образом. Каждая из сторон представляла свой текст. Они как бы накладывались один на другой. То, что совпадало, становилось согласованным текстом. То, что не совпадало, помещалось в квадратные скобки с пояснениями, из которых становилось понятно, чья позиция отражена в скобках (в русском тексте наша позиция отмечалась значком ¹), а позиция США – значком ²); в английском тексте значки соответственно менялись).

В тех случаях, когда несовпадение было чисто словесным, находились формулировки, которые отражали согласованную позицию. Если же расхождения касались существа, то согласование, естественно, становилось более сложным. Поиск преодоления расхождений и составлял суть переговоров.

Каждый раунд начинался и завершался пленарными заседаниями, на которые делегации собирались в полном составе. На них зачитывались заранее подготовленные заявления довольно общего характера. На заседании при открытии раунда стороны декларировали свои намерения, выражали надежды и т.д. На заключительном заседании подводились итоги и выражались надежды на сближение позиций на следующем раунде.

После первого пленарного заседания началась работа двух основных групп – по наступательным вооружениям (советскую часть группы возглавлял посол Л.А. Мастерков) и по обороне и космосу¹ (нашими основными представителями здесь были посол Ю.И. Кузнецов и генерал-лейтенант Н.Н. Дединов).

---

¹ Название этой группы было компромиссным и совершенно противоречивым: американцы настаивали на обсуждении Договора по ПРО 1972 г., на том, чтобы согласовать его расширенное толкование; мы же, категорически возражая против этого, предлагали обсуждать запрет на использование космоса в военных целях, что было неприемлемо для американцев, поскольку они планировали, в частности, размещать в космосе элементы своей ПРО.

При этом американцы каждый раз подчеркивали, что они участвуют в работе группы по обороне и космосу в качестве самостоятельной делегации, не связанной с их делегацией в группе по стратегическим наступательным вооружениям. Администрации Рейгана, а затем и Буша-старшего (1989–1993) в то время были озабочены получением от Конгресса средств на СОИ. Они пытались доказать, что заключение договора по СНВ не должно снизить ассигнований на ПРО. Это-то обстоятельство и побуждало делегацию США делать такие ритуальные заклинания. Мы, со своей стороны, исходя из неразрывной связи наступательных и оборонительных вооружений, подчеркивали, что делегация у нас одна и что наш представитель в группе по обороне и космосу полностью подчинен руководителю всей делегации, как и представитель в группе по стратегическим наступательным вооружениям.

Группы делились на подгруппы, каждая из которых занималась разработкой текста отдельного документа. Первоначально группа по обороне и космосу образовывала свои символические подгруппы. Но постепенно мы сократили свою делегацию в ней до трех человек и практически отказались от подгрупп. Американцы, число которых в этой группе превышало 20 человек, пытались протестовать, но в конце концов приняли ситуацию как она есть.

Группа по СНВ делилась на подгруппы, каждая из которых разрабатывала и согласовывала текст порученного ей документа – самого договора, протокола об инспекциях, протокола о переоборудовании или ликвидации СНВ, протокола об уведомлениях о сокращении и ограничении СНВ, протокола о забрасываемом весе, протокола о телеметрической информации, протокола о Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям, Меморандума о договоренности об установлении исходных данных. По мере необходимости создавались и какие-то еще более мелкие подгруппы для подготовки решения конкретных узловых вопросов. Конечно, очень важную роль играли всегда встречи глав делегаций.

Общая схема механизма переговоров была рациональна. К моему назначению на переговоры существовал уже солидный задел в виде текстов основных документов. Правда, значительная их часть находилась «в скобках», т.е. была не согласована.

Перед делегацией была поставлена задача находить выходы и представлять свои предложения в Центр.

По своему предыдущему опыту на Конференции по разоружению, где я участвовал в различных переговорах, в том числе по запрещению химического оружия, я знал, что без неофициального зондажа трудно найти варианты, которые вели бы к договоренностям. Достижение договоренностей на переговорах по сложным и деликатным вопросам невозможно без неофициальных контактов, в ходе которых стороны пытаются достичь договоренности *ad referendum*, т.е. на свой страх и риск для доклада в свои столицы. За столом переговоров это сделать невозможно, так как каждое слово фиксируется. Формально никакого протокола не ведется. Но каждая сторона делает для себя подробные записи, на которые она в случае чего может сослаться. И даже если кто-то за столом переговоров предупреждает: «Я хочу сейчас сказать кое-что неофициально, не для протокола», всем, в том числе и говорящему, ясно, что все его слова будут зафиксированы, даже если все участники положат свои ручки и отодвинут блокноты.

Другое дело неофициальные встречи на нейтральной почве – в кафе, ресторане и т.д. Конечно, и там можно организовать запись разговора. Современные технические средства позволяют записать разговор даже во время прогулки в лесу, хотя там это сделать гораздо сложнее, чем в помещении. Но это уже сфера спецслужб. Во всяком случае, контакты вне официального переговорного стола дают больше свободы для отказа от достигнутых предварительных договоренностей, если они не будут одобрены соответствующими правительствами.

Примерно раз в неделю главы делегаций вместе с их заместителями встречались за ланчем в каком-нибудь ресторанчике, где подводили итоги прошедшей недели, уславливались об основных направлениях работы на следующую неделю, обсуждали какие-либо конкретные вопросы, прощупывали возможные подходы к их решению, готовили так называемые компромиссные «пакеты». На этой форме «пакетных» договоренностей следует остановиться подробнее.

Конечно, классическим компромиссом является договоренность по какому-то конкретному вопросу, для достижения которой каждая сторона уступает в равной мере. Это, однако,

не всегда оказывается возможным в силу характера того или иного вопроса, когда он может быть решен на основе «или-или»: либо предложение принимается, либо снимается. Бывает и так, что по отдельным элементам «пакета» компромисс может быть найден, но не посередине, а ближе в ту или иную сторону. В таких случаях составляется набор вопросов и договоренность достигается путем «размена озабоченностями» – «в пакете»: по некоторым стороны уступают друг другу в разной степени, а в целом получается примерный баланс уступок. При этом действует принцип: пока не согласовано все, не согласовано ничего. Иными словами, условием любого «пакета» является то, что если не принимается хотя бы одно его условие, весь «пакет» считается несогласованным («рассыпается»).

Можно, конечно, привести конкретные примеры таких «пакетов», но объяснение их смысла со всеми нюансами было бы столь узкотехническим, что, боюсь, любой читатель, за исключением разве что нескольких специалистов, на этом закрыл бы эту книгу. А вообще схема таких «пакетов» примерно такова: я тебе частично уступаю по вопросу А (скажем, 30:70), ты мне – по вопросу Б (70:30), а вопросы В и Г, по которым компромисс невозможен, «размениваются», т.е. снимаются вообще.

Для того чтобы выторговать у другой стороны побольше уступок в рамках «пакета», переговорщики иной раз придерживают полученное из Центра разрешение дать на что-то согласие, а потом это согласие включить в очередной «пакет». Иногда это бывает связано с риском.

В течение длительного времени американцы настаивали на включение в договор положения, разрешающего строительство и передислокацию стационарных пусковых установок (ПУ) межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в пределах устанавливаемых договором суммарных количеств на стратегические носители. И вот в конце 1989 г. делегация получила разрешение дать на это согласие. Это изменение нашей позиции, видимо, продиктовано было намерением иметь возможность перевести наши железнодорожные мобильные пусковые установки современных ракет SS-24² на шахтное базирование. Естественно, возникло желание выторговать эту *уступку*

---

² Обозначение советских ракет РС-22, принятое в НАТО.

за встречную уступку со стороны США. Но случая все не представлялось.

Как-то приходит с очередной встречи со своим американским коллегой один наш переговорщик и докладывает мне, что американец завел с ним разговор о том, что американская сторона могла бы, мол, отказаться от своего предложения о возможности передислокации шахтных пусковых установок (ШПУ), если бы советская сторона в чем-то пошла навстречу американцам. Иными словами, в Вашингтоне происходил тот же процесс, что и в Москве, только в обратном направлении. Очевидно, у США отпала необходимость в строительстве новых ШПУ, а с другой стороны, они могли узнать или вычислить то, что мы захотим наши железнодорожно-мобильные SS-24 или часть их спрятать под землю.

Пришлось срочно заготавливать официальное согласие на принятие американского предложения о возможности передислокации ШПУ, естественно, без *выторговывания* уступок, теперь уж было не до них. Американские коллеги были очень этим раздосадованы, так как, по всей видимости, им пришло указание из Вашингтона снять предложение о возможности передислокации ШПУ и они решили за это что-нибудь выторговать у нас.

Очень полезной формой неофициальных контактов были ежедневные утренние встречи с главой американской делегации Ричардом Бертом (кроме субботы и воскресенья) на *нейтральной территории* – за чашкой кофе в кафе, расположенном недалеко и от американской, и от советской миссий. Обычно встречались двое на двое, вместе со своими заместителями. На таких встречах согласовывались планы обеих делегаций на день, устранялись всяческие сложности, шероховатости, возникавшие в отдельных рабочих группах, обсуждались различные проблемы (если эти проблемы носили технический характер, приглашали на такое обсуждение соответствующих экспертов).

Порой осложнения в группах возникали на чисто личностной основе. Тогда приходилось выступать посредниками, чтобы помирить повздоривших между собой советского и американского переговорщиков. Иногда приходилось услаиваться о перестановке в группах, чтобы устранить психологическую несовместимость переговорщиков с той или другой стороны.

В одной из рабочих групп американскую делегацию представляла весьма корректная дама, а с нашей стороны ей противостоял человек, которого никак нельзя было причислить к категории джентльменов. Природная резкость сочеталась в нем с отсутствием элементарной воспитанности, хотя, надо сказать, предмет, по которому велись переговоры в этой группе, он знал хорошо. На одной из встреч за чашкой кофе Берт мне говорит:

– Наша мадам пришла ко мне в слезах и говорит, что она долго терпела грубость своего советского визави, но терпению ее пришел конец, когда он во время последнего заседания группы вместо того, чтобы просто сказать «нет», сунул ей в физиономию кукиш. Я прошу тебя что-то предпринять.

– Согласен, – говорю я, – что кукиш – это не средство дипломатического общения. И я знаю, что манеры у нашего представителя не очень изысканные. Но не думаю, что я смогу его перевоспитать, в его пятьдесят с лишним лет. Можно, конечно, развести твою деликатную мадам и моего грубияна по разным группам, но тогда потребуется время для вхождения новых людей в детали незнакомых для них вопросов. Можем ли мы на это пойти?

В результате уславливаемся, что каждый из нас проведет со своим представителем беседу на предмет повышения сдержанности одной высокой договаривающейся стороны и понижения уровня обидчивости другой. Не знаю, что говорил Берт обидчивой мадам. Я же, объяснив своему грубияну неуместность использования жестов в переговорной практике, посоветовал каким-то образом загладить свой *дипломатический промах*. Сам ли наш переговорщик догадался или ему кто-нибудь посоветовал, но на следующем заседании (оно приходилось на 8 марта) он преподнес мадам букет цветов. Как свидетельствовали очевидцы, мадам чуть не упала со стула от потрясения. Так они и работали вместе до конца переговоров.

Еще одной формой неофициальных контактов с Бертом стали пешие прогулки в горы по воскресеньям.

В то время большой популярностью пользовался американский фильм «Прогулка в лесу». В начале 1980-х гг. руководители американской и советской делегаций на переговорах по ракетам средней дальности Пол Нитце и Юлий Квицинский совершили в окрестностях Женевы несколько прогулок, в ходе которых они попытались нащупать компромиссную договоренность, которая

не была предусмотрена официальными позициями как той, так и другой стороны. Между собой они нашли решение, но ни американский президент, ни советское руководство не приняли его. Впоследствии прогулка была подробно описана П. Нитце в его мемуарах и вошла в историю как пример мужества двух дипломатов, рискнувших личным положением ради достижения договоренности на благо своих стран. По этому мотиву и был впоследствии поставлен фильм.

Этот фильм, который, впрочем, не имел ничего общего с подлинными событиями, а лишь использовал тему личного риска ради общего блага, сильно преувеличивал риск, которому подвергались оба дипломата. Во всяком случае, несмотря на неудачу своей попытки, ни тот ни другой не только не пострадали, но успешно продолжали свои карьеры (Юлий Квицинский был назначен послом в Бонн, а затем стал первым заместителем министра иностранных дел СССР, а Пол Нитце продолжал занимать положение советника номер один по вопросам разоружения при президенте США). Как бы то ни было, тема *прогулки в лесу* была весьма популярной среди женевских дипломатов конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Таких прогулок мы совершили пять-шесть. Нас сопровождали заместители и помощники. Выезжали по воскресеньям на машинах в Швейцарскую Юру, километров за двадцать от Женевы, и карабкались вверх, к уютному кафе «Les Vareillettes». Там перекусывали, отдыхали, записывали некоторые формулировки, которые удавалось обговорить по дороге, и спускались обратно к машинам. Два с половиной – три часа – туда, час – отдых, час – обратно.

Во время этих *прогулок в горах* было, в частности, подготовлено заявление Буша-старшего и Горбачева о будущих переговорах по стратегическим вооружениям³, которые должны были последовать за подписанием Договора СНВ-I. Идея заявления возникла еще в Вайоминге, в сентябре 1989 г., где проходила встреча министров иностранных дел США и СССР. Смысл такого заявления,

---

³ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и по дальнейшему укреплению стратегической стабильности было подписано руководителями СССР и США 1 июня 1990 г. – Прим. ред.

по моему мнению, должен был состоять в том, чтобы, во-первых, обеспечить непрерывность процесса, а во-вторых, получить возможность отводить обвинения относительно того, что какие-то вопросы были не решены или решены не так в договоре. Заявление должно было показать, что если в договоре что-то не так, то все это будет исправлено в ходе последующих переговоров. Этими соображениями я поделился с Бертом, гуляя с ним по живописным тропинкам вокруг Тетон-Лодж (гостинично-туристический комплекс в штате Вайоминг), где проходила министерская встреча. Условились вернуться к этой теме в Женеве.

В Женеве, куда мы съехались после непродолжительного перерыва после вайомингской встречи, оказалось, что ни ему, ни мне не удалось получить официальных инструкций о разработке заявления. Мои московские начальники сказали, что официальные инструкции (в то время они должны были проходить утверждение в Политбюро) могут быть мне даны только после того, как я представлю возможный текст такого заявления. В аналогичной ситуации оказался и Берт. Поэтому условились вести подготовку проекта заявления в ходе прогулок.

Между тем необходимость совместного заявления о будущих переговорах возрастала из-за того, что летом 1990 г. предстояла встреча в Вашингтоне на высшем уровне. Первоначально была надежда, что на ней можно будет подписать договор. Но с каждым днем эта надежда таяла, и скоро стало ясно, что договор не будет готов. И тогда было решено подготовить к washingtonской встрече два совместных заявления – о достигнутом прогрессе в деле подготовки договора и относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Таким образом, заявление о будущих переговорах должно было сослужить роль оптимистического наполнителя встречи.

Сложность подготовки этого совместного заявления состояла в том, что позиции сторон расходились по трем основным вопросам: по взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (США настаивали на продолжении переговоров по ПРО и космосу с целью пересмотра Договора по ПРО); по уменьшению концентрации боезарядов на межконтинентальных баллистических ракетах с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН)

и по дальнейшему сокращению тяжелых МБР, а также по вовлечению в дальнейшие переговоры других ядерных держав (США должны были проявлять здесь аккуратность из-за своих союзнических отношений с Великобританией и Францией, которые не хотели сокращать свои ядерные вооружения).

Совместное заявление о будущих переговорах (во всяком случае, его концептуальный подход) в дальнейшем сыграло свою роль при подготовке Договора СНВ-II, хотя бурные события, начавшиеся 19 августа 1991 г. в СССР, привели к таким последствиям, которые поломали все те осторожные компромиссные конструкции, с таким трудом разработанные для будущих переговоров. Достаточно вспомнить хотя бы следующую формулу из совместного заявления: «В частности, стороны будут вести поиск мер, которые уменьшат концентрацию боезарядов на стратегических носителях в целом, включая меры, относящиеся к вопросам тяжелых МБР и МБР с РГЧ ИН». По Договору СНВ-II российские переговорщики ради политической поддержки Б.Н. Ельцина со стороны США согласились полностью ликвидировать тяжелые МБР и все МБР с РГЧ ИН, в том числе современные десятизарядные ракеты SS-24, составлявшие основу стратегической триады России. Иными словами, США получили все то, о чем могли лишь мечтать во время разработки совместного заявления 1990 г.

Если сделана ошибка

Ходы назад брать нельзя. Это шахматное правило вполне приложимо к переговорам. Может выручить лишь заранее оговоренный «пакетный» подход, когда стороны идут на уступки друг другу по нескольким вопросам, составляющим «пакет», и улаживаются, что «пока не согласовано все, не согласовано ничего». Но и эта палочка-выручалочка срабатывает не без труда. Поучительна в этом отношении история согласования вопросов, связанных с тяжелыми бомбардировщиками (ТБ).

Вообще решение этих вопросов заняло на переговорах больше всего времени. Другие проблемы как-то решались или на какое-то время *подвешивались*, а вопросы ТБ, по сути дела, обсуждались на протяжении всех переговоров. Как только удавалось достичь принципиальной договоренности по какой-то части проблемы ТБ, тут же всплывали новые детали, требовавшие согласования. Это была какая-то гидра, с которой никак не удавалось окончательно справиться.

Причина этого, видимо, заключалась в том, что американцы, имевшие крупное преимущество по этому виду стратегических вооружений, стремились не допустить его ослабления, а мы с такой же настойчивостью добивались хотя бы некоторой нивелировки. Проблема ТБ была связана с огромным количеством чисто технических деталей и нюансов. Поэтому неудивительно, что военные специалисты различных рангов – от полковников до маршала – не только принимали участие в переговорах, как это было по всем вопросам СНВ, но и часто занимали «первое кресло» в рабочих группах, занимавшихся теми или иными элементами проблемы.

С самого начала на переговорах возник вопрос: как засчитывать вооружения ТБ в устанавливаемые договором уровни 1600 носителей и 6000 боезарядов? С баллистическими ракетами такого вопроса не возникало, а в отношении ТБ приходилось учитывать, что они вооружены и ядерными вооружениями,

и неядерными, и крылатыми ракетами большой дальности, и ракетами ближнего действия, и бомбами свободного падения. Разумеется, нельзя отрицать, что степень эффективности этих вооружений различна. Для пуска ядерной крылатой ракеты воздушного базирования (КРВБ) большой дальности не требуется, чтобы несущий ее самолет, приближаясь к цели, преодолевал ПВО противника. Будучи в состоянии преодолевать расстояние до 2,5 тыс. км, КРВБ может быть пущена с самолета по дальней цели из безопасной зоны. Причем благодаря низкой траектории полета и небольшой отражающей поверхности она с трудом поддается обнаружению радарными. Бомба же свободного падения должна быть сброшена непосредственно над целью, что делает несущий ее самолет весьма уязвимым для средств ПВО.

Вообще по вопросу о том, распространяется ли договор на неядерные вооружения (стратегического назначения, разумеется) или нет, спор шел все время, постепенно усиливаясь. Чем дальше, тем более упорно США настаивали на том, что договор распространяется только на ядерные СНВ.

В отношении баллистических ракет американцы согласились засчитывать боеголовки вообще, не уточняя, что засчитываются только ядерные боезаряды. В то время и МБР, и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) существовали у обеих сторон только в ядерном снаряжении. Хотя впоследствии по мере возрастания точности таких ракет появился практический смысл в их оснащении и неядерными зарядами¹.

Сложнее дело обстояло с тяжелыми бомбардировщиками, так как любой ТБ, оснащенный для неядерных вооружений, поддается переоснащению для ядерных. Но самые большие трудности возникли при урегулировании вопросов, связанных с КРВБ: что такое КРВБ большой дальности и как отличить ядерные КРВБ от неядерных.

Основа для решения вопроса о засчете была заложена еще в 1986 г. в Рейкьявике – на встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана. Было условлено, что ядерные вооружения, не являющиеся ядерными КРВБ большой дальности, будут засчитываться за каждым

---

¹ Эта проблема возникла со всей остротой на переговорах в 2009–2010 гг., когда разрабатывался «новый Договор СНВ», заменивший Договор СНВ-I 1991 г., действие которого истекло в 2009 г.

ТБ, оснащенным для таких вооружений, как один боезаряд, сколько бы их ни было на ТБ. Что же касается правил засчета ядерных КРВБ большой дальности, то было признано, что они должны быть другими, а какими именно – это предстояло определить в ходе последующих переговоров.

Договоренность о правиле засчета ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности, конечно, была очень крупной нашей уступкой США, может быть, самой крупной за все время переговоров. В результате США, у которых значительно больше ТБ, чем у нас², получали большое преимущество по фактическому количеству ядерных боезарядов, выходящему за пределы согласованного для обеих сторон потолка в 6000 боезарядов. Разумеется, и СССР, пользуясь тем же правилом засчета, получил право выйти по фактическому количеству ядерных боезарядов из шеститысячного лимита. Однако, обладая парком ТБ, превышающим парк СССР в 3,5 раза, США при таком засчете получали преимущество более чем на тысячу боезарядов.

Была ли эта уступка ошибкой?

Для объективного ответа на этот вопрос нужно учитывать по крайней мере, два обстоятельства.

Обстоятельство первое. В Рейкьявике, договариваясь о правиле засчета, советская сторона (в рабочей группе по ограничению вооружений ее представлял маршал С.Ф. Ахромеев, бывший в то время начальником Генерального штаба) одновременно ставила вопрос и об определении «большой дальности» для КРВБ. Согласие с американским правилом засчета увязывалось советскими представителями с установлением для КРВБ рубежа в 600 км, свыше которого дальность действия считалась бы «большой» и соответственно КРВБ относилась бы к категории «большой дальности».

По результатам рейкьявикской встречи не принималось каких-либо согласованных документов. Каждая сторона фиксировала их сама для себя. После этой встречи, когда на переговорах

---

² По состоянию на 1 сентября 1990 г. у СССР было развернуто 162 ТБ, в том числе 63 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности, а у США – 574, в том числе 385 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности.

стали излагать договорным языком рейкьявикские договоренности, американская сторона стала отрицать, что дала согласие на 600 км. Поскольку я не принимал участия в рейкьявикской встрече, не берусь судить, что было допущено – ошибка с нашей стороны или вероломство с американской.

Рубеж дальности в 600 км несколько уравнивал нашу уступку по засчету, так как сужал категорию ракет ближней дальности с учетом возможностей нашей ПВО. И тем не менее вопрос оставался: стоит ли это объективное различие в военной эффективности той разницы в засчете, которая была согласована?

Второе обстоятельство может помочь ответить на этот вопрос. В 1986 г., когда проходила рейкьявикская встреча, маховик конфронтации, набравший большие обороты в первой половине 1980-х гг., продолжал вращаться. Заявление М.С. Горбачева от 15 января 1986 г., несмотря на объявленный односторонний мораторий на ядерные испытания, все-таки воспринималось на Западе как пропаганда. Для преодоления инерции конфронтации и гонки вооружений нужны были реальные шаги, а не пропагандистские утопии типа «программы полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г.», которая была основой этого заявления.

В повороте к налаживанию отношений с остальным миром, к сокращению расходов на вооружения, очевидно, были больше заинтересованы М.С. Горбачев с его еще не размежевавшимися соратниками, только что провозгласившие *перестройку*, чем Р. Рейган, далеко не сразу воспринявший новые веяния из Москвы. Естественно, поэтому инициатива исходила от советской стороны. Приняв американское предложение о порядке засчета ядерных вооружений на ТБ, она сделала реальный шаг, показавший серьезность ее намерения заключить договор по СНВ.

Да, США в этом случае получили возможность иметь большее количество ядерных боезарядов, чем Советский Союз. Но ядерные вооружения подчиняются иным законам, чем обычные, неядерные. Формула ядерного паритета значительно сложнее, чем соотношение 1:1. Во время Карибского кризиса в 1962 г. соотношение по боезарядам было 1:17 в пользу США. Однако и тех ядерных средств, которые имелись у Советского Союза, оказалось достаточно для сдерживания США. Кризис не перерос в войну. Видимо, американская сторона сочла, причем весьма

справедливо, что и те ядерные заряды, которыми Советский Союз мог бы поразить территорию США, причинили бы им «неприемлемый ущерб». Неясно, на каких весах взвешивался этот возможный неприемлемый ущерб. Наверное, все-таки не по «формуле Макнамары»: одна пятая – одна четвертая часть населения и от половины до двух третей промышленного потенциала. Уверен, что в то время Советский Союз не мог нанести такого удара. Но и значительно меньший ущерб оказался неприемлем для США. И слава богу.

Вместе с тем в ходе разработки Договора СНВ-I обе стороны исходили из иного подхода к сохранению паритета. Основу договора составили равные для каждой стороны уровни и по носителям, и по боезарядам. Таким образом, Договор должен был не только понизить существующие уровни, но и закрепить соотношение 1:1. По носителям это соотношение было выдержано, а по боезарядам сделаны отступления, в основном за счет вооружений воздушного базирования. По сути дела, договор снизил количественные уровни боезарядов у обеих сторон, сохранив их соотношение (1,3:1 в пользу США).

Очевидно, С.Ф. Ахромеев, который был в 1986 г. начальником Генерального штаба, давая в Рейкьявике согласие на правило засчета, исходил из того, что безопасность государства не пострадает, если за США сохранится преимущество по боезарядам. Уверен, что он был прав. Ошибка была допущена, с моей точки зрения, лишь в том, что не была каким-либо образом – скажем, в неофициальном документе – зафиксирована увязка правила засчета ядерных вооружений на ТБ с установлением рубежа дальности в 600 км для КРВБ большой дальности. Но это была переговорная ошибка, которая в дальнейшем – правда, ценою немалых усилий – была устранена. Это произошло в мае 1990 г. во время встречи в Москве американского государственного секретаря Дж. Бейкера и советского министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе. Но это было позже. А пока решался вопрос о том, как же все-таки засчитывать ядерные КРВБ большой дальности.

В совместном советско-американском заявлении на высшем уровне от 10 декабря 1987 г. эта задача ставилась в качестве одной из первоочередных. «Делегации определяют конкретные правила в этой области», – говорилось в документе. В совместном заявле-

нии по визиту Р. Рейгана в Москву в мае 1988 г. вскользь упоминалось, что в ходе встречи «удалось значительно расширить области согласия, в частности, по вопросу о КРВБ». Некоторое расширение областей согласия действительно произошло, но оно касалось лишь второстепенных деталей (наиболее важная договоренность предусматривала, что все существующие КРВБ будут считаться ядерными, а будущие КРВБ в обычном оснащении должны быть отличимы от ядерных). По главному же вопросу – о правилах засчета – в документе «Области согласия по вопросу о КРВБ» от 1 июня 1988 г. лишь подтверждалось то, что эти правила необходимо согласовать: «Тяжелый бомбардировщик, оснащенный для крылатых ракет «воздух–земля» большой дальности в ядерном оснащении, будет засчитываться как одно средство доставки в предельный уровень в 1600 единиц и как согласованное количество боезарядов в предельный уровень в 6000 единиц».

После полугодичного перерыва делегации съехались в июне 1989 г. в Женеву, имея в своих портфелях по засчету КРВБ следующие позиции: мы настаивали на засчете КРВБ по реальной максимальной оснащенности каждого типа ТБ, с ограничением и контролем развернутых и неразвернутых КРВБ и с установлением подуровня в 1100 единиц для вооружений ТБ (в рамках уровня в 6000 единиц для боезарядов); американцы добивались засчета 10 КРВБ за каждым ТБ, независимо от его типа, и отвергали ограничения на КРВБ и ТБ³.

Конечно, обе позиции были «запросные». Вряд ли американцы рассчитывали на принятие нами их позиции. Нам тоже было

---

³ По данным, приведенным в Меморандуме о договоренности об исходных данных на 1 сентября 1990 г., у США имелось 574 ТБ, а у СССР – 162 ТБ. Таким образом, по носителям у США был перевес в 3,5 раза. При этом у США из указанного числа 189 ТБ были оснащены крылатыми ракетами большой дальности (96 единиц В-52G и 93 единицы В-52Н). У нас имелось всего 99 ТБ в аналогичном оснащении (57 единиц – ТУ-95 МС 16, 27 единиц – ТУ МС 6 и 15 единиц – ТУ 160). Самолеты типа В-52G оснащены для 12 КРВБ (на внешних узлах крепления). Самолеты типа В-52Н, помимо 12 внешних подвесок, имеют во внутренних отсеках узлы крепления еще для 8 КРВБ. Таким образом, максимальное количество КРВБ, которое могли поднять американские ТБ в 1990 г., составляло 3012 единиц. Наши самолеты ТУ-95 МС 16 могли нести 16 КРВБ (10 на внешних подвесках и 6 во внутренних отсеках), ТУ-95 МС 6 – 6 (только во внутренних отсеках) и ТУ-160 – 12 (только во внутренних отсеках). Таким образом, максимальное количество КРВБ на наших ТБ составляло 1254 единицы.

понятно, что американцы не согласятся на *зжатие* своего воздушного компонента в результате принятия нашей позиции. Но каждая сторона отстаивала свою «запросную» позицию, стремясь в конечном счете побольше выторговать. Человеческая психология проявляется одинаково – что на международных переговорах, что в базарном торге.

Разумеется, ни одна ни другая сторона в реальной жизни не могла использовать свои ТБ с максимальной загрузкой их крылатыми ракетами, так как такая загрузка существенно снижала бы радиус действия. И если у США еще была какая-то возможность использовать свои стратегические базы за пределами своей территории, то у СССР такой возможности не было.

Надо учесть и то, что США придавали большое значение своему воздушному компоненту в планах на будущее, строя новые самолеты В-1В и В-2. Одной из причин этого было, очевидно, намерение США противопоставить свои ТБ наращивавшимся нами мобильным МБР (конечно, авиасредства более эффективны против движущихся целей, чем баллистические ракеты). Мы же традиционно делали упор на развитие наземных МБР прежде всего ввиду отсутствия у нас зарубежных баз⁴.

Понятно поэтому, что наши предложения о засчете КРВБ по максимуму и особенно о подуровне в 1100 единиц для боезарядов на ТБ заставили бы США более чем в три раза сократить флот своих ТБ и почти не подвергли бы ограничениям наш воздушный компонент. Должен сказать, что на той стадии переговоров, на которой я начал в них участвовать, практически никто всерьез не воспринимал подуровень в 1100 единиц и для ТБ. И американцы и мы были уверены, что это предложение будет нами снято, настолько он было «запросно». Да и предложение о засчете КРВБ по максимуму тоже не выглядело убедительным. Жесткая «запросность» нашей позиции по ТБ и КРВБ определялась стремлением военного руководства страны отыгаться за рейкьявикскую уступку по засчету ядерных боезарядов, не являющихся КРВБ большой дальности. Но стремление это было совершенно нереалистичным.

---

⁴ США в то время уже отказались от своего проекта развертывания мобильных МБР.

Со стороны МИДа была предпринята попытка поправить эту позицию к встрече министров иностранных дел СССР и США в Вайоминге в сентябре 1989 г. Сделать этого, к сожалению, не удалось. В результате делегация повезла в Тетон-Лодж старую позицию по засчету КРВБ и, разумеется, по рубежу их дальности (600 км). А чтобы наша позиция по авиационному компоненту не выглядела как саботажная, была сделана следующая уступка: мы соглашались не засчитывать ТБ несовременных типов, переоборудованные под обычные вооружения, в уровень стратегических носителей 1600 единиц при условии установления на них отдельного подуровня в 100 единиц при соответствующем контроле (США предлагали 115 единиц).

Этот сдвиг, не имевший непосредственного отношения к КРВБ, в сочетании с некоторыми словесными манипуляциями в отношении засчета КРВБ, дал возможность включить в совместное заявление министров фразу: «По вопросу о КРВБ советская сторона выдвинула новую идею, касающуюся ее подхода к тому, как решать проблему КРВБ и тяжелых бомбардировщиков»⁵.

По-настоящему сдвинуть проблему КРВБ и ТБ с мертвой точки удалось лишь в ходе московской встречи министров 7–9 февраля 1990 г. Но сдвиг этот был очень странным, что, в свою очередь, создало новые проблемы. Эта история, по-моему, любопытна и заслуживает более подробного рассказа.

Прибыв 4 февраля из Женевы в Москву, я с разочарованием узнал, что ни по одному вопросу наши позиции к переговорам министров готовы не были и что предстоит еще серия межведомственных совещаний для согласования предложений, которые могли бы быть выдвинуты нами. Совещания на различных уровнях – от экспертного до *зайковского*⁶ – заполнили все три дня – 5–7 февраля. Проходили они мучительно и закончились практически безрезультатно. Военно-промышленный комплекс грудью закрывал путь к заключению договора. Было ясно, что ни одно серьезное предложение, приближающееся к этой цели, не прой-

---

⁵ Выпуск газеты «Правда» от 25 сентября 1989 г.

⁶ В то время секретарь ЦК КПСС и член Политбюро ЦК КПСС Л.Н. Зайков возглавлял Межведомственную комиссию по разоружению Политбюро (так называемую «Большую пяттерку»).

дет сквозь многослойный фильтр межведомственного чиновничьего согласования. Требовались решения высшего политического руководства страны. А оно, прежде всего М.С. Горбачев, было занято внутренними проблемами. Острой была обстановка в Азербайджане, Литве. Приближался пленум ЦК КПСС. Так что забот у М.С. Горбачева хватало. Но нужно было решать и проблемы крылатых ракет.

Переговоры начались встречей министров один на один вечером 7 февраля. Уже на этой встрече Дж. Бейкер передал Э.А. Шеварднадзе детальные предложения США по КРВБ, с тем чтобы у советских экспертов было время их изучить. Ко мне они попали часов в девять вечера с поручением к восьми утра следующего дня доложить результаты изучения Э.А. Шеварднадзе.

Американские предложения предусматривали засчет за каждым Б-52 и каждым Б-1, оснащенными для КРВБ, по 10 боезарядов. За каждым ТУ-95 и каждым ТУ-160, оснащенными для КРВБ, засчитывалось бы по 8 боезарядов. За будущими ТБ – и американскими и советскими – засчитывалось бы по 10 боезарядов. Вместе с тем предлагалось установить предел на оснащение ТБ для КРВБ – не более чем в два раза по сравнению с засчитываемым числом КРВБ. Таким образом, максимальное число для американских бомбардировщиков составило бы 20, а для советских – 16 единиц. Тем самым американцы в некоторой степени учли то обстоятельство, что советские бомбардировщики по объективным причинам не могут взять такой же груз, как американские. Ведь американские самолеты могут совершать посадку для дозаправки на американских базах вблизи советской территории, а ракетный груз советских бомбардировщиков определяется тем, что они должны приблизиться к американской территории, а затем без посадки вернуться назад.

Чем было вызвано такое *усредненное* правило засчета, допускавшее оставление вне предела в 6000 боезарядов определенного количества КРВБ, и было ли оно оправданно? Американцы аргументировали его тем, что хотя теоретически на ТБ можно нацелить и двадцать, и даже более КРВБ, но на практике этого не произойдет, так как каждая лишняя КР *съедает* примерно 700 км дальности ТБ. В реальной жизни на американских ТБ может быть как минимум 8 КРВБ (в роторной установке, которая, находясь в фюзеляже, не сказывается на аэродинамических качествах

самолета), а на внешних подвесках – еще 4 КРВБ. Увеличение их числа при загруженности самолета другими видами вооружений – ракетами малой дальности, ядерными бомбами – практически невозможно. То же самое, как считали американцы, справедливо и по отношению к советским ТБ с поправкой в меньшую сторону – с учетом географического фактора.

В качестве критерия дальности для определения КРВБ большой дальности американцы впервые официально назвали 1000 км вместо прежних 1500 км. Они принимали наше предложение о контроле, который позволял бы отличать неядерные КРВБ от ядерных. Он должен был осуществляться не только с помощью национальных технических средств, но и путем инспекций на месте. Для этого требовалось, чтобы неядерные ракеты содержали внешние отличия, которые могли бы увидеть инспектора.

США подтверждали неприемлемость для них наших предложений о подуровне в 1100 единиц для вооружений ТБ и ограничениях для неразвернутых КРВБ, ракет малой дальности и бомб.

Этот последний *негатив* был воспринят нашими военными как должное. В ходе ночной проработки американских предложений они высказались за то, что этот наш «запрос» можно было бы снять, если бы рубеж дальности был 600 км («ведь мы уже договорились об этом в Рейкьявике») и если бы удалось договориться об удовлетворительном засчете КРВБ. А по произведенным подсчетам получилось, что США, несмотря на некоторый сдвиг в нашу сторону, получали бы вне засчетного числа значительно больше КРВБ, чем мы.

На следующее утро Э.А. Шеварднадзе было доложено, что, несмотря на некоторые положительные изменения в американской позиции, расхождения слишком велики, чтобы при нашей нынешней позиции можно было бы рассчитывать на договоренность.

В 10 часов утра в особняке МИДа на улице Алексея Толстого (ныне Спиридоновка) собрались обе делегации во главе со своими министрами. После обычного в таких случаях позирования перед теле-, кино- и фотокамерами, как только за последним журналистом закрылась дверь Белого зала, где проходили переговоры, началась работа.

Дж. Бейкер – уже на этот раз официально, для протокола, изложил американские предложения, переданные им накануне Э.А. Шеварднадзе. После этого он перешел к другим вопросам – о телеметрической информации, о неразвернутых баллистических ракетах, об этапах сокращения СНВ и т.д. Нельзя сказать, что в изложенных Дж. Бейкером позициях по этим вопросам были какие-то «прорывы». Так, легкая косметика. Но подавалось все это таким образом, чтобы создать впечатление грандиозных усилий американской стороны с целью ускорения заключения договора.

Что ж, демагогия применяется и на закрытых переговорах. Тем более что потом журналистам можно говорить, что, мол, нами были выдвинуты конструктивные предложения по более чем дюжине важных вопросов. Мы, к сожалению, даже такого демагогического *вала* не смогли наскрести: портфель наш был пуст.

Вечером, покидая особняк, Р. Берт сказал мне, что удручен результатами, что, видимо, советское руководство целиком занято внутренними делами, что оно теряет интерес к договору и т.д. Я ответил, что разделяю его пессимизм, но не могу никак согласиться с тем, что советское руководство теряет интерес к договору. Те легкие косметические штрихи, которыми американская сторона подкрасила свою позицию, никак не означают движение вперед по существу. «А что же ты хочешь, – возразил Берт, – чтобы мы согласились на 600 км⁷? Может быть, еще и Аляску вам вернуть в придачу?» «Насчет Аляски я лично не знаю, – сказал я, – а то, что без вашего согласия на 600 км у нас ничего не получится, это я знаю точно». На том и расстались.

На следующий день М.С. Горбачев принимал Дж. Бейкера. В ожидании результатов этой встречи делегации занялись трехстепенными вопросами, которые носили в основном технический характер.

Около 14:00 решили прерваться на обед и вновь встретиться в 15:00. А вскоре нам была передана команда Э.А. Шеварднадзе провести встречу по КРВБ в узком составе с участием С.Ф. Ахромеева (к тому времени маршал С.Ф. Ахромеев уже оставил пост

---

⁷ Имеется в виду 600 км как минимальный критерий дальности для определения КРВБ большой дальности.

начальника Генерального штаба и состоял военным советником при М.С. Горбачеве), которому М.С. Горбачев поручил совместно с Э.А. Шеварднадзе, Л.Н. Зайковым и Д.Т. Язовым⁸ с учетом нового предложения Дж. Бейкера «найти какое-то решение⁹, которое устроило бы обе стороны»¹⁰.

Положение, в котором оказался С.Ф. Ахромеев, было, конечно, сверхсложным. За считанные часы ему предстояло выполнить то, что не смогли осуществить в течение месяца несколько министерств и ведомств. Очевидно, такой спешкой и объясняются те ошибки и несуразности, которые оказались в подготовленных предложениях.

Как свидетельствовал С.Ф. Ахромеев в своих воспоминаниях, он занялся выполнением полученного поручения совместно с Л.Н. Зайковым и его аппаратом. Ни военные эксперты, ни МИДовцы не принимали участия в этой работе. Несомненно, маршал прекрасно владел военной стороной вопроса. Думаю, однако, что, привлеки он к подготовке предложений кого-либо из экспертов, участвовавших в переговорах, можно было бы избежать тех осложнений, которые возникли впоследствии.

Как бы то ни было, около 16:30 в особняке появился С.Ф. Ахромеев и без промедления прошел в заранее приготовленную для переговоров комнату. По одну сторону стола сели С.Ф. Ахромеев, заместитель министра иностранных дел В.П. Карпов и я, а по другую – заместитель госсекретаря США Р. Бартоломью, Р. Берт и кто-то из американских военных.

Я знал лишь то, что предстояло обсуждать проблему КРВБ, но не имел ни малейшего представления о том, что привез с собой Ахромеев. В таком же неведении был и Карпов (я спросил его, не удалось ли ему хотя бы накоротке переговорить с Ахромеевым до начала переговоров; оказалось, нет, не удалось).

Ахромеев начал с того, что согласился с американским предложением засчитывать за каждым ТБ, оснащенным для КРВБ, по 10 единиц для США и по восемь единиц для СССР. Согласился он и с тем, чтобы американские ТБ оснащались не более чем для 20 КРВБ. Для советских же ТБ он предложил установить

⁸ Министр обороны СССР в 1987–1990 гг. – *Прим. ред.*

⁹ Речь идет о решении вопроса по КРВБ.

¹⁰ Цит. по: *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата. С. 268.

предел не в 16 КРВБ, как это предлагалось американской стороной, а в 12.

Американцы были явно озадачены, поскольку более высокий потолок в 16 единиц, ни к чему нас не обязывая, сохранял бы для нас такую же свободу рук в отношении повышенной загрузки бомбардировщиков крылатыми ракетами, как и для США (и для них и для нас максимальный потолок был бы ровно в два раза выше засчитываемого количества КРВБ). Возможно, они заподозрили какую-то хитрость.

Ахромеев между тем продолжал:

– Однако в порядке компенсации за потерю в максимальном количестве КРВБ на одном ТБ Советский Союз должен быть вправе иметь на 40 процентов больше ТБ, оснащенных для КРВБ.

Повторив как заклинание, что критерий дальности должен составлять 600 км, он закончил изложение своих предложений.

Посоветовавшись между собой, американцы задали несколько вопросов. Их интересовало, не собирается ли Советский Союз *прирастить* эти 40 процентов к уже согласованному уровню в 1600 носителей. Ахромеев подтвердил, что нет, не собирается – эти 40 процентов будут действовать внутри этого уровня. Далее американцы спросили, от какого уровня исчислялись бы эти 40 процентов, ведь, как уже было согласовано, отдельных ограничений для численности ТБ не должно было вводиться, их могло быть сколько угодно в пределах 1600 носителей. В ответ Ахромеев стал развивать идею установления для американских ТБ «плавающих уровней», от которых и исчислялись бы 40 процентов.

Сама по себе концепция, основанная на нашем праве иметь на 40 процентов больше ТБ, выглядела логичной только для тех, кто не знал уже согласованных положений. А в соответствии с ними каждая сторона получала право иметь столько ТБ, сколько она захотела бы – в пределах, разумеется, общего уровня в 1600 носителей. Да и невозможно себе представить, чтобы мы, имея в три с половиной раза меньше тяжелых бомбардировщиков, чем США, смогли бы вдруг превзойти их уровень почти в полтора раза. На какие средства? И зачем? В силу особенностей географического положения главным нашим стратегическим компонентом были наземные ракеты.

Идея «плавающих уровней» была совсем странной. Прежде всего было непонятно, что произойдет с нашими ТБ, построенными в счет дополнительных 40 процентов, если американский уровень *поплывет* в сторону сокращения. Должны ли мы будем ломать наши оказавшиеся вне лимита ТБ, следуя *плаванию* американского уровня? У меня было впечатление, что Ахромеев импровизирует, причем неудачно.

Наверняка такие же мысли возникли и у американцев. Однако они не стали задавать больше вопросов, видимо, чтобы не спугнуть плывущую им в руки удачу. Вместо этого они попросили сделать перерыв и побежали к Бейкеру. Вернулись они значительно быстрее, чем обычно требуется для согласования с высоким начальством сложных вопросов, и с порога заявили, что принимают предложение Ахромеева и что сейчас Бейкер предлагает Шеварднадзе немедленно созвать пленарное заседание на министерском уровне для формализации договоренности.

Что и было сделано.

С.Ф. Ахромеев зачитал *для протокола* свои предложения, подчеркнув, что речь идет о «пакете» (с включением в него критерия дальности 600 км). В связи с положением о праве советской стороны иметь сорокапроцентное преимущество по числу тяжелых бомбардировщиков Бейкер заявил, что США могут с этим согласиться, но не принимают какого-либо подуровня для ТБ. На что Ахромеев, подчеркнув, что высказывает свое личное мнение, изложил идею «плавающих потолков». Получив подтверждение, что эта *плавучесть* никак не связывала бы руки США, сколько бы ТБ они ни захотели иметь, Бейкер предложил согласовать последний элемент «пакета» – критерий дальности. Если бы это удалось, весь «пакет» был бы согласован.

Бейкер начал с того, что категорически заявил о неприемлемости 600 км в качестве критерия. Он ссылаясь на то, что позиция США уже сдвинулась с 1500 до 1000 км, а советская позиция застыла на 600 км, что в Вашингтоне его «не поймут», если он пойдет еще дальше, что советская система ПВО гораздо лучше американской и т.д. и т.п.

Со своей стороны Шеварднадзе клялся, что по критерию дальности у него нет в запасе ни одного километра, что в Рейкьявике мы приняли американское предложение по засчету на ТБ боезарядов, не являющихся ядерными КРВБ, что дало им более

100 лишних боезарядов, а сейчас пошли им навстречу по зачету КРВБ, что добавило к их преимуществу еще 1100 боезарядов и т.д.

Все это было святой правдой. Действительно, рубеж в 600 км был исключительно важен для нас, так как вся система ПВО СССР была построена на этой основе (этот рубеж был согласован еще в 1973 г. для Договора ОСВ-II). Предельный радиус действия самолетов-перехватчиков составлял 600–660 км, а дальность действия зенитно-ракетных комплексов не превышала 400 км. Причем эти средства эффективны только против бомбардировщиков, но не против крылатых ракет, которые летят низко над землей (в 50–100 м от поверхности) и из-за небольшой отражающей поверхности почти невидимы для радиолокационных средств. Верно было и то, что в результате согласованных правил зачета боезарядов США получали преимущество более чем в 2100 единиц.

Вообще дискуссия была эмоциональной и сумбурной. Наконец, Бейкер пошел с последнего козыря, заявив, что «был бы готов попробовать договориться на основе дальности в 800 км».

Наступила пауза. Все – и американцы и мы – понимали, что этот ход ставит нас в сложное положение: на переговорах невозможно все время говорить нет, особенно если другая сторона своими практическими шагами демонстрирует свое стремление к договоренности. Однако затем Ахромеев вновь заявил, что рубеж дальности в 600 км был согласован еще в Рейкьявике. Строго говоря, ответ должен был бы исходить от Шеварднадзе как от лица номер один за столом переговоров. Но он, видимо, решил избежать неприятной миссии и переложил ее на маршала. Призванные Бейкером в свидетели сотрудники американской делегации, участвовавшие в рейкьявических переговорах, в один голос заявили, что не помнят такой договоренности. Согласовав совместное сообщение о результатах переговоров, делегации разъехались. В отношении КРВБ в заявлении говорилось: «Что касается крылатых ракет воздушного базирования, стороны достигли значительного прогресса, договорившись на основе пакетного подхода по всем оставшимся вопросам, за исключением вопроса о рубеже дальности».

Следующим важным этапом должна была стать Вашингтонская встреча министров (она состоялась 4–6 апреля 1990 г.).

До этой встречи за столом официальных переговоров в Женеве вопрос о КРВБ не поднимался, но во время неофициальных встреч Берт время от времени возвращался к нему, подбрасывая мне аргументы в пользу изменения рубежа дальности в 600 км. Каждый раз я ему отвечал, нисколько не греша против истины, что не вижу никакой возможности изменения этой нашей позиции. Речь шла о рассмотрении этих вопросов на заседании так называемой «комиссии Зайкова»¹¹ с последующим утверждением Политбюро директив для поездки Э.А. Шеварднадзе в Вашингтон.

Заседание сначала должно было состояться в субботу 31 марта, но потом его перенесли на 30 марта, о чем я узнал в середине дня 29-го. В результате пришлось добираться с пересадками на каких-то случайных рейсах, и в Москву я прибыл в семь часов утра 30-го. Как бы то ни было, около 10:00 я был в *предбаннике* у Л.Н. Зайкова на Старой площади.

Там постепенно накапливались члены комиссии и приглашенные – председатель КГБ В.А. Крючков, министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, секретарь ЦК по оборонной промышленности О.Д. Бакланов, зампред Совмина и председатель ВПК¹² И.С. Белоусов, начальник Генштаба М.А. Моисеев, военный советник президента¹³ маршал С.Ф. Ахромеев, заведующий международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин, секретарь ЦК КПСС по идеологии А.Н. Яковлев, эксперты из министерств и ведомств.

Начали с обсуждения записки по КРВБ (она, как наиболее противоречивая и сложная, шла отдельно от директив по другим вопросам). Как я узнал до заседания, МИД подготовил проект записки, в котором предлагалось утвердить результаты московской встречи министров и добиваться принятия американцами рубежа дальности в 600 км под угрозой «рассыпать весь пакет»,

---

¹¹ Имеется в виду ранее уже упомянутый автором секретарь ЦК КПСС и член Политбюро ЦК КПСС Лев Николаевич Зайков (1923–2002), который возглавлял Межведомственную комиссию по разоружению Политбюро. – *Прим. ред.*

¹² Название этого органа несколько раз менялось, но в то время он, кажется, назывался «Государственная комиссия по военно-промышленным вопросам».

¹³ Имеется в виду президент СССР – данный пост был введен 14 марта 1990 г. на III внеочередном Съезде народных депутатов СССР. Первым и единственным президентом СССР был Михаил Сергеевич Горбачев (1990–1991). – *Прим. ред.*

т.е. то, что было согласовано в феврале. Однако этот вариант еще до заседания был отвергнут и подготовлен (без участия МИДа) другой, по сути дела, дезавуировавший московскую договоренность и, следовательно, Э.А. Шеварднадзе и С.Ф. Ахромеева. В нем предлагался тот же порядок засчета КРВБ, с которым приехали в феврале в Москву американцы (для США – 10 и как максимальный предел – 20, а для нас – 8 и как максимальный предел – 16), но который был ими снят, после того как Ахромеев, ко всеобщему удивлению, предложил, чтобы наш максимальный предел составлял 12 единиц. Кроме того, за будущими типами ТБ обе стороны засчитывали бы максимальное реальное количество КРВБ, для которых они оснащены (это также расходилось с московской договоренностью, которая предусматривала для обеих сторон засчет по 10 единиц). И наконец, вопреки достигнутой еще в Вайоминге (сентябрь 1989 г.) договоренности неядерные ТБ предлагалось вновь включить в 1600 стратегических носителей, поскольку, мол, американская сторона не приняла предложенное нами в Вайоминге пакетное решение вопроса ТБ и КРВБ (рубеж дальности – 600 км, правило засчета по реальному оснащению ТБ для КРВБ, незасчет согласованного количества ТБ – до 100 единиц – несовременных типов, переоборудованных под обычные вооружения, в уровень 1600 единиц при соответствующем контроле).

Обсуждение этой записки, посвященной одному конкретному вопросу, вылилось, по существу, в дискуссию гораздо более широкого характера. Нужен ли нам договор по СНВ – таково было основное направление спора. А за такой постановкой вопроса и за различными взглядами на него явственно были видны разногласия среди высшего руководства страны из-за общей направленности внешней политики и оборонного строительства, да и всего политического курса. Расстановка сил в высших эшелонах власти прорисовывалась довольно четко.

После общих вводных слов Л.Н. Зайкова взял слово М.А. Моисеев, зачитавший возражения Генштаба против правила засчета КРВБ, которое предлагалось в записке МИДа как дающее США возможность увеличить свое преимущество по боезарядам. Он оспаривал данное нами еще в Рейкьявике на встрече на высшем уровне (1986 г.) согласие на то, чтобы каждый ТБ с ядерными вооружениями, помимо КРВБ большой дальности,

засчитывался как единица в оба «потолка» – 1600 носителей и 6000 боезарядов.

Затем выступил маршал С.Ф. Ахромеев, который был предшественником Моисеева на посту начальника Генштаба. Он изложил свое видение ситуации, показав ошибочность ряда подсчетов, содержащихся в выступлении Моисеева. При этом он подчеркнул недопустимость отхода от уже достигнутых договоренностей, тем более принятых на высшем уровне.

Очень резко прозвучало выступление О.Д. Бакланова. По сути дела, не касаясь содержания обсуждаемой записки, он заявил свое *особое мнение* по договору в целом (это его мнение было изложено в приложении к записке). Оно сводилось к тому, что в результате заключения договора по СНВ соотношение СССР и США по числу боезарядов стало бы 1:1,93 в пользу США (вместо 1:1,4 на март 1990 г.), а с учетом ядерных арсеналов Англии и Франции – 1:2,1. Политический вывод не формулировался, но угадывался довольно легко: заключение договора по СНВ, а следовательно, и договоренности на этот счет, достигнутые М.С. Горбачевым с Р. Рейганом, а затем Дж. Бушем-старшим, в том числе на мальтийской встрече, – роковая ошибка, наносящая ущерб безопасности Советского Союза.

А.Н. Яковлев, по сути дела, ушел от спора по существу вопроса, ограничившись постановкой вопросов: обезоружим ли мы себя в результате заключения договора, не потеряем ли способность для нанесения неприемлемого ущерба США и т.д.

Столь же уклончиво и витиевато высказался В.М. Фалин: с одной стороны, гонка вооружений обременяет нас, но, с другой стороны, в какой мере то ядерное оружие, которое у нас есть, решает задачу нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику. И т.д. и т.п.

Вполне определено за заключение договора выступил В.А. Крючков. Его логика заключалась в том, что без договора гонка вооружений будет продолжена, мы в ней американцев все равно не догоним, а лишь еще больше измощаем свою экономику, а потому у нас нет другого пути, кроме как заключение договора.

С этих же позиций выступил и Шеварднадзе. Говоря по теме записки, он заявил, что не поедет в Вашингтон с инструкциями, которые дезавуируют московскую договоренность по КРВБ. «Почему я не должен был верить маршалу Советского Союза,

советнику президента по военным вопросам?» – спрашивал он, имея в виду выдвинутый Ахромеевым в феврале вариант *развязки*. Маршал Советского Союза при этих словах чувствовал себя явно не лучшим образом.

С неожиданных для меня позиций выступил И.С. Белоусов. Сама аббревиатура Госкомиссии по военно-промышленным вопросам – ВПК – могла расшифровываться как «военно-промышленный комплекс». Представители этой организации всегда на моей памяти отстаивали линию, которую не назовешь иначе, как направленную на взвинчивание гонки вооружений и вытягивание средств на военные цели. Однако И.С. Белоусов в весьма сильных и определенных выражениях заявил, что договор по СНВ нужен нам как хлеб, как воздух. Экономика наша напряжена до предела, говорил он, и мы просто не в состоянии вернуться к гонке вооружений. Единственная возможность сделать это, считал он, – через возврат к тоталитаризму, через крах *перестройки*, а это опять экономический тупик. Обороноспособность же наша обеспечивается благодаря сдерживающему характеру ядерного оружия не только при соотношении 1:2, но и при более выигрышном для Запада соотношении. Выступление Белоусова меня сильно подбодрило: раз уж руководитель ВПК за договор, значит, он нам действительно позарез нужен.

С.Ф. Ахромееву пришлось трудно. Конечно, он, как лично ответственный за московскую договоренность по КРВБ, вынужден был защищать ее. Однако потом, когда началось обсуждение других вопросов, в частности крылатых ракет морского базирования (КРМБ), маршал попытался отомолить этот свой грех, завинчивая гайки до полного предела.

Л.Н. Зайков старался примирить непримиримые позиции участников совещания. «Нужно двигаться вперед, но с оглядкой», – сделал он заключительный вывод.

После четырех часов безрезультатной дискуссии Шеварднадзе уехал на встречу с министром иностранных дел Франции (в это время проходил его визит в Москву), и директивы по КРВБ были отложены. Другие вопросы, в том числе и КРМБ, решили довольно быстро, так как то, что было подготовлено, не давало никакого выхода на договоренности. Ухудшать было уже некуда, а улучшать невозможно. Для того чтобы все-таки принять

какое-то решение по КРВБ, назначили на следующий день новое совещание в том же составе.

Видимо, этот тайм-аут был активно использован Л.Н. Зайковым для нахождения компромиссного варианта решения. В результате субботнее заседание продолжалось не более получаса. Л.Н. Зайков объявил, что к варианту засчета КРВБ «8-16» добавляется как альтернативный вариант С.Ф. Ахромеева «8-12», а что касается 115 бывших ТБ, то если американцы согласятся на минимальный рубеж для КРВБ большой дальности в 600 км, то делегация даст из Вашингтона телеграмму и весь «пакет», включая и вопрос о бывших ТБ, будет вынесен на решение президента.

Это последнее добавление насчет возможности решения вопроса о неядерных ТБ сверх уровня в 1600 носителей в директиве включено не было. Слова Зайкова насчет вынесения его на президентское решение, очевидно, были предназначены для того, чтобы хоть немного смягчить впечатление от очень жестких директив, не только не приближавших, но затруднявших договоренность.

Суть этих директив была следующей:

1. Отстаивать рубеж дальности КРВБ в 600 км.
2. Подтвердив правило засчета КРВБ, согласованное в Москве (при максимальном оснащении наших ТБ в 12 КРВБ), попытаться вернуть американцев к их предложению о максимальном засчете для нас в 16 КРВБ.

Конечно, на такой основе результативного разговора получиться не могло. Отказ от собственных предложений, даже если они входят в несогласованные «пакеты», – дело скандальное. А тут мы отказывались сразу от трех предложений! Введение ограничений на «плавающий» уровень, не оговоренных в Москве при выдвижении предложения о таком уровне, означало отход и от этого предложения.

С этой позицией наша делегация и отбыла в Вашингтон на встречу Шеварднадзе с Бейкером.

Утром 5 апреля на встрече министров в узком составе Дж. Бейкер в резкой форме охарактеризовал наши предложения как движение вспять, ставящее под угрозу июньскую встречу президентов. Завершая встречу во второй половине дня, министры решили поручить Р. Бартоломью и Р. Бертю, С.Ф. Ахромееву и мне поискать в течение ночи возможные решения.

Ну какие решения можно найти, когда на руках висят пудовые оковы в виде железобетонных инструкций, а за спиной, в Москве, уже наточили ножи, чтобы разделаться с переговорщиками, если они хоть на йоту отойдут от этих инструкций! Но коль скоро получен приказ «поискать решения», значит, надо искать.

Думаю, что Р. Бартоломью и Р. Берт, как и мы, хорошо понимали бессмысленность нашего ночного бдения. Но тем не менее они в течение всей ночи честно вели с нами игру под названием «поиск решения», обозначая добросовестное выполнение министерского приказа.

Быстро договорились о правилах игры («провести обзор всех несогласованных вопросов и посмотреть, где можно сблизить позиции») и приступили к *ночному марафону*. Заседали в комнате для совещаний, примыкавшей к кабинету Бартоломью, постоянно взбадривая себя кофе из огромных термосов. Помимо КРВБ, в нашу задачу входило рассмотрение и проблемы КРМБ. И там положение было столь же тупиковое.

Разумеется, никакого продвижения ни по одному из вопросов найдено не было. С.Ф. Ахромеев, обжегшийся в Москве на попытке найти решение по КРВБ, вел себя предельно жестко и ни на какие отклонения от официальных позиций не шел. Конечно, осуждать его за это ни в коем случае нельзя. По сути дела, он стал жертвой той тактики, с помощью которой М.С. Горбачев боролся со своими политическими противниками, пробивая лбами соратников и советников брешь в завалах *старого мышления*. Полученные синяки болели и получать новые не хотелось.

Где-то часа в три устроили перерыв, чтобы передохнуть. Немного размялись, поговорили на отвлеченные темы. Не помню, с чего начался разговор, но хорошо запомнил, как Ахромеев вдруг сказал Бартоломью:

– Вы знаете, я убежденный коммунист. Я абсолютно уверен, что будущее за коммунизмом, и я делаю и буду делать все, что в моих силах, чтобы оно наступило скорее. Да и могу ли я думать иначе? Я, крестьянский сын, которому советская власть дала все – знания, высокое положение, почет.

Впоследствии, когда осенью 1991 г. я узнал о самоубийстве Сергея Федоровича, у меня, ошеломленного, в памяти мгновенно возникла эта сцена – ночь, Вашингтон, Государственный де-

партамент США. Вспомнилась абсолютная искренность, с которой он, утомленный ночной работой, поделился сокровенным с симпатичным ему собеседником. Думаю, что, будучи натурой цельной и искренней, он не мог пережить трагедии крушения того, во что свято верил. И как ни относиться к убеждениям другого человека, если эти убеждения столь тверды и глубоки, человек этот заслуживает величайшего уважения.

После Вашингтонской встречи, в конце апреля – начале мая 1990 г., между Дж. Бейкером и Э.А. Шеварднадзе происходил обмен предложениями по проблеме КРВБ-ТБ, в результате чего наметилось сближение позиций. Но во всех вариантах решения США исходили из того, что критерий дальности для КРВБ должен быть не меньше 800 км, мы же по-прежнему настаивали на 600 км.

16 мая в Москве, в особняке МИДа на улице Алексея Толстого, началась очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. Мне она запомнилась как связанная прежде всего с решением вопроса о рубеже дальности для КРВБ.

Два дня – 17 и 18 мая – американские и наши эксперты бились над узлом проблем КРВБ-ТБ, приводя к единому знаменателю договоренности, наметившиеся в начале мая. Вроде бы все получалось, за исключением рубежа дальности.

Выше уже говорилось о том, что стояло за нашей неуступчивостью. Была своя причина и у американцев. В США готовилась в производство крылатая ракета «Тэсит Рейнбоу», дальность действия которой должна была быть более 600, но менее 800 км. Ее не предполагалось оснащать ядерными боеголовками, но в соответствии с уже согласованными положениями¹⁴ она должна была относиться к КРВБ «будущих типов» и в этом качестве ей следовало иметь видимые для инспекторов отличия от КРВБ в ядерном оснащении – по длине планера, форме сечения, конфигурации стабилизатора, узлам крепления и т.д.

---

¹⁴ Первые летные испытания ракеты «Тэсит Рейнбоу» были проведены до 31 декабря 1988 г., т.е. до той даты, которая, по достигнутой ранее договоренности, отделяла «существующие типы» КРВБ от «будущих типов» КРВБ. Однако договоренность оговаривала, что имеются в виду летные испытания, проведенные с тяжелого бомбардировщика. Поскольку ракета «Тэсит Рейнбоу» была испытана с самолета другого типа, она должна была рассматриваться как ракета «будущего типа».

С этим, однако, возникали сложности: «Тэсит Рейнбоу», спроектированная еще до того, как возникло требование об *отличимости* ядерных и неядерных КРВБ «будущих типов», в принципе могла быть превращена в ядерную, а у наших экспертов не было уверенности, что это переоснащение поддавалось бы обнаружению обусловленными в договоре средствами.

Поздно вечером 18 мая переговоры были прерваны и американцы отправились в посольство докладывать Бейкеру о положении дел. Настроение было мрачное. Договоренность, которая, казалось бы, уже забрезжила, не получалась. Условились, что будем ждать реакции Бейкера на следующее утро.

К 8:00 19 мая, в субботу, вся наша команда была в особняке. Вскоре прибыл Э.А. Шеварднадзе. Стали перебирать возможные варианты на случай отказа американцев от рубежа в 600 км. Что делать в этом случае? Не рассматривался лишь один вариант – о нашем отказе от этого рубежа. Собственно говоря, от американской стороны требовалось, чтобы она, наконец официально приняла рубеж дальности в 600 км и дала заверения в том, что крылатая ракета «Тэсит Рейнбоу» не будет нести ядерных зарядов. В этом случае советская сторона в порядке исключения соглашалась бы рассматривать ее как неядерную.

Между тем до отлета Бейкера из Москвы оставалось несколько часов, а ответа от него все не было.

Выйдя из зала, где проходило совещание, а точнее, коллективное томительное ожидание ответа, я увидел в дверях сотрудника американского посольства, пытавшегося объясниться со швейцаром. В руках у американца был пакет. Распечатав его и быстро пробежав текст, я понял, что все в порядке. Дж. Бейкер подтверждал, что «Тэсит Рейнбоу» является неядерной ракетой, и давал согласие на то, что «если неядерная КРВБ когда-либо была бы превращена в ядерную, в этом случае на эту ракету распространялись бы все ограничения Договора СНВ, относящиеся к ядерным КРВБ». Эти заверения давали нам возможность в настоящее время сделать исключение для «Тэсит Рейнбоу», не зачитывая ее в число ядерных боезарядов, что позволяло американцам согласиться наконец на 600 км в качестве минимального рубежа дальности и критерия для КРВБ большой дальности.

Конечно, сейчас все эти треволнения могут показаться сильно преувеличенными и попросту странными. Совсем другие, гораз-

до более крупные заботы волнуют людей. Да и от самой ракеты «Тэсит Рейнбоу», причинившей столько хлопот, США вскоре полностью отказалась, прикрыв программу.

И тем не менее, в истории переговоров по стратегическим вооружениям это был один из драматических моментов. США приняли нашу позицию по рубежу дальности, которую мы отстаивали с самого начала переговоров. Вообще, надо сказать, американцы на всех уровнях – очень жесткие переговорщики. Но поняв, что уперлись лбом в твердую стену, они, как правило, проявляют гибкость и находят разумные решения, если, разумеется, заинтересованы в договоренности.

Остается рассказать, чем закончилось выправление другой нашей ошибки – о «плавающих» уровнях и засчете КРВБ. Таких уровней в договоре нет. Вместо них предусмотрены фиксированные уровни – 180 для СССР с засчетом в пределах этого уровня по 8 КРВБ и 150 – для США с засчетом по 10 КРВБ. Сверх этих уровней засчет ведется по максимальной реальной оснащенности. Максимальная оснащенность для США – 20 КРВБ, для СССР – 16 КРВБ.

Так в конечном счете удалось поправить две ошибки, допущенные в ходе переговоров, – нефиксированные договоренности о рубеже дальности для КРВБ и занижение максимально допустимой оснащенности крылатыми ракетами большой дальности на наших тяжелых бомбардировщиках. И в том, и в другом случае помог «пакетный» подход. Но для этого потребовалось много времени и сил. Московская встреча министров в мае 1990 г. решила основные вопросы, связанные с ТБ и КРВБ. Однако и после нее продолжали всплывать детали, требующие согласования, – вопросы контроля, уточнение понятий и т.д.

Конфиденциальность и утечки

В декабре 1989 г. я оказался проездом в Вашингтоне¹. Мое кратковременное пребывание там было решено использовать для неофициального зондажа возможного решения проблемы крылатых ракет морского базирования. В то время это была главная *заноза*, которую мы пытались вытащить.

При всей важности этой проблемы она была, конечно, не единственная. Но другие проблемы либо должны были еще *вылежаться* (например, по мобильным МБР, по которым Вашингтон еще не определился – разворачивать или прикрыть проект), либо могли быть пока отложены. А нерешенность проблемы КРМБ тормозила продвижение по некоторым другим направлениям.

Формальных инструкций на эту встречу у меня не было. Было лишь устное благословение руководства МИДа. Конечно, в Москве я провел необходимую подготовку к этому разговору, посоветовавшись со своими коллегами не только в МИДе, но и в Генштабе. В результате я пришел к выводу, что главное для нас – получить гарантии от США, которые позволяли бы учитывать КРМБ большой дальности в связи с договором по СНВ, для чего необходимо знать их количество на каждый год и установить общий предельный уровень. Разумеется, возникал вопрос о контроле за соблюдением такого уровня.

Мы встретились с Бертом в кафе отеля «Мариотт», где я остановился. Уточнив организационные вопросы предстоящего в январе следующего года раунда, мы приступили к обсуждению КРМБ. Подчеркнув, что собираюсь поразмышлять вслух на эту тему, не имея на этот счет каких-либо инструкций, я просил Берта соблюсти особую конфиденциальность беседы и исключить

---

¹ В этой поездке я возглавлял группу экспертов, которые по приглашению американцев должны были посетить некоторые научно-технические центры США, занимавшиеся развитием противоракетной обороны.

возможность каких-либо ссылок на мои слова при более официальных встречах.

Подобные беседы в переговорной практике представляют собой определенный риск, поскольку недобросовестный собеседник может в дальнейшем ради *выторговывания* уступок другой стороны сослаться на допущенные в ходе неофициальной беседы отклонения от официальной позиции как на обещания эту позицию изменить. Однако без такого зондажа порой бывает невозможно выбраться из тустика и нащупать решение спорного вопроса. Подобные неофициальные беседы помогают обоим собеседникам подготовить предложения в свои столицы о таком изменении позиций, которое ведет к их сближению. К тому времени у нас с Бертом уже установились вполне доверительные отношения. Я имел возможность убедиться в его добросовестности и порядочности и знал, что он соблюдает правила переговорной игры.

Ко времени нашего разговора в отеле «Мариотт» позиции СССР и США по КРМБ были весьма далеки друг от друга. Советская сторона хотя и дала согласие на то, чтобы предел на ядерные КРМБ большой дальности устанавливался не в тексте договора, а иным путем (например, с помощью соответствующих взаимных обязательств в связи с договором), продолжала настаивать на контроле за соблюдением этого предела. Американцы возражали против контроля, ссылаясь на невозможность его осуществления. Для того чтобы повлиять на эту их позицию, советское руководство пошло даже на то, чтобы пригласить американских специалистов на эксперимент, который был проведен на крейсере «Слава» для демонстрации тех методов, которые могут быть использованы для обнаружения ядерных КРМБ. Не знаю, кто у нас додумался до такого эксперимента, во всяком случае, он был заранее обречен на нулевой результат. Американцы, конечно, охотно согласились побывать на современном советском ракетоносце (не каждый день выпадает удача – за просто так познакомиться с секретами потенциального противника!), но, естественно, остались при своем прежнем мнении о невозможности контроля.

Не было также согласия ни в отношении характера обязательств об уровнях КРМБ, ни об их значении (мы называли 400 единиц для ядерных КРМБ большой дальности либо 1000 еди-

ниц для всех КРМБ, а США планировали развернуть 4000 единиц КРМБ, в том числе 758 ядерных КРМБ большой дальности). Наконец, не способствовали решению проблемы и наши попытки увязать КРМБ с сокращением военно-морских вооружений в более широком плане. США категорически против этого возражали.

Наш разговор в отеле «Мариотт» Р. Берт начал с подробного объяснения позиции США. Он говорил о невозможности для США принять на себя юридические обязательства в отношении КРМБ – в рамках договора или вне их, – поскольку такие обязательства потребовали бы ратификации, но, по его словам, не были бы ратифицированы. В то же время, говорил он, если бы стороны договорились заранее объявлять, сколько ядерных КРМБ большой дальности каждая из них собирается развернуть, не потребовалось бы контроля, так как по крайней мере в том, что касается США, они были бы связаны размером тех средств, которые ассигновывались Конгрессом США на такие КРМБ.

Я, со своей стороны, пытался выяснить, в каком направлении можно ожидать развития позиции США. У меня в результате разговора окрепло убеждение, что США не смогут пойти дальше обмена политическими заявлениями, приняв на себя какие-либо юридические обязательства в отношении КРМБ с их последующей ратификацией. Следовательно, поиск решения необходимо было направить на разработку содержания политических обязательств, которые могли бы нас удовлетворить. Вокруг этого и шли наши *рассуждения вслух*.

Вернувшись в Москву, я рассказал о беседе с Бертом заместителю министра иностранных дел В.П. Карпову, который, собственно, и поручил мне провести этот зондаж. Он согласился с тем, что о контроле над КРМБ договориться не удастся, и добавил, что ведь при этом и наши КРМБ не будут контролироваться американцами.

Вскоре состоялась очередная «рабочая пятерка», на которой обсуждался проект директив к предстоящему тринадцатому раунду переговоров. Дискуссия была острой. Представители МИДа пытались получить какие-то *подвижки* в нашей позиции на переговорах, в том числе по КРМБ, а военные на это не шли (в то время Генштаб еще не перестроил своих планов с учетом сокращений по договору). После моего, видимо, чересчур горячего выступления в пользу изменения позиций ведущий заседание

генерал-полковник со словами «а вот я сейчас прочитаю один документ» открыл лежавшую перед ним папку и прочитал, что Ю.К. Назаркин в ходе встреч с Бертом в Вашингтоне, вместо того чтобы отстаивать позиции Советского Союза, отходил от этих позиций, допуская возможность ограничения КРМБ не в тексте договора, а путем односторонних заявлений, которые носили бы обязывающий характер, но не подлежали проверке путем инспекции судов. В этом была суть документа, хотя текст его был значительно более пространный.

Генерал закончил чтение и закрыл папку. Он не пояснил, что это за документ. Сам прочитанный текст также не содержал ссылок на какие-либо источники и никоим образом не раскрывал характера документа. Но та многозначительность, с которой он был оглашен, очевидно, предназначалась для того, чтобы заставить думать, что документ является агентурным донесением, что, мол, от нас никуда не спрячешься, что каждое твое слово нам известно и что поэтому давай-ка ты не рыпайся.

В моей жизни это был первый случай, когда мне зачитали донос на меня. И конечно, ощущение было не из приятных. Прошло какое-то время, прежде чем я понял происхождение этого документа.

Американские газеты поступали в МИД с запозданием. И вот где-то в начале января 1990 г. ко мне наконец попадает «Нью-Йорк Таймс» от 19 декабря 1989 г. со статьей военного-политического обозревателя Майкла Гордона под заголовком «Советы смягчают свою позицию по КРМБ, – говорит американский источник». В этой статье была изложена та же информация, что и в документе, зачитанном на совещании «пятерки». А коль скоро это совещание состоялось через несколько дней после 19 декабря, очевидно, в документе, пришедшем в Москву, скорее всего, по «линии Генштаба», была пересказана статья М. Гордона. Неясно было лишь, кто опустил ссылку на статью – зачитывавший депешу генерал или ее авторы.

Эта утечка сильно осложнила согласование вопроса о КРМБ. Генштаб, не дававший санкции на консультации, использовал ее для обвинений МИДа в несогласованных действиях и заблокировал внесение изменений в нашу позицию по КРМБ. Только через полгода во время очередной встречи министров иностранных дел СССР и США с участием представителей Генштаба удалось

развязать этот узел. Кстати, сделано это было на той основе, которая вырисовалась в ходе моих вашингтонских консультаций. В тех заявлениях, которыми стороны обменялись при подписании договора, СССР и США приняли на себя следующие политические обязательства:

– в течение всего срока действия договора каждая сторона будет указывать максимальное количество развернутых ядерных КРМБ с дальностью более 600 км на каждый год из последующих пяти лет действия договора;

– заявляемое количество ядерных КРМБ в течение срока действия договора не будет превышать 880 единиц.

Эти обязательства означали, что каждая из сторон будет знать на пять лет вперед о планах развертывания ядерных КРМБ большой дальности другой стороны, число которых никогда не должно превышать 880 единиц.

Кроме того, стороны обязались обмениваться конфиденциальной информацией о том, какие конкретно типы, т.е. какого класса, надводных кораблей и подлодок способны нести развернутые КРМБ, и о количестве ядерных КРМБ с дальностью между 300 и 600 км, развернутых на надводных кораблях и подлодках. Они обязались также не производить и не развертывать ядерные КРМБ с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения и продолжить поиск взаимоприемлемых и эффективных методов контроля в отношении ядерных КРМБ большой дальности.

Разумеется, когда перед началом очередного раунда переговоров в Женеве я увидел Берта, я не преминул выразить ему свое возмущение разглашением нашего конфиденциального разговора. Подобные утечки осложняют ход переговоров, сковывают действия переговорщиков в поиске взаимоприемлемых *развязок*. И уж совсем недопустимо, когда в ходе таких утечек происходит искажение реальной картины, как это произошло в данном случае (мои *рассуждения вслух* были поданы американской газетой как изменение официальной позиции Советского Союза).

Лицо Берта покрылось красными пятнами.

– Я надеюсь, ты не думаешь, что это я дал утечку?, – спросил он.

Пикантность ситуации усугублялась тем, что Берт когда-то сам работал военно-политическим обозревателем, причем имен-

но в этой же газете – «Нью-Йорк Таймс». И он прекрасно понимал *взрывчатую силу* подобных утечек.

Я не подозревал Берта в умышленном разглашении информации хотя бы потому, что он сам был кровно заинтересован в успехе переговоров. Но он не обеспечил конфиденциальности, в результате чего кто-то из его коллег разгласил деликатную информацию в ущерб переговорам. Все это в весьма резкой форме я и высказал американцу.

Согласившись с этим, Берт заверил меня, что впредь будет соблюдать все меры предосторожности, чтобы подобных утечек не повторялось. И надо сказать, он сдержал слово. Конечно, нам еще не раз приходилось ступать на тонкий лед неофициальных поисков *развязок* – и по его инициативе, и по моей. Но больше ни разу мне не приходилось узнавать из газет о содержании наших доверительных бесед. Разумеется, аналогичную дискретность проявлял и я. Правда, мне было это легче делать, так как в то время наши журналисты еще не научились вынюхивать секреты, а редакции – публиковать их без оглядки на государственные интересы. Все это по-настоящему началось позже, уже после того как договор был подписан.

После того как инцидент был исчерпан и мы заказали еще по одному кофе, Берт стал вспоминать свой собственный журналистский опыт, связанный с добычей информации. Для меня это было чрезвычайно интересно.

Помню его рассказ, связанный с получением им информации о предстоявшей операции по освобождению американских заложников в Иране. Как он ее получил, он, естественно, не рассказал, но зато поведал, как его заставили не публиковать эту сенсацию. Его пригласили к высокому начальству в *соответствующие органы* и познакомили с планом операции по освобождению заложников, то есть в общем сообщили то, что он уже знал от своих источников. «А теперь, – сказали ему, – если Вы опубликуете материал, то разгласите доверенные Вам совершенно секретные данные, что будет нарушением не только Вашего долга американского гражданина, но и законодательства США». Естественно, эта информация опубликована не была.

Конечно, журналист может купить информацию, может *вычислить* ситуацию. Но часто утечки бывают специально организованными, когда одна из сторон выпускает в средства массовой

информации сведения, чтобы повлиять на общественное мнение своей страны либо на позицию другой стороны на переговорах. Дело это очень тонкое и рискованное, требующее тщательного и всестороннего учета всевозможных последствий, так как порой плохо продуманная утечка может дать эффект, прямо противоположный желаемому. По-английски такие последствия называются коротко и выразительно: «unintended consequences», т.е. непредусмотренные и нежелательные последствия.

За время переговоров, пока разрабатывался договор по СНВ, американская сторона не раз прибегала к утечкам. Мы же, как правило, шли на раскрытие хода переговоров в порядке реакции на американские утечки, для придания картине *сбалансированности*. По сути дела, до 1991 г. все то, что появлялось в нашей прессе, идентифицировалось с официальными источниками. Американцы же могли прикрываться *свободой печати*: сами, мол, не знаем, как эти проныры-журналисты докопались до этой информации, ну а запретить печатать то, что они хотят, не можем, ведь в свободной стране живем.

Вообще внимание к этим переговорам в мире было очень велико. Приходилось часто выступать на пресс-конференциях, давать интервью, участвовать в различного рода дискуссиях. Каждый раз нужно было очень тщательно дозировать информацию, чтобы не нарушить договоренности о конфиденциальности переговоров, проявлять осторожность, давая оценки уже найденным решениям: в чью пользу та или иная договоренность – СССР или США? Всегда следовало думать о том, как твоя оценка будет воспринята *по другую сторону баррикад* (не говоря уж о своей собственной стороне).

Р. Берт в своих выступлениях *на публику* был аккуратен. За все время переговоров с нашей стороны к нему не было ни одной претензии. Не возникало таких претензий и у американцев ко мне.

Но вот однажды в американской газете «Вашингтон Пост» была опубликована статья о переговорах, которая создала большую угрозу для договора. Статья появилась 3 апреля 1990 г. Это был сложный период, когда обеим сторонам еще предстояло принять трудные политические решения для того, чтобы подписание договора стало возможным. Написал статью военно-политический обозреватель газеты Джеффри Смит, обычно хорошо

информированный, прекрасно разбирающийся в тонкостях военно-политических вопросов, серьезный журналист.

В статье давались оценки уже согласованным положениям договора с явным перекосом в пользу США. Договор «позволит США продолжать развертывать примерно такое же количество боезарядов, которым США располагают в настоящее время». Они «получат возможность развернуть средств примерно на 15 процентов больше, нежели имелось в их распоряжении восемь лет назад, когда были начаты переговоры о сокращении стратегических вооружений». «Договор не предусматривает ликвидации практически ни одного из тех американских стратегических вооружений, которые были произведены за последнее десятилетие в ходе процесса интенсивной модернизации. Не ограничивается договором и производство тысяч американских ядерных крылатых ракет, ракет подводных лодок и авиационных бомб в дополнение к уже существующим». С таких утверждений начиналась статья. Каждое из них было достаточно тонко, даже лукаво сформулировано, чтобы не вступать в явное противоречие с действительностью.

В то же время картина в целом была серьезно искажена, причем с очевидным стремлением показать, какие выгоды получают США от заключения договора в ущерб Советскому Союзу. Взять хотя бы утверждение о том, что договор не ограничивает производство американских ядерных крылатых ракет, ракет подводных лодок и авиационных бомб. Да, действительно, договор таких ограничений не предусматривает, так как он вообще не касается сферы производства СНВ. Следовательно, оно не ограничивается и для другой стороны. Кроме того, взвесить уступки каждой стороны можно только в контексте всего договора: в отношении одних видов вооружений преимущества получала одна сторона, а по другим выигрывала другая.

Конечно, статья Дж. Смита подыгрывала тем кругам в администрации США, которые выступали за заключение договора. И видимо, внутри США свою положительную роль она сыграла. Но эффект, который статья произвела в Москве, вряд ли входил в расчеты ее автора.

Вскоре после появления статьи я оказался в Вашингтоне, где проходила очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. После окончания одной из пресс-конференций, в кото-

рых я принимал участие, ко мне подошел Дж. Смит. Его интересовал вопрос, который он, естественно, не стал задавать во время пресс-конференции, – мое мнение о его статье от 3 апреля. Было видно, что его беспокоит резонанс от нее в Москве. Я откровенно ответил, что статья вооружает противников договора в Москве дополнительной аргументацией против его заключения, а высокая репутация ее автора, известного своей объективностью и высокой профессиональной квалификацией, усугубляет негативное воздействие статьи.

– Вы считаете, что я искажил какие-нибудь факты? – с беспокойством спросил меня Смит.

– Каждый факт сам по себе вроде бы правилен, хотя некоторые из них поданы неточно. Но самое главное, что картина в целом получилась сильно искаженной: она тенденциозно показывает, какие выгоды получают США от заключения договора, умалчивая об их уступках в пользу СССР.

В то время я еще не знал, какая угроза на самом деле исходила от статьи. Узнал я об этом, когда вернулся в Москву. Она послужила основанием для секретаря ЦК КПСС О.Д. Бакланова вновь поставить перед политическим руководством Советского Союза вопрос о недопустимости заключения договора по СНВ, который якобы рубит под корень («и это признают сами американцы») всю обороноспособность советского государства.

Как я слышал, этот вопрос О.Д. Бакланова рассматривался на Совете обороны, где после острого обсуждения все-таки были подтверждены позиции, из которых исходила наша делегация на переговорах. В то время авторитет М.С. Горбачева, хотя уже сильно подточенный, все же оказался достаточно высок, чтобы его слово оказалось решающим. Однако ситуация, возникшая в связи со статьей Дж. Смита, показывает, какие осложнения могут возникнуть из-за односторонних оценок.

Закулисная борьба вокруг договора велась, естественно, не только у нас, но и в Вашингтоне. Иногда кое-что на этот счет просачивалось в печать. Но я расскажу об одном случае, с которым мне пришлось непосредственно столкнуться. Он был связан с тяжелыми ракетами. Но сначала нужно пояснить, что это за проблема – тяжелые МБР.

На протяжении всех долгих лет, пока велись переговоры, вплоть до их заключительного этапа, вопрос о тяжелых МБР

крайне болезненно воспринимался американцами. Дело в том, что эти ракеты были только у нас и, как видно, они представляли грозную опасность для США.

Еще на ранней стадии переговоров стороны условились, что к тяжелым МБР, на которые должны вводиться более жесткие ограничения, относились бы ракеты со стартовым весом, превышающим 106 т. Почему был установлен такой рубеж? Чисто прагматически. Первоначально американцы предлагали, чтобы рубеж проходил немного выше стартового веса их ракеты МХ («Пискипер») – 88,1 т. Тогда все американские ракеты относились бы к легким, а три типа наших ракет – к тяжелым. Договорившись о рубеже для тяжелых ракет в 106 т, мы тем самым включили в категорию легких наши ракеты РС-18 (SS-19)² и РС-22 (SS-24), стартовый вес которых был несколько меньше 106 т. Таким образом, к тяжелым ракетам был отнесен только один тип, имевшийся у нас, – огромная МБР РС-20 (SS-18), и по весу и по габаритам более чем вдвое превосходившая все другие – и наши и американские – ракеты³.

Почему мы оказались обладателями такого монстра, а у американцев ничего похожего не было? Видимо, не потому, что американская техника не могла создать столь мощных двигателей, которые требовались для тяжелых ракет. Скорее наоборот, ее более высокий уровень позволял обойтись без них.

Отставая от американцев в точности наведения боеголовок на цель, мы старались компенсировать это отставание более мощными боезарядами. Утяжеляли наши ракеты и большие допуски, необходимые, например, для наших теплостойких материалов, которыми облицовывались ракеты, и более громоздкая приборная часть. Ну конечно, нельзя забывать и того, что в силу особенностей нашего географического положения в стратегической триаде приоритет у нас отдавался наземному компоненту, в то время как США больший упор делали на воздушный и морской.

Как бы то ни было, у нас еще в 1960-е гг. появилась тяжелая ракета РС-20, оказавшаяся на редкость удачной. 308 таких ракет с дальностью действия 11 тыс. км, оснащенных 10 мощными

---

² Здесь и далее в скобках даются НАТОвские обозначения наших ракет.

³ Стартовый вес МБР РС-18 – 105,6 т; РС-22 – 104,5 т; РС-20 – 211,1 т.

боеголовками с высокой точностью попадания (по американским оценкам, это была в то время самая точная из наших стратегических баллистических ракет), представляли, несомненно, грозную силу. А большой забрасываемый вес (8,8 т – в два раза больше, чем у американской МБР МХ) создавал хорошие потенциальные возможности для преодоления средств ПРО.

Американцы с самого начала разработки договора по СНВ попытались добиться полного запрета и уничтожения ракет РС-20. Для обоснования такой позиции они ссылались на то, что это самый дестабилизирующий вид СНВ. Иными словами, в кризисной ситуации, когда дело дойдет до глобального конфликта, именно они выстрелят первыми, так как в противном случае их ШПУ будут подавлены первым ядерным ударом противника, причем одной боеголовки, ну максимум двух – для подстраховки, достаточно для того, чтобы уничтожить сразу десять мощных боеголовок. Это, мол, обстоятельство делает тяжелые ракеты особо привлекательной целью для первого ядерного удара, что, в свою очередь, побудит сторону, обладающую такими ракетами, не дожидаясь удара, самой нанести его этими ракетами.

Определенная логика здесь есть, но она применима отнюдь не только к тяжелым ракетам, а к любым многозарядным МБР шахтного базирования. Почему, например, МХ менее дестабилизирующая ракета, чем РС-20? Она тоже шахтного базирования и тоже с десятью боеголовками. Причем повышенная точность⁴ этой ракеты делает ее не менее, а более опасной по сравнению с РС-20, а следовательно, и более привлекательной как цель первого удара. Следуя той же логике, ракету МХ уж никак не отнесешь к менее дестабилизирующим по сравнению с ракетой РС-20.

Впрочем, оперируя концептуальными подходами там, где это было для них выгодно, американцы становились чистыми прагматиками в тех случаях, когда концепции входили в противоречие с их реальными интересами. Именно такая ситуация сложилась с мобильными МБР, о чем будет рассказано ниже.

---

⁴ Круговое вероятное отклонение (КВО) ракеты МХ – 90 м, мощность боеголовки – 30 кт. Для сравнения: КВО нашей ракеты РС-20 – 230 м, мощность боеголовки – 500–550 кт. Данные приводятся по американским источникам.

Что же касается тяжелых МБР, то в конце концов договорились об их сокращении ровно наполовину: с 308 до 154 (к концу предусмотренного договором семилетнего периода уничтожения СНВ). Ведь первоначально весь договор замышлялся как пятидесяти процентное сокращение всех СНВ. Эта договоренность была достигнута на рейкьявикской встрече на высшем уровне в 1986 г. и затем зафиксирована в совместном заявлении М.С. Горбачева и Р. Рейгана по результатам их следующей встречи – в Вашингтоне в декабре 1987 г. (в Рейкьявике согласовать каких-либо совместных документов не удалось).

Тем не менее американцы не считали вопрос о тяжелых МБР решенным и продолжали добиваться дальнейших ограничений на них, которые привели бы остающиеся 154 ракеты к постепенному вымиранию. Речь шла о запрете на их летные испытания и модернизацию, что действительно привело бы к невозможности поддержания в боеспособном состоянии эти МБР.

Договориться о тяжелых ракетах удалось лишь в начале октября 1990 г. в результате встречи министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и государственного секретаря США Дж. Бейкера, которая состоялась в Нью-Йорке в ходе сессии ГА ООН. Американцы сняли свое требование о полном уничтожении тяжелых ракет, согласившись с некоторыми ограничениями на них – в дополнение к пятидесятипроцентному уничтожению. В результате в договор был включен запрет на создание новых типов таких ракет (с сохранением возможности модернизации существующих типов без увеличения их стартового и забрасываемого веса), мобильных пусковых установок, тяжелых МБР и тяжелых БРПЛ. Запрещалось понижать засчитываемое за тяжелой МБР количество боезарядов (10 единиц), хотя, разумеется, не возбранялось понижать это число в реальности (если тяжелая МБР была бы оснащена вместо 10 боезарядов, скажем, тремя, за ней все равно засчитывалось в суммарный уровень 6 тыс. единиц 10 боезарядов). Наконец, не допускалось создание дополнительных ШПУ тяжелых МБР, кроме как вместо ликвидированных.

Таким образом, эти ограничения касались в основном не существующих типов, а будущих, гипотетических вариантов. При всем напряжении фантазии невозможно представить себе какое-либо мобильное средство – железнодорожное и тем более грунтовое, – с которого можно было бы осуществить запуск

громады весом более 100 т. И длиной в 40 м. Очевидно, такая задача очень трудноосуществима и применительно к подводной лодке. По сути дела, дополнительные ограничения сводились к неувеличению стартового и забрасываемого весов, которые и без того были невероятно большими, и к сохранению засчета 10 боезарядов независимо от их реального количества, т.е. к распространению на тяжелые МБР того правила, которое должно было действовать и на большинство других ракет, как наших, так и американских. Что же касается ограничения в отношении новых ШПУ, то аналогичное ограничение было согласовано для всех МБР с той лишь разницей, что для всех ШПУ действовал общий ограничитель в 1600 носителей и 4900 боезарядов на БР, а для ШПУ тяжелых МБР действовал бы еще один ограничитель, который был уже давно согласован, – 154 единицы, или 50 процентов развернутых МБР.

Наибольшие сложности возникли при согласовании выдвинутого нами условия о строительстве новых ШПУ (как выяснилось, хотя у нас не было определенного намерения передислоцировать ШПУ тяжелых ракет, но хотелось на всякий случай сохранить такую возможность).

Встреча Э.А. Шеварднадзе с Дж. Бейкером происходила в нашем представительстве в Нью-Йорке. Пока они обсуждали другие вопросы (сокращение обычных вооружений, ближневосточная проблема и т.д.), Р. Берт и я в одной из комнат рядом с залом, где заседали министры, согласовывали предложения для доклада им. Время от времени то он, то я обращались к экспертам, которые располагались неподалеку, в небольшом холле. Когда дело дошло до последнего препятствия – передислокации ШПУ тяжелых МБР, Берт довольно долго совещался со своими экспертами, а затем сообщил мне, что он мог бы рекомендовать Дж. Бейкеру принять всю договоренность по тяжелым МБР как пакет, включая возможность передислокации, но что Бейкер наверняка поставит вопрос, зачем нам нужна эта передислокация. В наших инструкциях, предписывавших добиваться возможности передислокации ШПУ, к сожалению, не было никакой мотивировки. Я поэтому на свой страх и риск ответил, что готов объяснить ему, Берту, мотивы, но что не советую поднимать этот вопрос на встрече министров, так как в этом случае с нашей стороны потребовался бы официальный

ответ, что было бы значительно сложнее и дольше, поскольку потребовалось бы согласование с Москвой. Переговорив с Бейкером, Берт дал согласие и предложил подышать воздухом.

Мы вышли из нашей миссии и пошли вокруг квартала, где было наше здание: Шестьдесят седьмая стрит – Лексингтон – Шестьдесят шестая стрит – Третья авеню – Шестьдесят седьмая. Видимо, Берт считал, что вне родных для него стен, «которые слышат», я буду более откровенен.

Я действительно не знал, зачем нашим военным нужно было сохранить возможность передислокации тяжелых ракет, но решил на свой страх и риск высказать собственные суждения, подчеркнув, что я их высказываю в сугубо личном порядке. Начал я с напоминания об отсутствии в проекте договора аналогичных ограничений в отношении ШПУ других ракет (разумеется, в рамках общего ограничительного «потолка»)⁵. «И это естественно, – продолжал я импровизировать, – поскольку нельзя исключать возникновения аварийной обстановки как в связи с длительным сроком эксплуатации, так и в результате землетрясения и других стихийных явлений, в результате чего дальнейшая эксплуатация шахт могла бы оказаться невозможной. Так почему же для тяжелых ракет должно быть сделано исключение?». «Ну ты же знаешь, что для нас ваши тяжелые – это особый случай, – отреагировал Берт. – А Казахстан?» – спрашивал он.

А надо сказать, что к тому времени в Казахстане действительно развернулось сильное антиядерное движение. Оно в первую очередь было направлено против Семипалатинского полигона, где проводились испытания ядерного оружия (в результате этот полигон был закрыт). Но протесты раздавались и против дислоцированного в Казахстане ядерного оружия, основную часть которого составляли 104 развернутые тяжелые ракеты. В то время, однако, советское руководство старалось не выносить сора из избы. Поэтому я уклонился от прямого ответа (тем более что я и не располагал информацией на этот счет) и постарался перевести все дело в гипотетическую плоскость.

---

⁵ Не помню, почему наши указания предписывали возражать против запрета на передислокацию тяжелых МБР. Возможно, потому что американцы, одержимые стремлением *зажать* РС-20, настаивали на таком запрете.

– Дело не в каком-либо конкретном регионе, поскольку речь не идет о потребности сегодняшнего дня, – отвечал я. – Однако можно представить себе, например, такую ситуацию. Скажем, когда-то какие-то ШПУ были построены на достаточном удалении от населенных пунктов. Однако в дальнейшем эти населенные пункты, разрастаясь, приблизились к этим ШПУ и население стало проявлять беспокойство по поводу опасного соседства. Ввиду существующей техники безопасности такое беспокойство необоснованно. Однако такие эмоции при их достаточно широком распространении могут стать серьезным политическим фактором, который нельзя было бы игнорировать, и в результате потребовалось бы перенести ШПУ в другое место.

Эти неофициальные разъяснения, сделанные в разговоре один на один, вполне удовлетворили американскую сторону. Берт на официальной встрече не поднял вопроса о мотивах возможной передислокации тяжелых МБР. Казалось бы, вопрос был исчерпан. Однако, к сожалению, он имел неприятное продолжение.

Вскоре после возвращения из Нью-Йорка в Женеву Берт попросил срочно с ним встретиться и с весьма встревоженным видом сообщил следующее. Министр обороны США Ричард Чейни, находясь (уже после нью-йоркской встречи министров иностранных дел СССР и США) с визитом в Советском Союзе, завел разговор с министром обороны Д.Т. Язовым о том, почему, мол, СССР хочет передислоцировать часть ШПУ тяжелых ракет. На это будто бы Д.Т. Язов ответил, что советская сторона не собирается строить новые ШПУ для тяжелых МБР. У Чейни возник вопрос: почему Бейкер согласился на возможность их передислокации, если у советской стороны нет в этом никакой необходимости? Было заявлено, что до разъяснения этого вопроса делегация США не может продолжать работу по переводу на договорный язык нью-йоркской договоренности в отношении тяжелых МБР.

Выслушав это тревожное сообщение, я легко представил себе, в какое щекотливое положение попал Бейкер, а вместе с ним и Берт в результате такого ответа нашего министра обороны. Получалось, что и государственный секретарь, и руководитель делегации США пошли на неоправданные уступки Советскому Союзу. Сама по себе эта уступка была не бог весть какой, но при желании вашингтонские *ястребы* вполне могли раскрутить

этот случай для *опорочения* всей линии Бейкера на достижение договоренностей с нами. Иными словами, дело пахло не только интригами в высших эшелонах власти США, но и высокой политикой. Вероятно, Чейни и поднял-то в разговоре с Язовым вопрос о передислокации ШПУ тяжелых МБР в провокационных целях. И он в этом преуспел, надо отдать ему должное.

Нужно было как-то реагировать. Для начала я выразил сомнение в правильности перевода или передачи слов Язова. Берт уверенно ответил, что исключает это, так как беседа велась в присутствии довольно широкого круга лиц и переводилась высококвалифицированными переводчиками, в том числе американскими. Я, откровенно говоря, не сомневался, что если потребовалось бы, американцы смогли бы представить нам запись беседы в подлиннике. Тем не менее я заявил, что немедленно *снесусь* с Москвой и что не вижу возможности для дальнейшего обсуждения вопроса, пока и другая сторона, т.е. Д.Т. Язов, не внесет ясность в то, что было им на самом деле сказано.

Тем самым закончив официальную часть разговора, я, рассуждая в чисто личном плане, заметил, что даже если бы Язов и произнес приписываемые ему слова, между ними и нашей официальной позицией нет противоречия, так как отсутствие у нас сейчас планов строительства новых ШПУ не может исключать нашего намерения сохранить на будущее возможность такого строительства для передислокации шахт в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, о которых мы говорили в Нью-Йорке. «Вот если бы именно так сказал Язов, то и вопроса не возникло бы», – реагировал Берт.

Вернувшись к себе (встреча происходила в кафе, расположенном вблизи и от нашей, и от американской миссий), я, естественно, срочно направил в Москву телеграмму с сообщением об обращении Берта и со своей оценкой ситуации. Предложив, чтобы со стороны Язова была срочно внесена ясность в возникшую ситуацию, я изложил ту мотивировку, которую выдвинул в Нью-Йорке в беседе с Бертом. Ее основной смысл сводился к тому, что даже если у нас нет сейчас планов строительства ШПУ тяжелых МБР, это не значит, что они не могут возникнуть в будущем. Надо сказать, что в Нью-Йорке я оформил эту мотивировку в виде записи беседы, которая должна была пойти в Москву с очередной диппочтой, но ни в одну из телеграмм,

отправленных Шеварднадзе из Нью-Йорка, она включена не была, поэтому Язов о ней ничего и не знал. Возможно, это было ошибкой, хотя, с другой стороны, ведь требование о возможности передислокации шахт для тяжелых ракет было включено в наши директивы именно военными. Следовательно, у них все-таки были планы такой передислокации. К сожалению, до сведения министра обороны эти планы своевременно доведены не были, почему он и отрицал их наличие в разговоре с Чейни.

Москва прореагировала быстро: уже через несколько дней Д.Т. Язов направил Р. Чейни послание, в котором наотрез отрицалось то, что американцы слышали от Язова (советская сторона не собирается строить новые ШПУ для тяжелых МБР), и не использовалась предложенная мною возможность уточнения того, что было сказано. Была допущена и другая ошибка: говоря о том, что мы будем осуществлять строительство ШПУ для тяжелых МБР одновременно с ликвидацией таких ШПУ, сообщалось, что это будет делаться при модернизации наших тяжелых МБР. Подготавливавшийся договор не лишал нас права на это, но вполне можно было бы обойтись без упоминания о модернизации, чтобы не подливать масла в огонь, в котором горел еще не согласованный до конца вопрос.

Конечно, обе эти ошибки были использованы вашингтонскими противниками договора для срыва договоренности по тяжелым МБР. Чтобы ее сохранить, потребовалось готовить еще одно послание, которое на этот раз было подписано не только Д.Т. Язовым, но и Э.А. Шеварднадзе и адресовалось Р. Чейни и Дж. Бейкеру. В нем говорилось, что сейчас у нас нет планов передислокации ШПУ тяжелых МБР, но что мы не можем исключать такую возможность как из-за возникновения аварийной обстановки, так и по соображениям невоенного характера, в частности в связи с происходящими у нас в стране внутриполитическими процессами.

Кроме того, было согласовано совместное заявление сторон, в котором фиксировались следующие договоренности:

- замена ШПУ тяжелых МБР производится только в случае их уничтожения в результате аварии или других исключительных обстоятельств;

- при возникновении необходимости в передислокации ШПУ сообщаются причины и планы такой передислокации.

Подозрительность американцев в отношении тяжелых МБР проявилась и еще в одном случае. По условиям договора процесс уничтожения СНВ должен протекать в течение семи лет. Возник вопрос, как пройти этот семилетний путь, чтобы ни на одном из его участков ни у той ни у другой стороны не возникло военных преимуществ. Каждая сторона старалась перетянуть канат на себя: мы хотели, чтобы вначале ликвидировалось больше тех вооружений, по которым у США было преимущество, а МБР, особенно их современные типы, которые являлись (и являются) нашим главным козырем, оставались бы на потом. Американцы, естественно, добивались прямо противоположного.

Само собой разумеется, решать этот вопрос можно было только при обеспечении полной равномерности процесса ликвидации СНВ, с взаимным учетом существовавшей асимметричности. После того как обе стороны согласились с таким подходом, довольно просто удалось договориться и о деталях. Весь семилетний процесс ликвидации разделялся на три этапа: первый – три года, второй и третий – по два года каждый. Установлены цифры (они зафиксированы в тексте договора) уровней носителей, в том числе баллистических ракет, боезарядов на них. Казалось бы, вопрос должен быть исчерпан. Однако и здесь американцы заговорили о гарантиях того, что тяжелые МБР будут уничтожаться равномерно, а не в последнюю очередь. И вновь начался торг.

Как объясняли наши военные, для них возникала чисто практическая, административная проблема. Ликвидация ракет должна была осуществляться по соответствующим воинским подразделениям. Уничтожили сколько-то ракет, входящих, скажем, в дивизион, – расформировали этот дивизион. Не знаю, почему и как, в конце концов, они сняли эти свои возражения, но в ноябре 1990 г. наконец договорились уничтожить по 22 тяжелые ракеты в год. Таким образом, к концу первого – трехлетнего – периода из 308 таких ракет у нас должны были оставаться 242, к концу второго этапа – 198 и еще через два года – 154. Эта договоренность была оформлена без включения в сам договор – путем обмена письмами глав делегаций.

«Звездные войны» в космосе и на переговорах

Переговоры, приведшие к подписанию 31 июля 1991 г. Договора СНВ-I, официально назывались «переговорами по ядерным и космическим вооружениям». Дело в том, что, помимо разработки договора, которая осуществлялась в «группе по СНВ», функционировала еще одна группа – «по ПРО и космосу». Но если в «группе по СНВ» действительно велись переговоры в полном смысле этого слова, то в «группе по ПРО и космосу» происходил процесс, который я затрудняюсь назвать переговорами, поскольку принципиальные подходы сторон были взаимоисключающими, а следовательно, и переговариваться было не о чем. Тем не менее вплоть до подписания договора по СНВ стороны вели на этом «космическом» направлении сложную позиционную борьбу. Смысл ее состоял в том, что Вашингтон пытался набрать политические очки в пользу осуществления «стратегической оборонной инициативы», а с другой стороны, Москва стремилась эти очки не дать, сохранить Договор по ПРО в его первоначальном виде и в то же время продемонстрировать конструктивность своего общего подхода к проблеме стратегических вооружений, чтобы не повредить заключению договора по СНВ.

В этом *непереговорном* процессе позиционного маневрирования советскую делегацию представляли посол Ю.И. Кузнецов и генерал-лейтенант Н.Н. Детинов, а я, как глава всей делегации, должен был их контролировать. В связи с этим у меня сохранились некоторые воспоминания, которыми я собираюсь поделиться с читателем. Но чтобы они были более понятны, мне придется сделать некоторые пояснения.

Напомню, что в марте 1983 г. президент США Р. Рейган выдвинул сенсационную программу, которая официально называлась «стратегической оборонной инициативой», а с чьей-то легкой

руки из-за своей фантастичности она была окрещена программой «звездных войн» (по названию нашумевшего кинофильма). В подаче Р. Рейгана, видимо, искренне считавшего, что можно создать над всей территорией США непробиваемый ракетным щит и превратить ядерное оружие в «устаревшее и ненужное», программа и впрямь выглядела фантастичной.

Предполагалось, что с помощью датчиков, размещенных в космосе, ракеты противника будут засекаются в момент старта и уничтожаться эшелонированным комплексом средств космического и наземного базирования. Среди них фигурировали такие экзотические средства, как лазеры с химической или ядерной накачкой и ускорители нейтральных частиц. В дальнейшем появилась концепция «разумных камней», т.е. небольших (длинной порядка одного метра) противоракет, которые были бы развернуты на относительно низких орбитах в количестве нескольких тысяч и держали под прицелом баллистические ракеты, которые могли бы стартовать из любой точки земного шара.

Идея противоракетного щита довольно скоро была скорректирована. Американские официальные лица стали говорить, что система ПРО не обязательно должна быть стопроцентной и что ей достаточно иметь возможность уничтожить столько сил нападающей стороны, чтобы лишить ее уверенности в осуществлении успешного нападения. Когда президентом стал Дж. Буш-старший, он трансформировал СОИ в нечто совсем скромное – в Глобальную защиту от ограниченных ударов (ГЗОУ). Теперь речь пошла о перехвате не более двухсот боеголовок. Наконец, при президентстве Билла Клинтона (1993–2001) вообще перешли от стратегической к нестратегической ПРО. Однако ко времени подписания договора по СНВ фигурировала концепция ГЗОУ, а она предполагала развертывание в космосе примерно тысячи «разумных камней», что совершенно бесспорно противоречило Договору по ПРО.

Конечно, никаких абсолютных средств – ни оборонительных, ни наступательных – в природе не существует, как не существует, скажем, вечного двигателя. Но тем не менее создание оборонительной стратегической системы, даже ограниченного характера, несомненно, повлияло бы на стратегическое соотношение сил, так как такая система нейтрализовала бы какую-то часть межконтинентальных баллистических ракет противника. Каков

бы ни был ответ советской стороны на осуществление СОИ – асимметричный или симметричный, – это означало бы новый виток гонки вооружений, расходы на который были бы губительны для советской экономики, и без того загнанной предыдущими потугами.

Между тем на программу СОИ в США стали отпускатся средства. А чтобы *финансовый ручеек* не оскудевал, а, наоборот, становился все более полноводным, требовалось обоснование СОИ не только с военно-технической точки зрения, но также и с международно-правовой, дипломатической.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны, заключенный между СССР и США в 1972 г., был главным международно-правовым препятствием на пути осуществления СОИ. В частности, его статья 5 прямо запрещала разработку, испытания и развертывание систем ПРО и ее компонентов морского, воздушного, космического и мобильно-наземного базирования. Конечно, США могли выйти из этого договора (что они впоследствии и сделали в 2002 г.). С чисто юридической точки зрения проблем не было: им надо было лишь уведомить другую сторону о принятом решении за шесть месяцев до выхода и представить соответствующие обоснования. Такая возможность предусматривалась Договором по ПРО в статье XV. Однако в политическом отношении разрыв международного договора не простое дело. Ведь помимо сторонников СОИ в США, были и могущественные противники расходования финансовых средств на эту *сверхдорогостоящую* программу¹.

Очевидно, с учетом этого соображения администрация Р. Рейгана решила пойти по другому пути: с помощью изобретательных юристов стали выдвигаться расширительные толкования Договора по ПРО, которые предназначались для того, чтобы снять международно-правовые препятствия для разработки и испытаний в космосе компонентов ПРО в соответствии с СОИ (и соответственно лишить ее внутренних противников возможности ссылаться на договорные ограничения).

---

¹ Впоследствии, когда при президентстве Дж. Буша-младшего (2001–2009) США стали позволять себе все чаще пренебрегать мнениями других стран, в том числе своих союзников, они вышли в 2002 г. из Договора по ПРО.

Главной юридической *защиткой* служило согласованное заявление «Д», сделанное при заключении Договора по ПРО, которое касалось «будущих» систем и компонентов, основанных на «иных физических принципах», в отличие от традиционных принципов, известных в 1972 г. В нем говорилось, что в случае создания в будущем таких систем и компонентов ПРО их конкретные ограничения подлежали бы обсуждению и согласованию.

Конечно, в 1972 г., когда заключался Договор по ПРО, невозможно было предвидеть все нюансы, связанные с будущими технологическими возможностями в области противоракетных систем. На отсутствии конкретных ограничений и запретов, относящихся к возникшим возможностям, и строили свою аргументацию авторы «широкого» толкования, пытавшиеся доказать отсутствие запрета на разработку и испытания компонентов ПРО в соответствии с СОИ.

Любопытно, что в ходе переговоров по Договору ОСВ-I (1969–1972) американская сторона настаивала на запрете развертывания систем и компонентов ПРО, основанных на «иных» физических принципах, а советская сторона возражала против этого на том основании, что такой запрет, будучи слишком неопределенным, порождает бы недоразумения, споры и подозрения. Если бы американцы согласились с доводами советской стороны, возникшая у них в 1983 г. проблема международно-правового обоснования СОИ решалась бы значительно проще.

Еще в Рейкьявике в октябре 1986 г., во время встречи на высшем уровне СССР и США, советская сторона выдвинула предложение о том, чтобы оба государства приняли на себя юридическое обязательство о соблюдении Договора по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 г. (т.е. без каких-либо расширительных толкований), и о невыходе из него по крайней мере в течение 10 лет. Иными словами, речь шла о том, чтобы к Договору по ПРО не применялись расширительные толкования, которые позволяли бы США продвигать СОИ, и чтобы нельзя было воспользоваться правом выхода из него, пока обе стороны не осуществят сокращения своих стратегических наступательных вооружений в соответствии с договором по СНВ.

На вашингтонской встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана в декабре 1987 г., проходившей в эйфорической атмосфере («Горби» был в зените своей зарубежной популярности), удалось согласо-

вать для совместного заявления несколько положений, касавшихся Договора по ПРО. Это был шедевр иллюзорного компромисса, когда с помощью чисто словесных ухищрений совмещается несовместимое, без изменения первоначальных позиций, и стороны толкуют согласованные компромиссные формулировки в соответствии с этими позициями.

Вот весь этот пассаж:

«С учетом подготовки договора по СНВ руководители двух стран поручили также своим делегациям в Женеве выработать договоренность, которая обязала бы стороны соблюдать Договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 г., в процессе осуществления исследований, разработок и при необходимости испытаний, которые разрешаются по Договору по ПРО, и не выходить из Договора по ПРО в течение согласованного срока. Интенсивные обсуждения стратегической стабильности начнутся не позднее чем за три года до окончания согласованного срока невыхода, причем после этого периода, если только стороны не договорятся об ином, каждая из сторон будет иметь право сама определить свой образ действий. Такая договоренность должна иметь такой же юридический статус, как договор по СНВ, Договор по ПРО и другие юридически обязывающие соглашения. Эта договоренность будет зафиксирована в форме, взаимоприемлемой для сторон. Поэтому они дают указания своим делегациям рассмотреть эти вопросы в первую очередь. Обе стороны обсудят пути обеспечения предсказуемости развития советско-американского стратегического отношения в условиях стратегической стабильности в целях уменьшения риска ядерной войны».

В то время я еще не был вовлечен в переговоры о стратегических вооружениях и поэтому о том, как появилась на свет приведенная выше формула, я знаю лишь с чужих слов. Интересные детали на этот счет приведены в книге С.Ф. Ахромеева и Г.М. Корниенко «Глазами маршала и дипломата»².

Ясно, конечно, что эта компромиссная формулировка появилась ради насыщения совместного заявления важными положениями, относящимися к стратегическим вооружениям. Однако никакого выхода из тупика по ПРО и космосу она не намечала.

---

² Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. С. 135–147.

Требования советской стороны о юридическом фиксировании объективно существующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями были справедливы, но нереалистичны ввиду той силы политической инерции, которую набрала благодаря усилиям администрации Р. Рейгана программа СОИ. Более эффективным путем противодействия этой программе, а следовательно, новому витку гонки вооружений было заключение договора по СНВ – при снятии требования о его юридической увязке с Договором по ПРО. Но к этому мы пришли позже.

А пока на переговорах каждая из сторон выдвинула свой вариант осуществления этих «согласованных» положений, которые диаметрально расходились между собой. Советская сторона положила на стол переговоров проект «Договора о соблюдении Договора по ПРО и невыходе из него в течение согласованного срока», а американская – проект «Соглашения о некоторых мерах, содействующих переходу на основе сотрудничества к развертыванию будущей обороны против баллистических ракет». И хотя и в советском, и в американском документах речь шла о невыходе из Договора по ПРО в течение согласованного срока, сами заголовки документов достаточно красноречиво говорили о принципиально различных подходах. Достаточно сказать, что в советском документе речь шла о стремлении «не допустить возникновения ситуаций, которые могли бы явиться основанием для одной из сторон считать себя свободной от обязательств по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (т.е. не нарушать Договор по ПРО и не выходить из него), а в американском – о стремлении «создать ситуации, которые могли бы привести к развертыванию эффективной обороны (т.е. пересмотреть Договор по ПРО или разорвать его. – *Прим. авт.*) и еще более стабилизирующим сокращениям стратегических наступательных вооружений, чем те, которые связаны с обязательствами по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений».

И к советскому, и к американскому документам был приложен проект протокола, в котором речь шла о мерах доверия и предсказуемости. В общем по содержанию этих мер разногласий было не так много, как по содержанию основного документа. Обе стороны были согласны в том, что такие меры могли

включать в себя обмен данными, встречи экспертов, взаимные посещения и т.д. Однако то, как каждая сторона рассматривала цель их осуществления, было взаимоисключающим. Советская сторона считала, что меры доверия и предсказуемости способствовали бы соблюдению Договора по ПРО в его первоизданном виде, а американская сторона исходила из необходимости таких мер при создании обороны против стратегических баллистических ракет и соответственно при замене Договора по ПРО новым договором, который разрешал бы осуществление СОИ.

Так обстояло дело на «космическом» направлении переговоров по ядерным и космическим вооружениям к 1989 г.

При подготовке к встрече министров иностранных дел СССР и США, которая должна была состояться в сентябре 1989 г., основное внимание в Москве было уделено проблеме взаимосвязи СНВ и ПРО. Конечно, были сделаны попытки сделать наши позиции более гибкими и по другим вопросам, прежде всего связанным с крылатыми ракетами воздушного и морского базирования, однако тут, как уже выше говорилось, ничего не получилось. Что же касается СНВ-ПРО, то делегация отправилась в США, имея в своем портфеле предложения, которые по крайней мере выводили подготовку договора по СНВ из принципиального тупика.

После встречи в Вашингтоне Э.А. Шеварднадзе с Дж. Бушем-старшим и предварительных консультаций экспертов двух делегаций в Госдепартаменте США мы отправились в штат Вайоминг, где должны были проходить основные переговоры.

Там, неподалеку от небольшого, стилизованного под «Дикий Запад» городка Джексон-Хоул, находилось ранчо Дж. Бейкера (по-нашему, загородная представительская резиденция), вблизи которой был расположен туристический комплекс – с комфортабельным отелем и летними домиками. В этом комплексе, носившем название Тетон-Лодж, и разместились обе делегации. Переговоры происходили в отеле, где имелись удобные помещения, а встречи министров в узком составе – на ранчо Дж. Бейкера.

Прибыли мы уже затемно. Выйдя на следующее утро на балкон, я был покороен красотой открывшейся передо мной панорамы. Дикие прерии, зеркальное озерко, а на горизонте – синеватая горная гряда Тетон. Дымок, вившийся из далекого кустарника,

рисовал в воображении сидящих вокруг костра индейцев, вигвам и прочие картины, почерпнутые еще в детстве у Фенимора Купера³.

Идея проведения встречи министров в этом живописнейшем месте была, конечно, недурна. И не только потому, что позволила повидать этот прекрасный уголок Земли. Обстановка, несомненно, способствовала установлению более близких, доверительных отношений между новым Государственным секретарем США и Э.А. Шеварднадзе. Да и на других участников встречи она воздействовала как-то возвышенно, настраивала на планетарный лад. Под голубым небесным куполом Вайоминга переговорные распри выглядели мелко, незначительно, т.е. так, какими на самом деле они и были.

Конечно, при организации подобных встреч в новых местах, особенно вдали от столицы, возникает много проблем и для хозяев и для гостей. Хозяевам приходится решать множество организационных проблем, а у гостей могут возникать трудности из-за отрыва от средств закрытой связи со своей столицей. Проблема связи обычно решается в таких случаях с помощью курьеров, которые курсируют в случае необходимости между делегацией и посольством, что в любом случае бывает связано с потерей драгоценного времени.

Но в Вайоминге все было прекрасно. Окончание переговоров еще не просматривалось. Поэтому проблем, требующих немедленного решения, не возникало. Шла расчистка дальнейшего пути, а для этого достаточно было привезенных инструкций и некоторой смелости для несанкционированного обсуждения (*мысли вслух*) возможных *развязок*, которые в дальнейшем могли бы стать основой утвержденных позиций для каждой делегации.

Естественно, такие *размышления вслух* могли обернуться и неприятностями для переговорщика. Однако без неофициальной подготовки будущих официальных договоренностей результативные переговоры, как правило, невозможны. Понимая это, начальство поощряет подобные действия, но само держится от них в стороне, чтобы в случае *прокола* можно было бы легко дезавуировать переговорщика. Видимо, поэтому в 1989–1990 гг. в период

---

³ Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, романист и сатирик, один из основоположников жанра вестерн. – *Прим. ред.*

расчистки переговорных *завалов*, работалось мне легко и свободно. Это потом, когда переговоры выйдут на финишную прямую, появятся желающие выскочить вперед, приобщиться к заключению договора. В делегации их называли *пенкосниматели*. Вот тогда работать станет значительно труднее.

Итак, что же произошло в Вайоминге?

Главные результаты, как и следовало ожидать, были достигнуты в вопросе о взаимосвязи наступательных и оборонительных стратегических вооружений. В совместном заявлении министров говорилось на этот счет следующее: «В отношении вопросов ПРО и космоса советская сторона предложила новый подход, направленный на решение этой важной проблемы. Обе стороны согласились, что советский подход открывает путь к достижению и осуществлению договора по СНВ без заключения договора по обороне и космосу. Стороны согласились отказаться от подхода, связанного с обязательством о невыходе, продолжая в то же время обсуждение путей обеспечения предсказуемости развития советско-американского стратегического отношения в условиях стратегической стабильности в целях уменьшения риска ядерной войны. Американская сторона заявила, что она внимательно изучит другие аспекты советского подхода в целом».

Посмотрим, что стояло за этой формулой.

Конечно, при согласовании текста этого заявления был соблюден определенный баланс между нашими и американскими формулировками. Уступкой американцам было упоминание соглашения по обороне и космосу (мы-то ведь настаивали на заключении не этого соглашения, а договора о невыходе из Договора по ПРО). Но коль скоро говорилось о заключении договора по СНВ «без заключения соглашения по обороне и космосу», на это можно было пойти безболезненно.

Главным же было то, что советская сторона действительно предложила новый подход, направленный на решение вопросов ПРО и космоса. Он заключался в том, что Советский Союз снял юридическую увязку будущего договора по СНВ и существовавшего Договора по ПРО: с нашей стороны было заявлено, что в целях скорейшего заключения договора по СНВ Советский Союз будет готов пойти на подписание этого договора и в том случае, если к завершению его разработки не будет достигнута

договоренность по проблеме ПРО, но стороны продолжали бы соблюдать Договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 г. Американцам было предложено подготовить согласованное понимание о том, что уже зафиксированное в проекте договора по СНВ положение о праве сторон выйти из него в случае угрозы их высшим интересам подразумевало бы и право на выход из этого договора в случае нарушения одной из сторон Договора по ПРО. Они, разумеется, отказались от такого согласованного понимания. Тогда в соответствии с инструкциями с нашей стороны было заявлено, что мы в одностороннем порядке выразим наше понимание на этот счет.

Разумеется, американцы подтвердили для протокола свою позицию, которая впоследствии легла в основу их заявления перед подписанием договора. Но они не выдвинули возражений против продолжения переговоров и заключения договора по СНВ на тех условиях, которые оговорила советская сторона. Это, по моему мнению, было главным результатом вайомингской встречи.

Этот результат в конечном счете и послужил ключом к решению проблемы взаимосвязи СНВ и ПРО. Накануне подписания договора по СНВ советская сторона, сняв свои предложения о каком-либо упоминании в его тексте Договора по ПРО, включила в официальные материалы переговоров свое заявление о том, что договор по СНВ может быть эффективным и жизнеспособным только в условиях соблюдения Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г., и предупредила о возможности своего выхода из договора по СНВ в случае выхода США из Договора по ПРО или его существенного нарушения.

Американская сторона сделала свое заявление, в котором выразила сомнение в юридической и военной обоснованности выхода СССР из договора по СНВ в случае «гипотетического выхода» США из Договора по ПРО. Вместе с тем в этом же заявлении США признали право СССР на выход из договора по СНВ в случае, если Советский Союз сочтет, что его высшие интересы поставлены под угрозу.

Там же американская сторона оговорила, что согласованные сторонами изменения в Договоре по ПРО не были бы основанием для того, чтобы ставить под вопрос эффективность или жизнеспособность договора по СНВ. По сути дела, эта оговорка,

являясь бесспорной (ведь говорилось о «согласованных сторонами» изменениях), означала молчаливое признание того, что односторонние толкования Договора по ПРО вели бы к его нарушению, что подрывало бы его эффективность и жизнеспособность.

Подписание договора по СНВ заметно ослабило позиции сторонников СОИ в США, что сразу же сказалось на размере ассигнований, выделявшихся американским Конгрессом на эту программу. Еще при администрации Дж. Буша-старшего было начато сворачивание СОИ: вместо широкомасштабной системы ПРО, предусматривавшей создание эшелонированной системы перехвата МБР для защиты всей территории США в случае масштабной ракетной атаки речь пошла уже о Системе глобальной защиты от ограниченных ударов, т.е. от случайных или несанкционированных пусков. Администрация Б. Клинтона пошла еще дальше, предложив России договориться о проведении разграничительной линии между стратегическими и нестратегическими системами ПРО, чтобы иметь возможность создавать только последние в условиях действия Договора по ПРО.

Проглотив решение проблемы СНВ-ПРО, предложенное советской стороной в Вайоминге, США тем не менее продолжали свои действия, смысл которых заключался в том, чтобы и далее пробивать идею СОИ. Во время вайомингской встречи Дж. Бейкер предложил, чтобы группа советских экспертов (до десяти человек) посетила две американские лаборатории, занятые исследованиями в области СОИ: Лос-Аламосскую национальную лабораторию и лабораторию в Сан-Хуан-Капистрано. Американская сторона подчеркнула в приглашении, что выдвигает эту инициативу в одностороннем порядке и не обуславливает аналогичными действиями с нашей стороны. Эта оговорка была весьма существенной, так как в противном случае синдром секретности скорее всего побудил бы наши *соответствующие органы* воспротивиться поездке.

Очевидно, с помощью этой поездки американцы хотели дать в руки той части советского ВПК, которая была связана с работами в области ПРО и космоса и была заинтересована в продолжении этих работ, дополнительную аргументацию в борьбе против Договора по ПРО. Следствием этого было бы и *раскачивание* нашей позиции на переговорах по ПРО и космосу.

Решение о поездке по американскому приглашению было принято сравнительно быстро: видимо, многим нашим ведомствам хотелось своими глазами посмотреть, что же там у них делается с этой СОИ. Но в указаниях, которыми советские эксперты должны были руководствоваться, было строго оговорено, что им следует подчеркивать неизменность нашей позиции о необходимости соблюдения СССР и США в процессе работ в области противоракетной обороны Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г., и, как следствие, недопустимость отработки и развертывания оружия в космосе.

В группу были включены десять человек – восемь ученых и технических специалистов и два сотрудника МИДа, в том числе я. Мне было поручено возглавлять эту группу. Руководство мое должно было сводиться к тому, чтобы «выражать официальную точку зрения», т.е. то, что было записано в инструкциях. Делать это приходилось и в ходе тех собеседований, которые происходили с американскими учеными, специалистами, коллегами, и в интервью журналистам.

14 декабря 1989 г. рейсом «Аэрофлота» наша группа прибыла в Вашингтон, а на следующее утро специально выделенный для этой поездки самолет ВВС США, взлетев с военно-воздушной базы Эндрюс, понес нас вместе с группой американцев (ее возглавлял посол Дэвид Смит) на запад, в Калифорнию.

Начать осмотр нам предстояло с лаборатории и испытательной площадки в Сан-Хуан-Капистрано, принадлежащими частной корпорации TRW. По правительственному контракту она вела разработку лазера с химической накачкой для СОИ.

Переночевав в курортном отеле на берегу Тихого океана, на следующее утро мы отправились на объект. Комфортабельный автобус, который был предоставлен нам для поездки, довольно скоро пересек курортную зону с ее пальмами и агавами и стал удаляться от побережья. Четырехрядная дорога сменилась более узкой, пошла в гору. Примерно через час подкатили мы к шлагбауму, преграждавшему въезд на территорию лаборатории.

Хозяева, устроившие для нас двухчасовой брифинг, были корректны и доброжелательны. Они в общих чертах рассказали нам о лаборатории, чем она занимается, что такое проект «Альфа», в соответствии с которым разрабатывался химический лазер.

В тех случаях, когда любознательность наших специалистов брала верх над их деликатностью, хозяева, объяснив то, что допускалось их правилами секретности, четко и определенно говорили, что далее начинается «закрытая» информация, раскрывать которую они не могут. Конечно, ничего тут удивительного не было. Я, однако, подумал, что у наших ученых и специалистов, когда они оказываются в положении отвечающих на вопросы, нет такой же четкости в определении грани «закрытого» и «открытого»: одни чересчур зажимаются, боясь сказать лишнее и явно перестраховываясь, а другие, наоборот, увлекаются «открытостью» и *гласностью*.

После брифинга нам была показана лазерная установка, которая используется с 1973 г. для исследования в лабораторных условиях различных свойств лазерного луча. Не обладая познаниями в области лазерной технологии, как, впрочем, и в любой другой технической области, я, разумеется, никак не могу судить о качествах этой установки. Она, по-моему, не произвела большого впечатления на наших специалистов, которые ограничились проявлением вежливого интереса. Все-таки с 1973 г., видимо, много воды утекло.

Поехали на испытательную площадку. Здесь, в гористой и безлюдной местности, глазам нашим открылось загадочное сооружение, вызвавшее в памяти читанное когда-то о гиперboloиде инженера Гарина⁴ и прочих фантастических вещах, которые, конечно же, должны сооружаться вдали от людских глаз и выглядеть столь же непонятно. Впрочем, это и был гиперboloид. В сущности, и предназначен-то он был для целей, весьма близких тем, что ставил перед собой инженер Гарин, – править миром.

То, что мы увидели, было наземной моделью будущего космического лазера, с помощью которого предполагалось в будущем *сбивать* или, точнее, прожигать, выводить из строя советские межконтинентальные баллистические ракеты в случае их пуска для поражения объектов на американской территории. Как нам пояснили, для запуска в космос потребуется воспроизвести эту

---

⁴ «Гиперboloид инженера Гарина» – фантастический роман советского писателя Алексея Николаевича Толстого (1883–1945), опубликованный в 1927 г. – *Прим. ред.*

модель в других, более тяжелых материалах, но общая компоновка останется той же. Научные и технические проблемы, которые возникают в связи с этим, говорили нам наши гиды, уже решены, но нужно еще решить инженерные вопросы.

Пока же для проведения испытаний моделируются космические условия. Те странные цилиндрические сооружения и отходящие от них трубы, которые взмывали вверх и оттуда устремлялись вниз, чтобы вшиться в расположенные внизу кубические конструкции, оказались вакуумными установками. 7 апреля 1989 г. были проведены первые испытания, во время которых была получена фотография луча. Наши гиды с увлечением рассказывали о планирующейся большой серии испытаний. Не знаю, сколько испытаний было проведено впоследствии. Известно лишь, что концепция СОИ в скором времени начала подвергаться существенным изменениям и в результате идея использования лазеров для поражения МБР отпала. А потом была заморожена и вся программа СОИ, во всяком случае, в том первоначальном виде, в каком она замышлялась.

Следующий день был воскресным, и наши гостеприимные хозяева доставили нам большое удовольствие, организовав экскурсию в Голливуд – на киностудию «Юниверсал пикчерс». Здесь мексиканская деревушка соседствует с нью-йоркским кварталом конца 1920-х гг., пруд, где снимался фильм «Челюсти» и где остались макеты и акулы, и кораблей, которых она пожирала, с домиком на холме, где происходили зловещие убийства в знаменитом фильме Альфреда Хичкока «Психо». Гвоздем экскурсии стало посещение павильона, в котором имитировалась подземная станция метро и все то, что там может произойти во время землетрясения (или ядерного удара?). Вдруг раскололся потолок, стали падать опоры, хлынула вода, засверкали молнии коротких замыканий, все погрузилось в *крошечную тьму*. Этот впечатляющий аттракцион стал как бы иллюстрацией земных последствий «звездных войн», подготовку к которым мы видели накануне.

Для посещения Лос-Аламосской национальной лаборатории нам нужно было перебраться немного на восток – в штат Нью-Мексико. И вот мы в городе Санта-Фе. Первое впечатление было такое, что мы все еще находимся в Голливуде – среди декораций, имитирующих испанское поселение прошлого века

на американском юго-западе. Но все было настоящее. И отель «Эльдорадо», в котором мы разместились, хотя и был стилизован под испанскую старину, обладал современным комфортом. Настоящими, а не ряжеными были и индейцы, расположившиеся по периметру центральной площади со своими традиционными изделиями – серебряными цепочками, *тотемами* для отпугивания злых духов, кожаными поясами и т.д. Невозмутимо покуривая свои длинные трубки, они при обращении к ним односторонне называли цену того или иного изделия, не расхваливая его и не сбавляя цену. Назвал цену – и все тут, а ты поступай как знаешь. Их мирный вид и наличие томагавков только среди выставленных на продажу изделий свидетельствовали о том, что конфликт между краснокожими аборигенами и бледнолицыми пришельцами если не исчерпал себя, то по крайней мере приобрел иные формы. Привыкнув к *стандартизованности* американских городов и городков, я не ожидал увидеть столь необычное для США, очаровательное – пусть и стилизованное – местечко.

Посещение Санта-Фе и Лос-Аламосской лаборатории для меня представляло особый интерес, связанный не столько с СОИ, сколько с историей создания первой атомной бомбы, с началом ядерной эпохи. Как известно, эта лаборатория под руководством Роберта Оппенгеймера была основным центром «проекта Манхэттен».

В Санта-Фе, в небольшой аптеке, принадлежавшей советскому агенту, происходили секретные встречи работавших на советскую разведку сотрудников Лос-Аламосской лаборатории. Именно через этот городок утекали бесценные секреты, ускорившие создание первой советской атомной бомбы. В то время я знал об этом только из западной печати. Впоследствии, читая мемуары некоторых наших бывших разведчиков, имевших отношение к «атомному проекту», я накладывал приводившиеся ими детали на колоритные улочки городка. Картинка получалась очень реалистичная.

В небольшом музее, созданном при Лос-Аламосской лаборатории, хранятся любопытнейшие экспонаты, относящиеся к 1943–1945 гг., когда осуществлялся этот проект. Имеются там и дубликаты корпусов двух первых атомных бомб – «Малыша» и «Толстяка», – уничтоживших Хиросиму и Нагасаки. Я не знаю,

существует ли у нас подобный музей. Может быть, в бывшем Арзамасе-16 (Саров) – нашем аналоге Лос-Аламоса? Ведь создание ядерного оружия – это часть нашей истории, причем немаловажная.

Лос-Аламосская национальная лаборатория – одна из крупнейших в США. Ее главная специализация – применение научных достижений к практическим проблемам национальной безопасности США. Здесь разрабатывались ядерные боеголовки – W85 для ракеты «Першинг-II», W80 для крылатой ракеты морского базирования «Томагавк», W88 для БРПЛ «Трайидент». В 1989 г. 80 процентов бюджета лаборатории расходовались на военные исследования. Мирные исследования велись в области альтернативных источников энергии.

Роль Лос-Аламосской лаборатории в программе СОИ состояла в экспериментальной отработке пучкового ускорителя нейтральных частиц – еще одного средства против межконтинентальных баллистических ракет. В соответствии с программой СОИ такие ускорители, размещенные в верхних слоях атмосферы или в космосе, а впоследствии, может быть, и на земной поверхности, должны были распознавать боеголовки и ложные цели и при увеличении мощности ускорителя поражать боеголовки. Проект назывался «пучковым экспериментом на борту ракеты», сокращенно – BEAM («Beam Experiment Aboard a Rocket»).

Делегация наша состояла из весьма именитых представителей советского военно-промышленного комплекса – академиков, генералов, лауреатов, директоров и т.д. Список замыкал В.А. Тепляков. Против его фамилии не значилось каких-либо высоких титулов, а лишь указывалось, что он специалист в области ускорительной техники и работает в Институте физики высоких энергий. Когда наша делегация по прибытии в Лос-Аламос знакомилась с руководством лаборатории, В.А. Тепляков подошел представляться, как обычно, последним – в соответствии с местом, отведенным ему в советской научно-технической иерархии того времени, ну и, наверное, личной скромностью. Его имя вызвало со стороны американских ученых реакцию, которая заметно превосходила обычную протокольную вежливость и даже простой человеческий интерес. Теми репликами, которые доносились до меня, и всей манерой поведения они демонстрировали

глубокое уважение и даже, я бы сказал, почтительность по отношению к Владимиру Александровичу. Маститые американские ученые вдруг превратились в учеников, воздающих должное своему Учителю.

Затем мы расселись, чтобы выслушать, что такое Лос-Аламосская лаборатория и проект ВЕАМ, т.е. пройти обычный брифинг. Свое выступление руководитель проекта начал с торжественного приветствия в адрес В.А. Теплякова. Оказалось, что в основе пучкового ускорителя, разрабатывавшегося в лаборатории, лежит открытие, сделанное в свое время в ходе фундаментальных научных исследований Владимиром Александровичем вместе с другим советским ученым – Капчинским⁵ (если я правильно записал на слух его фамилию). В то время не думали о возможности использования пучкового ускорителя в военных целях. А потому о достижении двух ученых было сообщено на страницах советской научной печати. Впрочем, как кажется, проект ВЕАМ постигла та же судьба, что и проект «Альфа», – вместе со всей программой СОИ он был остановлен.

Поездка наша не оказала сколько-нибудь заметного влияния на работу группы по ПРО и космосу. И хотя некоторые наши представители в этой группе, продолжая лоббистскую работу в пользу тех конструкторских бюро (КБ), которые были связаны с ПРО, пытались как-то оживить это направление, тупик был слишком глухим, чтобы из него выбраться.

Говоря о том, как развивался наш диалог с США по проблеме ПРО, нельзя обойти вниманием инцидент с Красноярской радиолокационной станцией (РЛС). Для администрации Рейгана, мечтавшей избавиться от Договора по ПРО, манной небесной стало обнаружение в центральной Сибири, в районе Красноярска, строительства гигантской РЛС с фазированной решеткой.

Впервые вопрос о строительстве Красноярской РЛС был поднят американской стороной в июле 1983 г. Суть американских претензий сводилась к тому, что эта РЛС представляла собой станцию раннего предупреждения о ракетном нападении, на которую распространяются ограничения по Договору по ПРО в отношении местоположения и ориентации (согласно договору

---

⁵ Илья Михайлович Капчинский (1919–1993) – советский физик, специалист в области физики ускорителей. – *Прим. ред.*

такие РАС могут находиться лишь на периферии национальной территории страны и ориентированы во вне ее). Помимо этого, Красноярской РАС приписывались функции управления боевыми действиями «в системе ПРО всей территории СССР».

Объявив Красноярскую РАС «материальным нарушением» Договора по ПРО, США выдвинули требование о ее демонтаже, уничтожении зданий приемного и передающего устройств, а также об уничтожении фундаментов этих зданий таким образом, чтобы это поддавалось национальным техническим средствам контроля. Президент Р. Рейган в своем послании на имя М.С. Горбачева 12 августа 1988 г. заявил, что Красноярская РАС будет оставаться серьезным препятствием для продвижения в области контроля над вооружениями до тех пор, пока она не будет демонтирована. Конечно, американская сторона использовала ситуацию и для нанесения удара по Договору по ПРО, заявив, что сохранение Красноярской РАС ставит под сомнение жизнеспособность Договора по ПРО.

В свое время по периметру СССР были построены восемь РАС, которые обеспечивали противоракетное предупреждение на всех направлениях, кроме северо-восточного. Эту дыру можно было бы закрыть без нарушения Договора по ПРО, построив РАС, скажем, в районе Норильска. Очевидно, ее строительство и эксплуатация в *суровейших* условиях Крайнего Севера, были бы крайне дорогостоящим и обременительным предприятием. С этой точки зрения можно, конечно, понять, почему предпочтение было отдано Красноярску, когда в 1979 г. принималось решение о строительстве РАС. Неясно другое – почему пошли на заведомое и очевидное нарушение Договора по ПРО? Ведь нельзя же было рассчитывать на то, что это циклопическое сооружение, занимавшее площадь размером в два футбольных поля и возвышавшееся более чем на сто метров, останется незамеченным американскими разведывательными спутниками.

В ходе свары, которая продолжалась более шести лет, советская сторона защищалась двумя аргументами: во-первых, утверждалось, что Красноярская РАС предназначена не для предупреждения о ракетном нападении, а для слежения за своими спутниками; во-вторых, выдвигались контробвинения в адрес США в связи с сооружением ими РАС в Гренландии и Великобритании.

Действительно, Договор по ПРО не запрещает слежения за космическими объектами, его цель – предотвращение создания ПРО территории страны. Но если наблюдение за спутниками было единственной задачей Красноярской РЛС, тогда, очевидно, следовало бы предоставить США возможность убедиться в этом. Этот довод использовался нами: «Дайте нам достроить станцию, – говорили мы американцам, – мы вас пустим туда, и вы увидите, что мы не врем». Почему-то, однако, настойчивости с советской стороны проявлено не было (очевидно, потому что врали, а о допуске наблюдателей говорили лишь для *спасения лица*).

Что касается выдвижения контробвинений, то оно имело бы смысл, если бы было реальным улаживанием и того и другого нарушения в «увязке», что возможно лишь при взаимной заинтересованности сторон в решении спорного вопроса. Американская же сторона уже была заинтересована в то время в разрушении договора. Чем громче были взаимные обвинения в нарушении Договора по ПРО, тем хуже было для договора.

И вот наконец в Вайоминге в сентябре 1989 г., а точнее, в послании М.С. Горбачева президенту Дж. Бушу-старшему в связи со встречей министров в Вайоминге советская сторона заявила о готовности полностью ликвидировать Красноярскую РЛС. Выступая в Верховном Совете СССР 10 октября 1989 г., министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе дал такое объяснение этому решению: «Четыре года мы разбирались с этой станцией. Не сразу руководству страны стала известна вся истина. В конце концов убедились: да, эту станцию построили не там, где это можно было бы сделать».

В этой истории бездарно все – и само решение о строительстве РЛС в нарушение Договора по ПРО, и согласие на ее ликвидацию, которое иначе как безоговорочной капитуляцией не назовешь, а скандальное ее объяснение попросту нелепо.

Г.М. Корниенко, который в течение многих лет был заместителем, а потом и первым заместителем министра иностранных дел СССР, свидетельствует о том, что еще в сентябре 1985 г. он лично докладывал Э.А. Шеварднадзе истинную историю с Красноярской РЛС. Истина же заключалась в том, что руководство страны приняло решение о строительстве РЛС под Красноярском (а не в районе Норильска) по соображениям экономии,

проигнорировав мнение Генштаба, что это даст США формальные основания обвинять СССР в нарушении Договора по ПРО. «Другими словами, никто не вводил в заблуждение ни старое, ни новое руководство страны. Так что байка насчет четырехлетнего разбирательства в истинной истории Красноярской РАС остается на совести Шеварднадзе», – заключает Г.М. Корниенко⁶.

Итак, несколько сот миллионов рублей (не нынешних, а тех, доинфляционных!) на строительство плюс несколько десятков миллионов рублей на демонтаж – такова цена этой не поддающейся рациональному объяснению истории. Можно предположить – в попытке найти хоть какое-то объяснение, что настояли на строительстве РАС в районе Красноярска те, кто был заинтересован в ассигнованиях на развитие ПРО («нашей советской СОИ») и соответственно в срыве Договора по ПРО. Строительство Красноярской РАС отвечало этим целям. Впрочем, не слишком ли это хитроумное объяснение? Может быть, просто понадеялись на «авось пронесет»? Не пронесло.

Но почему же, согласившись устранить наше нарушение Договора, забыли о своих претензиях в адрес США? Нельзя ли было, прижав американцев с их двумя РАС, построенными за пределами территории США, найти какое-нибудь компромиссное решение в отношении Красноярской станции, чтобы не нести колоссальных расходов? К сожалению, такая возможность использована не была.

---

⁶ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Олма-пресс, 2001. С. 382.

Американские сенаторы и наши парламентарии

Со стороны Соединенных Штатов широко практиковались периодические посещения переговоров по разоружению сенаторами – как демократами, так и республиканцами. Естественно, американские законодатели, которым предстояло ратифицировать тот или иной международный договор, внимательно следили за ходом переговоров и хотели получать информацию о них из первых рук, в том числе и от противоположной стороны.

Сенаторы приезжали обычно либо группами, либо поодиночке, общались с руководством обеих делегаций и отдельно, и в ходе совместных встреч. Как правило, они обладали весьма основательными знаниями о предмете переговоров. На меня особенно сильное впечатление произвели беседы с Ричардом Лугаром, Эдвардом Кеннеди, Альбертом Гором. Широкий политический подход сочетался у них с глубоким знанием технических и военных деталей.

Своеобразно прошла у меня встреча с А. Гором. Еще до его приезда американцы, готовившие программу пребывания Гора в Женеве, спросили меня, согласен ли я сыграть с ним в теннис. Он, как и я, оказался большим любителем этого вида спорта. Я с удовольствием согласился. Гор оговорил условие: мы будем играть без свидетелей, чтобы в случае его поражения не пострадал его престиж.

Матч состоялся в теннисном клубе, членом которого я состоял. Гор играл хорошо, хотя лишний вес сказывался на его подвижности. Поиграв часа полтора, мы перешли в бар. И здесь состоялась беседа, в ходе которой сенатор пытался нащупать пути к сближению позиций США и СССР по вопросам обороны и космоса. Практических последствий для переговоров эта беседа не имела, подходы и интересы сторон были прямо противоположны. Но беседа была интересна тем, что Гор проявил боль-

шую изобретательность в поисках снятия юридических препятствий для продолжения работ в области противоракетной обороны (ведь в то время действовал Договор по ПРО). Моя же задача заключалась в том, чтобы в условиях чисто неформальной встречи, а следовательно, исключительно откровенно объяснить безнадежность ожидать изменения советской позиции в этом вопросе. По всей видимости, предлагая *игру без свидетелей*, Гор имел в виду прежде всего *разговор без свидетелей*.

Расставаясь, Гор пригласил меня на ответный матч в Вашингтоне. Но я этим приглашением так и не воспользовался, тем более что вскоре сенатор стал еще более занятым человеком – вице-президентом США.

У нас до 1990 г. практики приглашения на переговоры парламентариев не было по вполне понятной причине: что бы там ни было записано в Конституции, ратификация международных соглашений зависела не от Верховного Совета, а от Политбюро. Но после съезда народных депутатов в 1989 г., а уж тем более после отмены статьи 6 Конституции СССР о «руководящей роли» Компартии положение сильно изменилось. Стало ясно, что ратификация – это дело парламента, а следовательно, парламентарии должны заранее знать о том, что им предстоит ратифицировать. В 1990 г. в Женеву с этой целью приезжали депутаты Верховного Совета СССР В.Н. Очиров (участник афганской войны, Герой Советского Союза) и В.Г. Афанасьев (бывший главный редактор «Правды») в сопровождении весьма квалифицированных экспертов (один из них, С.М. Рогов, стал впоследствии директором Института США и Канады, членом-корреспондентом Академии наук России). Внимательно следил за переговорами А.С. Дзасохов, неоднократно встречавшийся с членами нашей делегации в Москве.

Надо сказать, наши депутаты довольно быстро ухватили суть основных вопросов, рассматривавшихся на переговорах в Женеве. Разумеется, им хорошо помогли и их эксперты. Помимо встреч с нашей делегацией, депутаты встречались и с американцами. Посетили несколько рабочих заседаний на переговорах.

К сожалению, впоследствии, когда в 1992 г. велись переговоры о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-II), все делалось в такой спешке, что,

видимо, было не до собственных депутатов. Главное было поладить с американцами, чтобы получить их поддержку ельцинскому режиму. В результате возникли серьезные проблемы при ратификации, и договор так и не вступил в силу. И очень хорошо. По сути своей это был *похабный* договор. Я в переговорах по СНВ-II не участвовал, боюсь поэтому выглядеть злопыхателем. Да, впрочем, и не об этом договоре сейчас речь.

Внутренняя дипломатия

Понятно, что каждая делегация, отправляясь на международные переговоры, получает соответствующие инструкции от своего правительства. Но если переговоры с иностранными партнерами – это надводная часть айсберга, то подготовка инструкций – это его подводная часть, которая по объему работы обычно значительно превосходит переговорную часть. Чтобы разработать позицию и подготовить соответствующие инструкции, требуется предварительно найти равнодействующую позиций, интересов, мнений и т.д. руководителей отдельных министерств и ведомств. Причем порой это бывает (вернее, было в то время, о котором я веду рассказ) необыкновенно сложно.

Происходил этот процесс при помощи механизма, который на чиновничьем жаргоне назывался «пятерочным».

Начало созданию такого механизма было положено в 1969 г. в ходе подготовки к переговорам с американцами об ограничении стратегических вооружений, когда была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по наблюдению за переговорами, связанными с ограничением стратегических вооружений в Хельсинки. В нее вошли секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Д.Ф. Устинов (в качестве председателя Комиссии), министр обороны А.А. Гречко, министр иностранных дел А.А. Громыко, председатель КГБ Ю.В. Андропов, заместитель премьер-министра и председатель Военно-промышленной комиссии при Президиуме Совета Министров Л.В. Смирнов и президент Академии наук М.С. Келдыш. М.С. Келдыш вошел в комиссию не по должности, а в личном качестве, через два года он отошел от деятельности Комиссии, и в результате в Комиссии остались главы пяти ведомств. Она стала называться «Большой пятеркой».

Для предварительной проработки вопросов, выносимых на «Большую пятерку», в 1974 г. была создана так называемая «Малая пятерка», которая возглавлялась первым заместителем начальника Генерального штаба и состояла из экспертов на уровне

заместителей глав пяти ведомств. Естественно, каждый из них привлекал в помощь экспертов из своего соответствующего ведомства. Были попытки создать межведомственный секретариат. Дело каждый раз заканчивалось тем, что выделялись по две-три дополнительные штатные единицы для МИДа, Минобороны и КГБ, которые растворялись бесследно в общих штатных структурах. Схематично весь процесс происходил следующим образом (во всяком случае, это было так в 1986–1991 гг., когда я принимал в нем участие).

К заседанию «рабочей пятерки» обычно готовился какой-то материал – проект директив и указаний для делегации, справки и т.д. Подготовкой этого первичного сырья обычно занимались эксперты из Договорно-правового управления (ДПУ) Генштаба и Управления по разоружению МИДа. Если переговоры уже велись, то, естественно, использовались при этом предложения, присланные делегацией. Этот материал служил основой для обсуждения на «рабочей пятерке» с участием экспертов из других ведомств и затем на «Малой пятерке». Она утверждала указания по техническим вопросам. Проект директив, требовавших политических решений (Политбюро, а после отмены шестой статьи Конституции о руководящей роли Компартии – Президента СССР), направлялся на «Большую пятерку», которая и представляла их на утверждение после решения спорных вопросов.

С 1986 г. «Большую пятерку» возглавлял Л.Н. Зайков, ставший секретарем ЦК по оборонным вопросам (в 1990 г. эта комиссия стала официально называться Комиссией по переговорам по сокращению вооружений и безопасности Совета обороны при Президенте СССР). Его опорой была созданная в оборонном отделе ЦК специальная группа по вопросам сокращения вооружений во главе с В.Л. Катаевым.

При Зайкове в работу межведомственного механизма стали вовлекаться (во всяком случае, до отмены шестой статьи Конституции о руководящей роли Компартии) и представители международного отдела ЦК. Хотя, должен заметить, что международный отдел, занимавшийся партийными связями, в общем был в стороне от сферы межгосударственных отношений¹. Впрочем,

---

¹ В подтверждение этого могу сослаться на мнение К.Н. Брутенца, который был в свое время первым заместителем заведующего международным отделом.

международному отделу довелось сказать свое слово в вопросах разоружения по крайней мере дважды. Первый раз в 1970-е гг., когда благодаря мощной кампании, развернутой в Западной Европе, удалось предотвратить размещение там американского нейтронного оружия. А второй раз в начале 1980-х гг., когда аналогичная кампания была начата против развертывания в Западной Европе американских ракет «Першинг-II». В результате переоценки возможных результатов этой кампании (видимо, под влиянием эйфории от успеха антинейтронной кампании) советское руководство заняло жесткую позицию на переговорах с США по ракетам средней и малой дальности; переговоры были прерваны, и американские ракеты оказались в Западной Европе.

Но вернемся к межведомственному механизму. Постепенно функции Комиссии расширялись. Завязывались переговоры по сокращению обычных вооружений в Европе, по запрещению химического оружия. Комиссия готовила инструкции для советских делегаций и на этих переговорах. В ходе работы Комиссии неизбежно возникали вопросы, связанные с развитием соответствующих родов войск и производством вооружений для них. На ее заседания и на заседания «Малой пятерки» стали приглашаться руководители и эксперты от родов войск и оборонных министерств – Министерства общего машиностроения (МОМ), Министерства среднего машиностроения (Минсредмаш), Министерства оборонной промышленности (МОП), Министерства авиационной промышленности. Так отлаживался механизм для взвешенного всестороннего рассмотрения вопросов, связанных с безопасностью государства.

«Рабочие пятерки» проходились в Генштабе под председательством первого заместителя начальника Генштаба. Сначала это был С.Ф. Ахромеев, потом после его назначения начальником Генштаба, В.И. Варенников, В.Н. Лобов и, наконец, Б.А. Омеличев. Мне в основном пришлось работать с тремя последними.

«Международный отдел, – пишет он в своих воспоминаниях, – в целом не играл серьезной роли в собственно внешней политике, в отличие, скажем, от отдела по связям с братскими, то есть правящими, партиями социалистических стран». (Цит. по: *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998. С. 164.)

МИД был обычно представлен заместителем министра, ведавшим разоруженческими делами (В.П. Карпов) или отношениями с США (А.А. Бессмертных), а также руководителем той делегации, чьи вопросы рассматривались на данном заседании.

Заседания, как правило, проходили бурно, порой драматично.

Конечно, самые сложные проблемы возникали из-за разногласий в высшем политическом руководстве государства. Нужен договор по СНВ или не нужен? Я стал ощущать оппозицию Горбачеву по этому вопросу уже в конце 1989 г. и стал личным свидетелем этой оппозиции в 1990 г. За этой оппозицией просматривался и более широкий вызов политике Горбачева – не только во внешней, но и во внутренней политике.

Но были и чисто ведомственные разногласия. На арене сокращения вооружений было три основных игрока – МИД, Минобороны и военная промышленность – Министерство оборонной промышленности, Министерство среднего машиностроения (производство ядерных боезарядов), Министерство общего машиностроения (производство ракет), Министерство авиационной промышленности и другие ведомства. Между ними возникали свои собственные противоречия.

Задача МИДа во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. заключалась в обеспечении внешнеполитических условий для проведения внутренних преобразований, что предполагало развитие нормальных отношений с другими государствами и создание условий для высвобождения материальных средств для таких преобразований. Заключение соглашений об ограничении вооружений соответствовало этим целям.

Министерство обороны и Генеральный штаб должны были продолжать обеспечивать военную безопасность государства. Поэтому военное руководство занимало жесткую позицию, добиваясь того, чтобы наши вооружения подвергались минимальным сокращениям. Странно было бы, если бы они занимали иную позицию. Но тем не менее, когда политическое руководство ставило задачу достижения договоренностей, решения находились в большой мере за счет умения военных изыскивать резервы для необходимой гибкости.

Каждое министерство, связанное с производством вооружений и военной техники, обязано было обеспечивать производство соответствующих изделий, необходимых для обороны страны.

В случае же сокращения заказов перед ними возникала проблема сохранения производственного потенциала. И если производственные мощности можно было бы какое-то время поддерживать за счет конверсии, то гораздо сложнее было предотвратить отток рабочей силы. Ведь сокращение оборонных заказов означало и сокращение премиальных фондов, обеспечивавших привлечение в «оборонку» высококвалифицированных кадров.

Эти три различных ведомственных подхода были объективной реальностью. Их необходимо было совмещать, находить равнодействующую, чтобы и укреплять внешнеполитические позиции государства, и высвободить материальные ресурсы для мирных отраслей, и обеспечивать безопасность страны, и не разрушать военно-промышленный потенциал. Выработка такой равнодействующей происходила при помощи механизма межведомственного согласования, о котором я уже говорил. Но до этого, хочу заметить, не все было так просто и внутри каждого из трех векторов-факторов, упомянутых выше.

В МИДе сложности возникали в основном на личностной основе. Первоначально, с начала процесса переговоров по разоружению, конкуренция возникла между Отделом международных организаций и Отделом США и Канады (ОСПА). ОМО занимался вопросами нераспространения ядерного оружия и другими проблемами, обсуждавшимися в ООН и в Комитете восемнадцати государств по разоружению. Впоследствии было создано Управление по ограничению вооружений и разоружению, а потом и Отдел по мирному использованию ядерной энергии и космоса². Все эти четыре подразделения были так или иначе связаны с процессом переговоров по военно-политическим вопросам. Вопросы их полномочий как-то регламентировались, но тем не менее пересекались. Проработав в трех из этих подразделений (ОМО, ОЯЭК и УПОВР), я очень остро чувствовал эту конкуренцию. Беды, по-моему, в этом не было. Наоборот, возникал плюрализм мнений и подходов. Думаю, что в отношении с другими ведомствами они не проявлялись. Этому в значительной степени способствовало назначение заместителем министра заведующего УПОВРОм В.П. Карпова (в 1986 г.), который стал

---

² В российском МИДе эти четыре подразделения превратились в департаменты, и названия их изменились. Но это уже другая история.

представлять МИД на межведомственных совещаниях «Малой пятерки». Благодаря своей высокой компетентности и прочному авторитету в военно-политических вопросах он успешно справлялся с этой задачей.

В Министерстве обороны личные разногласия, наверное, тоже имелись, но главные проблемы (в связи с переговорами по стратегическим вооружениям) возникали между родами войск. Вообще-то говоря, в Генштабе существовало управление, основной функцией которого было участие в разработке позиций по вопросам ограничения и сокращения вооружений, – Договорно-правовое управление. В нем работали прекрасные специалисты – ракетчики, летчики, моряки, приобретавшие со временем опыт участия в международных переговорах. Но в межведомственных совещаниях обычно участвовали и представители родов войск, которых затрагивали возможные ограничения или сокращения. И порой было заметно их стремление *перетянуть одеяло на себя*. Каждый участник «стратегической триады» (ракетчики, подводники и летчики) стремился обеспечить для себя минимум неудобств в виде различных ограничений.

То же самое происходило и в оборонной промышленности – между конкурирующими министерствами и КБ. Особо острые конфликты возникали между Министерством общего машиностроения и Министерством оборонной промышленности, поскольку предприятия обоих министерств производили различные типы баллистических ракет стратегического назначения. Из споров между представителями оборонных министерств было видно, насколько нерационально и неэкономно создавались наши стратегические системы. Достаточно сказать, что на момент подписания договора по СНВ США имели на вооружении по три типа МБР и БРПЛ. У нас же было семь типов межконтинентальных баллистических ракет и шесть типов баллистических ракет на подводных лодках.

Обычно между конкурирующими фирмами устраивались конкурсы на лучшее *изделие*. Но при Л.И. Брежнев, как об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях Сергей Хрущев³, занимавший руководящее положение в одной из ракетных

---

³ См.: Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы. Книга об отце. Время, 2003. 672 с.; Хрущев С.Н. Трилогия об отце: В 3 т. Время, 2010. – Прим. ред.

фирм, часто в производство запускался не только победитель конкурса, но и его соперник. Можно предположить, что делалось это ради поддержания занятости всех фирм, работавших на оборону. Во всяком случае, средства выбрасывались колоссальные. Но сказывалось ли это адекватно на укреплении обороноспособности?

Такое же объяснение можно дать и другому столь же иррациональному и дорогостоящему явлению. Дело в том, что в Советском Союзе количество ядерных ракет, приходившихся на одну пусковую установку, во много раз превышало действительную потребность. Теоретически каждая пусковая установка – и шахтная и мобильная – может произвести несколько пусков. Однако для подготовки каждого следующего пуска требуется не менее двенадцати часов для ППУ и не менее четырех часов для мобильной. Значительно больше требуется времени для перезарядки пусковой установки на подлодках, что возможно лишь в условиях специально оборудованного дока. Трудно представить себе сценарий затяжной ядерной войны. Ну сколько ракет успеет выпустить даже самая «скорострельная» – мобильная ПУ? А даже для пусковой установки на подлодках ракеты выпускались, по выражению Н.С. Хрущева, «как сосиски». И делалось это, чтобы не останавливалось производство, хотя военной необходимости для этого не было.

Вспоминается такой случай, всплывший на одном из заседаний «пятерки».

Готовилась новая стратегическая ракета. Основным ее изготовителем должен был стать завод, входивший в систему МОП. Однако *на кусок пирога* претендовало и МОМ, которое хотело, чтобы один из его заводов занялся изготовлением одной ступени этой ракеты. В этом случае эта ступень переправлялась бы в другой город – за две тысячи километров, где она и две другие ступени, производившиеся на том предприятии, собирались бы в ракету. И специалистам и неспециалистам было ясно, что гораздо проще и дешевле производить всю ракету в одном месте, где для этого имелись все необходимые условия. Но представители Министерства общего машиностроения возражали: «Если мы не получим этот заказ, чем мы будем платить зарплату своим рабочим?».

С точки зрения осуществления готовившегося в то время договора по СНВ не имело значения, как организовано производст-

во той ракеты – на одном предприятии или на двух. Этот вопрос возник в связи с тем, чтобы в договоре был учтен либо тот, либо другой вариант для определения того, как контролировалось бы производство ракеты. Однако тяжба эта показала сложность тех проблем, которые парализовали нашу промышленность, в том числе оборонную.

В ходе возникавших на «пятерках» спорах часто обнажалось извечное противоречие между Министерством обороны и Министерством оборонной промышленности: кто главный – заказчик или производитель?

– Мы лучше знаем, что нам нужно для обеспечения обороноспособности страны – таково кредо военных.

А промышленность отвечает:

– Мы лучше знаем, что можем вам дать из того, что вам нужно.

Думаю, что этот вопрос должен решаться ни теми и ни другими. Это, конечно, прерогатива высшей государственной власти, которая обеспечивает обороноспособность государства с учетом многих факторов: и технических, и экономических, и социальных, и внешнеполитических.

Официальной целью в стратегической сфере было обеспечение паритета с США. Причем первоначально паритет понимался в буквальном смысле, без учета ядерного фактора, как арифметическое равенство. Средства на военные цели отпускались щедрой рукой, за счет удовлетворения потребностей населения. «Мы за цену не постоим» – эти слова из советской песни того периода точно отражали существовавший в период холодной войны подход к проблемам обороны.

В результате оборонная промышленность стала особым, привилегированным миром. Более высокие, чем в других отраслях, оклады, премии, социально-бытовые преимущества, наконец, престижность – все это привлекало в нее лучшие научно-технические кадры, создавало советскую техническую аристократию. «Работать в ящике», т.е. на предприятии, имеющем вместо названия номер почтового ящика, значило принадлежать к элитарному слою советского общества, уступавшему разве что партийной элите.

В 1990-е гг., когда Россия приступила к радикальному – и непродуманному – реформированию своей экономики, оборон-

ные отрасли пострадали больше всего, а работавшие там люди тяжелее всего ощутили на себе удары судьбы – и материально и морально. Разорение многих оборонных предприятий крайне отрицательно сказалось и в целом на российской промышленности, так как на них были сосредоточены высокие технологии двойного применения. Кроме того, в отдельных *ширпотребных* цехах военных предприятий выпускались товары мирного назначения – телевизоры, радиоприемники, холодильники и т.д., которые по качеству были на порядок выше своих собратьев, производимых на обычных, *нenoмерных* предприятиях.

Понятно, что сокращение военного производства затронуло интересы миллионов людей сверху донизу. Поэтому наибольшие трудности в ходе переговоров возникали со стороны оборонной промышленности. Военные же, видимо после того, как были приняты решения об изменении структуры стратегических сил с учетом предстоящих сокращений, стали вести себя в целом более кооперативно.

Накал страстей на межведомственных совещаниях бывал настолько высок, что они порой превращались в ожесточенные перепалки, доходившие иной раз и до угроз. Обвинения в «предательстве интересов Родины» не были редкостью на таких мероприятиях. Люди попроще, разгорячившись, бросали в лицо оппоненту и такие увесистые *аргументы*, что, мол, в добрые старые времена за такие взгляды ставили к стенке и правильно делали. К концу совещания, однако, выкричавшись и охрипнув, его участники все-таки осознавали, что нужно договариваться. В таких случаях обычно создавалась «узкая рабочая группа», которая должна была подготовить проект указаний или иного какого документа «с учетом обмена мнениями». Дальше очень многое зависело от умения участников группы находить взаимоприемлемые формулировки. Действительно же принципиальные разногласия выносились на более высокий уровень.

Должен, однако, отметить, что и среди военных, и среди представителей оборонной промышленности было достаточно много здравых, уравновешенных, *по-государственному* мыслящих людей, которые в конечном счете выводили на действительно сбалансированные решения. Такую роль играл, например, генерал армии В.И. Варенников, который в качестве первого заместителя

теля начальника Генштаба руководил «Малой пятеркой» в конце 1980-х гг. Всегда с глубоко взвешенных и продуманных позиций выступал представитель Военно-промышленной комиссии Совмина СССР Н.Н. Дитинов. Очень конструктивную роль играл представитель оборонного отдела Секретариата ЦК КПСС В.Л. Катаев, до работы в ЦК много лет проработавший на крупнейшем заводе – производителе ракет. В оборонном отделе работали, как правило, квалифицированные технократы, переведенные в свое время в Секретариат ЦК из оборонной промышленности и хорошо знавшие обсуждаемые вопросы. В тот период представители Секретариата ЦК, особенно оборонного отдела, помогали находить оптимальные решения.

До того как министр иностранных дел, министр обороны и председатель КГБ стали членами Политбюро, бывали случаи, хотя и не частые, когда вносимые документы возвращались на доработку или корректировались членами Политбюро. После того как эти три руководителя вошли в Политбюро, таких случаев я не упомню. Когда эта тройца договаривалась между собой, обговорив решение вопроса с генсеком (обычно в неофициальном порядке, скажем, на охоте), ни у кого из членов Политбюро не возникало желания идти против. Правда, на моей памяти был один случай, когда на решение Политбюро были вынесены два мнения – МИДа и Минобороны. Чтобы под запиской смогли появиться пять подписей, она проходила несколько этапов согласования.

С 1986 г., когда переговоры по сокращению вооружений активизировались, «пятерка» стала по-настоящему эффективным механизмом, способным всесторонне и глубоко прорабатывать подготавливавшиеся решения. Благодаря этому механизму в Политбюро вносились документы, пропущенные через несколько сит межведомственного согласования.

Впоследствии, когда после распада Советского Союза механизм выработки общегосударственной политики был разрушен и российское государство превратилось в конгломерат «суверенных» не только регионов, но и министерств, старые аппаратчики, просидевшие многие сотни и тысячи часов в сигаретном чаду на межведомственных совещаниях, с ностальгией вспоминали, что, несмотря на все шероховатости, дело все-таки делалось – для государственного корабля прокладывался единый

курс, и штурвал направлял его в осознанном, обычно оптимальном направлении.

С появлением Совета Безопасности Российской Федерации возникла основа для воссоздания механизма координированного решения военно-политических вопросов. Однако реализована эта возможность, по крайней мере в 1992–1995 гг., когда я работал в аппарате Совета, не была. Одно время роль координатора пытался взять на себя МИД. Формально такие функции ему предоставлялись президентом. Но думаю, что МИД не может быть в военно-политических вопросах координатором по определению: функции Министерства иностранных дел связаны с отношениями с внешним миром, в то время как решение военно-политических вопросов зависит в первую очередь от внутренних экономических и технологических возможностей.

Как было показано выше, межведомственный механизм для решения военно-политических вопросов возник и развился в связи и благодаря переговорам по сокращению вооружений. Сами переговоры и этот механизм вовлекали в процесс подготовки решений все более широкий круг специалистов из различных звеньев государственного аппарата, в том числе невоенных. Более того, к процессу стали привлекаться ученые, причем не только из технических, но и гуманитарных сфер. В ряде институтов⁴ возникли центры, специализировавшиеся на военно-технических проблемах и вопросах сокращения вооружений. Благодаря переговорам по сокращению вооружений, прежде всего ядерных, постепенно стали публиковаться сведения, которые давали какое-то представление о Вооруженных силах Советского Союза (в США аналогичные данные об американских вооруженных силах, но в значительно большем объеме, публиковались независимо от переговоров).

Конечно, секретность во многих вопросах, связанных с безопасностью государства, – вещь неизбежная и необходимая, но порой она доходила до нелепостей. Так, к подписанному в 1979 г. Договору ОСВ-II был приложен меморандум, в котором были названы количества различных видов стратегических вооруже-

---

⁴ Например, Институт США и Канады Академии наук (ИСК АН), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Московский инженерно-физический институт (МИФИ) и т.д.

ний каждой из сторон. Наши данные, которые составляли государственную и военную тайну, были переданы американцам по специальному решению Политбюро (аналогичные данные о своих стратегических вооружениях американцы передали нам). Договор со всеми приложениями, включая меморандум, был опубликован в США. В СССР был опубликован текст договора, а меморандум оставался секретным. Когда на Генеральной Ассамблее ООН возник вопрос об издании договора со всеми приложениями в качестве документа ООН, было запрошено на это согласие СССР и США. У США, естественно, никаких возражений не возникло, а Москва разрешила опубликовать лишь текст договора, без меморандума. В результате на английском языке были опубликованы все документы, а на русском – только текст договора. По правилам ООН все английские тексты были переведены на все официальные языки ООН, включая русский. Таким образом, «секретный» (с точки зрения советской бюрократии) меморандум все-таки появился и на русском языке, но как перевод с английского, а не в качестве оригинала.

К сожалению, это был далеко не единственный случай абсурдности существовавшей тогда *секретомании*. Естественно, что полное отсутствие в открытых советских источниках каких бы то ни было данных, относящихся к военно-политической сфере, делало практически невозможным появление гражданской экспертизы в этой области. Постепенно, однако, переговоры по ограничению вооружений и осуществление уже заключенных соглашений в этой области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, пробивали завесу абсолютной секретности и вовлекали все больше гражданских экспертов в сферу подготовки решений по военно-политическим вопросам.

Эти переговоры имели и еще одно важное положительное последствие. Советские руководители постепенно учились решать вопросы, связанные с оборонным потенциалом государства, более взвешенно и сбалансированно, увязывая интересы безопасности с экономическими возможностями страны. Напутствуя делегацию в Хельсинки на первый раунд переговоров по ограничению стратегических вооружений в ноябре 1969 г., Брежнев, по воспоминаниям ветеранов этой делегации, сказал: «Главная ваша задача – не допустить заключения соглашения, которое ог-

раничило бы наши стратегические вооружения». Однако через два с половиной года именно такое соглашение (точнее, соглашение⁵) и было подписано советским и американским руководством. Очевидно, что в ходе тщательной проработки стали ясны вопреки первоначальным скептическим настроениям советских лидеров преимущества ограничений и возможности осуществить их без ущерба для безопасности страны.

К сожалению, однако, приобретаемый опыт не исключал и трагических ошибок, когда важнейшие военно-политические вопросы решались без их тщательной и объективной экспертной проработки. По всей видимости, решение о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. было принято без такой проработки, по крайней мере на межведомственном уровне. Как свидетельствует Г.М. Корниенко, первоначально это роковое решение было принято во второй половине дня 12 декабря 1979 г. узкой группой – Брежневым, Суловым⁶, Андроповым⁷, Устиновым⁸ и Громыко – и лишь потом оформлено опросным порядком как решение Политбюро, причем подпись Косыгина отсутствовала. Корниенко пишет далее: «Начальник Генштаба Огарков просидел часа два в соседней комнате, его мнением не поинтересовались. Выйдя из комнаты, где шло обсуждение, Устинов сказал ему: «Решение принято. Поехали в Генштаб отдавать команды». Об этом мне рассказывал сам Огарков»⁹.

Принятие этого решения не отличалось, в сущности, от того, как было принято в свое время решение о размещении ракетно-ядерного оружия на Кубе. Как-то в 1962 г. Хрущев, прогуливаясь во время отдыха с министром обороны Р.Я. Малиновским по берегу Черного моря во время отдыха в Болгарии, будто бы сказал примерно следующее: «Вот мы с вами гуляем, а на нас нацелены американские ракеты из Турции. А почему бы нам

---

⁵ Напомню, что результатом переговоров по ОСВ-I (1969–1972) стало подписание в мае 1972 г. в Москве Договора по ПРО и Договора ОСВ-I.

⁶ Михаил Андреевич Сулов (1902–1982) – секретарь ЦК КПСС в 1947–1982 гг. – *Прим. ред.*

⁷ Юрий Владимирович Андропов (1914–1980) – председатель КГБ СССР в 1967–1982 гг. – *Прим. ред.*

⁸ Дмитрий Федорович Устинов (1908–1984) – министр обороны СССР в 1976–1984 гг. – *Прим. ред.*

⁹ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. С. 244.

не разместить наши ракеты на Кубе?» Так было положено начало крупнейшей авантюре, которая могла закончиться всемирной катастрофой.

Из многих воспоминаний известно, что Хрущеву вообще было свойственно, особенно в последние годы его пребывания у власти, пренебрежительное отношение к экспертным знаниям и к мнениям людей, которые располагали такими знаниями и имели свое мнение. Обвинения его в волюнтаризме были, по всей видимости, небеспочвенны. И в случае с размещением ракет на Кубе Хрущев двинул свой проект, не взвесив и не проработав всех возможных последствий. Конечно, помимо особенностей характера Хрущева, сыграли свою роль и соображения об ограничении в интересах соблюдения секретности круга лиц, осведомленных о проекте. Но факт остается фактом – не было и отлаженного механизма для проработки решений по военно-политическим вопросам.

На всех этапах переговоров по военно-политическим вопросам МИДовцев посвящали далеко не во все дела. Подход к нам был такой: задача МИДа – озвучивать за столом переговоров утвержденные позиции и добиваться их принятия, а что кроется за этими позициями, дипломатам лучше не знать.

По свидетельству многолетнего участника переговоров Н.Н. Дитинова, первый глава советской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений, заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов считал себя «мостом между советскими военными и американской делегацией» и видел свою роль в том, чтобы представлять в соответствующей форме советскую позицию, определяемую советскими военными, американцам¹⁰.

Иногда, прибыв в назначенное время на совещание, мы – представители МИДа – обнаруживали, что в кабинете уже полно народу, а судя по густоте табачного дыма, люди собрались не пять минут назад, а значительно раньше. Это военные и «оборонщики» до начала официального совещания заранее готовили общую платформу, обсуждали свои секреты, которые МИДовцам знать не положено.

---

¹⁰ *Savel'ev A.G., Detinov N.N. The Big Five: Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Praeger. 1995. P. 39.*

В дальнейшем, по мере того как в ходе переговоров и подготовки к ним МИДовцы, а впоследствии и исследователи в академических институтах набирались военно-технической информации, определение позиций на переговорах все более переставало быть монополией военных.

Внутренняя дипломатия, составлявшая подводную часть переговорного айсберга, естественно, накладывала свой отпечаток и на жизнь в делегации. В делегации были представлены МИД, Министерство обороны (главным образом Генштаб), военная промышленность (Военно-промышленная комиссия, МОП, МОМ) и КГБ. Вся делегация утверждалась в весьма большом составе – до сотни человек (включая технический состав), хотя не все они одновременно участвовали в каждом раунде: часть экспертов приглашалась по мере необходимости, когда возникали вопросы, требовавшие соответствующей экспертизы.

Однако нужно пояснить структуру делегации. Она состояла из членов делегации, советников, экспертов и технического состава (машинистки, водители, повар, завхоз и т.д.). Членов делегации, помимо ее главы, было пятеро – два МИДовских посла (Л.А. Мастерков и Ю.И. Кузнецов), представитель Минобороны (В.С. Колтунов – полковник, потом генерал-майор), представитель оборонной промышленности (Н.Н. Детинов, генерал-лейтенант). Был также и представитель КГБ. Советники назначались от всех упомянутых ведомств (МИДовские и военные советники вели переговоры в рабочих группах, упомянутых выше). Состав экспертов формировался в основном из специалистов различных родов войск и оборонных министерств и конструкторских бюро.

Большие трудности возникали из-за того, что военные составляли как бы *делегацию в делегации*. Все они неукоснительно соблюдали свою собственную иерархию и подчинялись своему старшему – одному из заместителей начальника Договорно-правового управления Генштаба, назначенного членом делегации. В результате такой системы указания руководителя делегации выполнялись военными только с санкции их старшего.

Еще до моего прихода в делегацию такая система «двойного сапога» привела к конфликтной ситуации. Этому в немалой степени способствовали личностные качества генерала, который был тогда старшим в группе военных. За время перерыва, в ходе которого состоялось мое назначение, он ушел на пенсию и его

место занял В.С. Колтунов, человек совершенно иного склада. Он, естественно, придерживался той же системы, установленной руководством Генштаба, однако действовал достаточно деликатно и кооперативно. В результате до поры до времени проблем не возникало. В дальнейшем, однако, по мере того как переговоры набирали *предфинишные темпы*, система военного единоначалия стала создавать заторы.

Телеграммы, которые отправлялись в Москву с оценками и предложениями, подписывались, помимо руководителя делегации, другими членами делегации. Такой порядок был оправдан, так как позволял уже на стадии подготовки позиций в делегации проводить первичное межведомственное согласование. Единолично я отправлял телеграммы либо чисто информационные, не содержавшие предложений, либо адресованные лично министру иностранных дел.

Но помимо подготовки телеграмм, было огромное количество работы, связанной с осуществлением уже имевшихся у нас позиций (подготовка так называемых рабочих документов, в которых оформлялись различные предложения с изложением аргументации, проектов выступлений в рабочих группах и т.д.). Все эти материалы утверждались руководителем делегации. Конечно, моя задача упрощалась, когда я видел на бумаге визу В.С. Колтунова. Это была гарантия того, что документ подготовлен доброкачественно.

Однако все чаще и чаще личное участие в нескольких рабочих группах, инструктирование своих военных коллег и другие заботы сужали пропускную способность В.С. Колтунова при всей его исключительной работоспособности и добросовестности. По-моему, он спал всего по нескольку часов в сутки, проводя остальное время только на работе – или за столом переговоров, или в своем душном кабинете с крайне скудной вентиляцией (в соответствии с требованиями безопасности окна в наших рабочих помещениях, хотя они выходили во внутренний дворик, не открывались, и приходилось довольствоваться централизованной системой кондиционирования, которая работала с 9:00 до 22:00 часов, несмотря на то что наш рабочий день часто затягивался далеко за полночь).

Мне не оставалось ничего иного, как отдавать указания тому или иному военному советнику или эксперту, минуя В.С. Колту-

нова. Но и это не ускорило работу, так как военные не исполняли моих указаний, не доложив их своему старшему и не получив его санкции. Конечно, исключительной удачей было то, что на этом посту при мне был именно этот человек – разумный, скромный, выдержанный, высококомпетентный, работоспособный, высокопорядочный. Ни разу у нас не возникло не только ни одного конфликта, но и малейшей шероховатости. Думаю, что в этой непростой ситуации сильно выручало то, что у нас было прочное взаимное доверие.

Свои сложности были и внутри военной части делегации. Ее костяк составляли сотрудники ДПУ Генштаба, которое было в свое время создано с целью обеспечения международных связей Генштаба. В составе этого управления были, как правило, выходцы из оперативных подразделений Генштаба, которые, как бы квалифицированы они ни были, находясь в отрыве от каждодневной оперативной работы, постепенно утрачивали свою прежнюю квалификацию. Поэтому для участия в делегации необходимы были специалисты, непосредственно связанные с военной конкретикой. Тем не менее ДПУ старалось держать военных экспертов из других подразделений на вторых и третьих ролях, по возможности не допуская их к собственно переговорному процессу, а лишь пользуясь их экспертными знаниями.

Первое время я пытался изменить этот порядок, включая в делегацию вопреки воле руководства ДПУ экспертов из оперативных подразделений, которых я лично знал не только как хороших специалистов, но и как авторитетных людей, умеющих отстаивать свою точку зрения. Однако каждый раз появление в делегации такого независимого эксперта приводило к сложнейшим интригам с целью *съесть* чужака, добиться его удаления из делегации. И для этого никакими средствами не брезговали. К сожалению, цель, как правило, достигалась.

Примерно то же самое происходило и по отношению к включавшимся в делегацию экспертам из научного мира. Некоторое время в делегации работал по моему приглашению молодой ученый, известный специалист по вопросам разоружения Алексей Георгиевич Арбатов¹¹. *Съесть* его традиционными методами

---

¹¹ Ныне директор Центра международной безопасности ИМЭМО имени Е.М. Примакова, академик РАН. – *Прим. ред.*

было трудно: понимая всю сложность своего положения, держался он предельно осторожно. Но к нему была применена *информационная блокада*: под предлогом сохранения военных тайн его в значительной степени изолировали от рабочих совещаний с участием военных специалистов.

Я не раз прибегал к помощи А.Г. Арбатова, у которого были свои взгляды на многие проблемы, возникавшие на переговорах. Я далеко не всегда с ними соглашался, но считал полезным рассмотрение различных точек зрения для нахождения оптимального варианта. Попробовал как-то пригласить на совещание с его участием несколько военных экспертов. Но они либо хранили молчание, либо отделивались какими-то общими словами.

Эксперты от военной промышленности представляли различные ведомства – ВПК, МОП, МОМ и т.д. Каждый из них защищал интересы своего ведомства. Часто эти интересы вступали в конфликт как друг с другом, так и с общегосударственными интересами.

Секретариат ЦК КПСС не был представлен в делегации. Однако на встречах на уровне заместителей министров и министров в нашу группу обычно входил представитель оборонного отдела Секретариата Виталий Леонидович Катаев (впоследствии, когда Зайков был назначен председателем Комиссии Политбюро по переговорам о сокращении вооружений, Катаев стал в Комиссии его правой рукой). До ЦК он долгое время работал в оборонной промышленности и прекрасно знал техническую сторону дела. Он вносил неоценимый вклад и в разработку наших позиций на переговорах, и в согласование этих позиций между ведомствами. А личные беседы с ним очень помогали мне лучше ориентироваться в технических джунглях.

Диверсификация внешней политики при Трюдо, или Случай за обедом

Моя жена Светлана, которая еще не была тогда моей женой и даже не знала, что я существую на этом свете (в этом отношении мы тогда находились в равном положении), окончивая МГИМО, написала диплом на тему «Диверсификация внешней политики Канады при Трюдо». Одновременно вышла замуж за своего однокурсника. А потом развелась и вышла замуж за меня. Так бывает.

И вот однажды, когда я уже работал в Женеве, мы со Светланой были приглашены на обед нашими швейцарскими знакомыми. В то время – 1980-е гг. – был большой интерес к Советскому Союзу, а я был тогда послом и вел важные, как тогда считалось, переговоры.

На этом обеде среди прочих гостей был Пьер Эллиотт Трюдо. Конечно, он тогда уже не был премьер-министром Канады, а занимался какими-то частными делами и по поводу этих дел оказался в Женеве. Так получилось, что на этом обеде место для Светланы оказалось рядом с Трюдо. Нет, хозяйева, конечно, не знали, что она писала диплом про Трюдо, а просто отвели ей это место в соответствии с «протокольной рассадкой».

Обед тот не был официальным. Я, как и мой тогдашний американский партнер по переговорам Ричард Берт, был приглашен для того, чтобы поведать собравшимся, как идут переговоры и что можно от них ожидать. Но и Трюдо не был, конечно, последним по значимости из гостей. В свою бытность премьером (1968–1979) он был ярким явлением на международном небосклоне. Да и в отставке он оставался *политическим тяжеловесом*. И Берта и меня не раз приглашали на различные обеды и ланчи *большие люди*, чтобы услышать в неофициальной обстановке из первых уст, что происходит за занавесом *конфиденциальнейших* переговоров, которые мы вели.

У нас выработалась определенная этика выдачи информации. На встречах с прессой – совместных и индивидуальных пресс-конференциях и интервью – модель была хорошо отработана: «Все хорошо, прекрасная маркиза»¹, мир может быть спокоен. Но частные обеды с *большими людьми* для того и устраивались, чтобы услышать что-то помимо обкатанных формул. В этих случаях приходилось учитывать и политический уровень собеседников, и их личную добросовестность (в смысле того, что они не передадут в печать услышанную информацию), и уровень личных отношений с ними, и, главное, целесообразность информирования их. Поэтому какие-то *оживляжки* приходилось выдавать.

Обед, о котором идет речь, был именно такого рода. Однако довольно скоро, после каких-то вопросов-ответов на тему советско-американских стратегических отношений, центр внимания застолья переместился на Канаду. Началось все с того, что Светлана поведала своему соседу, т.е. Трюдо, что она в свое время написала диплом о нем, вернее о его внешней политике. Это сообщение необычайно тронуло и возбудило бывшего премьера Канады. Ну как же: за многие тысячи километров от Оттавы, в краю косолапых медведей и пьяных мужиков, прелестная студентка МГИМО пишет диплом о диверсификации внешней политики Канады при Трюдо! Просто упасть и не встать!

Ностальгические воспоминания распалили бывшего *диверсификатора*. Диалог превратился в монолог, а потом и в общую дискуссию о роли Канады в мировых делах, о той роли, которую она могла бы сыграть, если бы не... И т.д. и т.п.

Берт подмигнул мне, мы чокнулись и воздали должное вырезке годовалого оленя (венизон) под соусом из трюфелей, которую как раз начали подавать.

---

¹ Слова из юмористической песенки в исполнении советского эстрадного артиста Леонида Осиповича Утесова (1895–1982). Ее текст был подготовлен советским поэтом Александром Ильичом Безыменским (1898–1973) на основе перевода французской шуточной песни Поля Мизраки по мотивам скетча «Tout va tres bien, Madame la Marquise». Как правило, это фраза означает то, что хотят скрыть или выставить в ином свете. – *Прим. ред.*

На финишной прямой

По мере того как переговоры продвигались к завершению, а Советский Союз – к своей кончине, на политическом горизонте все больше сгушались темные тучи, что вызывало серьезные сомнения в возможности заключения договора по СНВ.

В Женеву все явственнее доносились отзвуки обострявшейся борьбы в высшем политическом руководстве СССР. Все сильнее и заметнее стали импульсы тех сил, которые усиливали свою оппозицию к М.С. Горбачеву и стремились не допустить заключения договора. Препятствия возрастали день ото дня. В то же время официально главная задача – скорейшее заключение договора – оставалась в силе.

До тех пор пока председатель КГБ В.А. Крючков был в числе сторонников М.С. Горбачева, представители Комитета демонстрировали максимальную лояльность. Я неоднократно слышал от них, что их главная задача – способствовать скорейшему заключению договора. Не могу сказать, что они сильно помогали. Представители этого ведомства в делегации не обладали достаточными экспертными знаниями, чтобы вносить свой вклад за переговорным столом. Но по крайней мере до поры до времени они не мешали. Обстановка стала меняться, когда председатель КГБ стал рулить в сторону от М.С. Горбачева. Соответственно представители этого ведомства в Женеве сменили свою улыбчивость на недоброжелательную подозрительность.

Я стал ощущать, что встречи *в узком составе* с руководителем американской делегации привлекают к себе внимание, причем явно неблагоприятное для меня. Я стал расширять состав встреч за чашкой кофе. Кроме того, располагался за одним и тем же столом, чтобы не создавать дополнительных технических сложностей нашим спецслужбам, если они установят подслушивание. Отказ же от таких встреч грозил затянуть переговоры, так как они играли роль дирижера. Стоило по тем

или иным причинам пропустить две-три встречи, и на переговорах начинались сбои.

Конечно, работать стало значительно труднее. Но по-настоящему гром грянул в конце декабря 1990 г., когда Э.А. Шеварднадзе в драматической форме заявил об уходе в отставку с поста министра иностранных дел. Об этом много в свое время писали, анализировали мотивы отставки и ее последствия. Расскажу о том, как я воспринял отставку Э.А. Шеварднадзе и как она сказалась на переговорах.

Вечером 19 декабря в Женеву пришла телеграмма, вызывавшая меня в Москву «для участия в подготовке позиций». Вызов был очень некстати, так как раунд завершался и я все равно через несколько дней прибыл бы в Москву; дел было невпроворот, а ругинная формулировка вызова не проливала никакого света на то, почему я должен бросить делегацию в горячие дни завершения раунда. На следующий день я позвонил заместителю министра Карпову и, объяснив ситуацию, спросил, нельзя ли несколько дней, до перерыва, обойтись без меня. На что мне было сказано, что вызывают меня по личному указанию министра и что лучше бы мне не задавать дурацких вопросов, а скорее ехать в аэропорт. На следующий день я вылетел.

Первое, что я услышал от водителя, взявшего меня из Шереметьева, – об отставке Э.А. Шеварднадзе. А дома по программе «Время» я смог увидеть кадры его выступления 20 декабря на сессии съезда народных депутатов с заявлением об отставке и предупреждением о готовящемся сторонниками «жесткой» линии перевороте.

Впоследствии я узнал, что сразу после выступления Э.А. Шеварднадзе М.С. Горбачев созвал человек шесть близких ему людей и стал советоваться, что делать. На вопрос одного из них, знал ли он о намерениях Шеварднадзе, Горбачев ответил, что о его настроениях уйти он знал, но что тем не менее выступление Шеварднадзе 20 декабря было для него неожиданным.

Я так и не знаю, зачем был вызван в Москву. Возможно, Э.А. Шеварднадзе, готовясь к выступлению на сессии, но не с заявлением об отставке, а по внешнеполитическим проблемам, захотел узнать из первых рук о положении на переговорах, об их перспективах, о препятствиях на пути к заключению договора. Об этом остается только гадать.

С февраля 1991 г. в Женеву из Москвы стала наведываться так называемая «группа высокого уровня» во главе с заместителем министра иностранных дел (в ней были также представлены Секретариат ЦК КПСС, Министерство обороны и ВПК). Впрочем, главным действующим лицом был в ней представитель Генштаба генерал-лейтенант Ф.И. Ладыгин, за которым всегда было последнее слово. Это бросалось в глаза и американцам, о чем свидетельствуют Майкл Бешлосс и Струоб Тэлбот в книге «На самом высоком уровне. Закулисная история окончания холодной войны»¹. Говоря о встрече советской и американской групп на уровне заместителей министров (советская группа возглавлялась А.А. Обуховым, а американская – Р. Бартоломью) в Женеве 26 июня 1991 г., они пишут: «Американцы были снова поражены тем, как мало было свободы у советских дипломатов для переговоров. Обухова сопровождал генерал-лейтенант Федор Ладыгин, глава Договорно-правового управления советского Генштаба, который, и это бросалось в глаза, обладал правом сказать *последнее слово* по поводу любых уступок, которые предстояло сделать»².

Конечно, и у американской стороны были свои сложности. На переговорах они проявлялись в том, что все чаще договоренности, которые достигались в Женеве, дезавуировались американской стороной и соответственно тщательно составлявшиеся «пакеты» рассыпались. Впоследствии в упоминавшейся выше книге М. Бешлосса и С. Тэлбота я прочитал: «В Женеве Ричард Берт, глава делегации США на переговорах по СНВ, пребывал в полной растерянности. Он направлял администрации одно предложение за другим относительно того, как решить застопорившиеся вопросы. Он достигал предварительных договоренностей со своим советским коллегой Юрием Назаркиным, и все это отклонялось Вашингтоном – часто по личному распоряжению Скоукрофта»³⁴.

---

¹ Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War. Little Brown & Co. 1993. 536 p.

² Ibid. P. 403.

³ Брент Скоукрофт (1925–2020) – генерал-лейтенант ВВС США, советник президента США по национальной безопасности при Дж. Форде (1975–1977) и при Дж. Буше-старшем (1989–1993). – *Прим. ред.*

⁴ Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels... P. 373.

Надо сказать, Р. Берт был весьма изобретателен в составлении компромиссных «пакетов». Но по мере того как они отклонялись, у него все чаще портилось настроение, и он впадал в пессимизм. У Берта уже давно было предложение уйти в частный бизнес (речь шла о его участии в крупной консалтинговой фирме), но он откладывал свой переход, рассчитывая на скорое завершение переговоров. Но вот наконец он, по-видимому, не видя реальных перспектив заключения договора и опасаясь упустить заманчивое предложение, принял решение покинуть администрацию, устроил прощальный прием и где-то в марте 1991 г. уехал. Вместо него главой делегации был назначен его заместитель Линтон Брукс.

Симпатичный, очень симпатичный человек. И очень знающий. В прошлом он был капитаном ядерной подлодки. Ушел с флота, как он с юмором говорил, после того как растолстел и перестал пролезать в люк подлодки. Вообще с юмором у него было все в порядке. Помню, как на одном из заседаний он очень сильно закашлялся. Настолько сильно, что, казалось, он сейчас задохнется. Хотели послать за врачом. Улучив небольшую паузу между приступами кашля, Брукс просипел: «В случае моей смерти переговоры продолжит мой заместитель миссис Оффаллон».

С Бруксом нам и предстояло вытаскивать договор, который висел буквально на волоске. И в Москве, и в Вашингтоне были силы, которые старались пустить его под откос. Наиболее крупные вопросы были решены, но подписанию договора препятствовало отсутствие договоренностей по нескольким вопросам, которые нельзя было решить без участия начальников генеральных штабов.

Наиболее крупным из нерешенных вопросов было так называемое «снижение количества боезарядов». Суть проблемы заключалась в том, что обе стороны были заинтересованы в получении права на понижение засчитываемого числа боезарядов на своих МБР и БРПЛ, но никак не могли договориться об условиях такого понижения. Эти условия важны были с точки зрения «возвратного потенциала». Иными словами, в случае разрыва договора ни одна сторона не должна была иметь преимущество, если пожелала бы восстановить пониженное число боезарядов и тем самым увеличить свой ядерный потен-

циал. А поскольку у каждой стороны были свои планы снижения числа боезарядов как на МБР, так и на БРПЛ некоторых типов, а наши и американские ракеты, естественно, имели свои технические особенности, все это предстояло взвесить на высокоточных весах. Роль таких весов должны были сыграть переговоры тех лиц с каждой стороны, которые не только знали все нюансы своих вооруженных сил, но и имели право принимать решения в отношении этих сил. Такими лицами были начальники генеральных штабов.

Другим нерешенным вопросом оставалось определение нового типа баллистической ракеты. Он был связан с проблемой снижения количества боезарядов, поскольку стороны не имели права зачислять за МБР нового типа количество боезарядов, превышающее наименьшее количество боезарядов, которое числится за любой МБР, за которой данная сторона зачислила уменьшенное количество боезарядов. Аналогичное правило было установлено и в отношении БРПЛ.

Все существовавшие на момент подписания договора типы баллистических ракет были перечислены с указанием их технических характеристик в приложенном к договору меморандуме. Но где грань между модернизацией существующего типа и новым типом? Трудности определения этого были связаны с тем, что каждая сторона имела свои планы в отношении создания новых типов баллистических ракет и не хотела, чтобы определение новых типов ущемляло ее интересы.

Были и еще нерешенные вопросы, относящиеся к тяжелым бомбардировщикам и крылатым ракетам воздушного базирования, доступу к телеметрической информации, сбрасываемой с ракет во время испытательных пусков, и некоторые другие.

Для достижения договоренностей по всем этим нерешенным вопросам советская сторона предложила провести встречу министров иностранных дел и начальников генштабов, но председатель американского Объединенного комитета начальников штабов Колин Пауэлл, сославшись на занятость в связи с операцией «Буря в пустыне» в Ираке (1991), направил на встречу своего заместителя. Ввиду этого М.А. Моисеев, который был в то время начальником советского Генштаба, не поехал на встречу и направил на нее своего заместителя Омеличева. Встреча окончилась безрезультатно: за исключением нескольких мелочей,

ни один вопрос решен не был, полномочия замов оказались недостаточными.

4 июля 1991 г. американцы давали прием по случаю Дня независимости, одного из главных национальных праздников. Дело было днем. В тенистом саду, где находилась резиденция американского посла-представителя при Женевском отделении ООН, играл оркестр морской пехоты, маршировали задорные голоногие мажоретки, выделявая различные кунштюки с жезлами. Рекой лилась кока-кола, которой многочисленные гости запивали хот-доги и другие незатейливые американские яства.

Увидев Брукса, я предложил ему отойти в сторону, сказав, что у меня есть серьезный разговор. Изложил я ему примерно следующее:

– Для того чтобы завершить согласование договора, нужно решить несколько чисто военных вопросов, а это могут сделать только начальники наших генштабов. Если этого не сделать в ближайшее время, делегации могут разъехаться, так как делать им в Женеве больше нечего. Я понимаю занятость Пауэлла, но без него и Моисеева, без их непосредственного контакта вопросы решить невозможно. Последняя встреча министров иностранных дел показала это. Я готов направить в Москву предложение о новой встрече министров иностранных дел, если будет гарантия, что на этот раз Пауэлл примет участие во встрече.

Брукс очень внимательно меня выслушал и сказал, что постарается дать мне ответ завтра. Действительно, на следующий день он сообщил мне, что Пауэлл примет участие во встрече, если Моисеев сможет приехать в Вашингтон, так как Пауэлл должен все время держать руку на пульте в своем генштабе из-за войны с Ираком (операция «Буря в пустыне»). Я отправил в Москву сообщение о беседе с Бруксом с предложением о новой встрече министров иностранных дел с участием начальников генштабов. Такая встреча состоялась в Вашингтоне 11–15 июля.

Указания о вылете в Вашингтон на министерскую встречу я не получил и остался в Женеве дожидаться ее результатов. Вернувшийся из Вашингтона Брукс сообщил мне радостное известие: встреча прошла успешно, по всем нерешенным вопросам достигнуты принципиальные договоренности, встреча на высшем уровне для подписания договора состоится в Москве

31 июля, и делегациям предстоит в срочном порядке перевести достигнутые договоренности на договорный язык, т.е. отразить их в соответствующих договорных текстах. Москва, однако, хранила молчание. Впоследствии я узнал, что в это время Моисеев убеждал руководство нашей оборонной промышленности дать согласие на вашингтонские договоренности. Аналогичные проблемы возникли и у американской стороны, но Пауэлл сумел сломить сопротивление Скоукрофта еще во время вашингтонской встречи⁵.

Наконец на мой срочный запрос МИД подтвердил сказанное Бруксом и пообещал передать тексты договоренностей. Время, однако, шло, а тексты из Москвы не поступали. Рассудив, что все равно договорные тексты мы будем согласовывать сначала на английском языке, а потом я их буду докладывать в Москву в переведенном виде, я решил не терять времени на ожидание и дал согласие Бруксу на встречу всех наших групп и подгрупп для завершения договора и всех связанных с ним текстов. Работа закипела. Шла она в буквальном смысле круглосуточно. Каждый день в Москву отправлялись новые тексты на апробацию. Одновременно шла выверка ранее согласованных текстов на предмет аутентичности русского и английского вариантов, а также с целью вылавливания разного рода *блех*.

Тем временем из Москвы подъехали принимавшие участие в вашингтонской встрече начальник Договорно-правового управления Генштаба Ф.И. Ладыгин и представитель Л.Н. Зайкова В.Л. Катаев. Они привезли согласованные в Вашингтоне и одобренные в Москве тексты.

29 июля 1991 г. в 11:00 в советской миссии в Женеве началась процедура парафирования договора. Естественно, Брукс и я обменялись приличествующими случаю торжественными заявлениями и взаимными поздравлениями с историческим достижением. А потом начался сам процесс парафирования, т.е. представления Бруксом и мной наших инициалов на каждой странице договорного текста, причем не только под самим договором, но и под всеми сопутствующими документами – приложениями, двусторонними и односторонними заявлениями и т.д. Всего страниц 400–500. Текст был огромный, предстояло

⁵ *Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels... P. 373.*

парафировать четыре экземпляра – два русских и два английских⁶. По договоренности с американцами эта процедура велась попеременно то в американской, то в нашей миссиях (расстояние между ними было небольшое). Поэтому весь процесс занял несколько часов.

Американцы согласились последнюю встречу провести в нашей миссии. У нас был зал, напоминавший по своей торжественности кремлевский – Георгиевский. А в американской миссии были сугубо казенные, мрачные помещения. Американцы предложили на заключительной встрече обменяться ручками, которыми стороны поставят в тексте договора последние точки. Для этой процедуры они изготовили специальные ручки с двумя гербами, флагами и прочими украшениями. Со времени появления компьютеров я ручками не пользовался, а если требовалось что-то подписать, то брал какую-нибудь шариковую, которая оказывалась под рукой. Ну не обмениваться же с Бруксом таким примитивом! Я поручил протоколисту подобрать в швейцарских магазинах что-нибудь более репрезентативное. Что и было сделано.

30 июля все экземпляры договора, запечатые в большой дорожный чемодан, были доставлены в Москву. Вся делегация на специально присланном самолете тоже отправилась в Москву. Настроение у всех было праздничное: поставленная задача выполнена, мы победили.

31 июля утром, незадолго до церемонии подписания, я зашел в кабинет В.П. Карпова. Нужно было условиться о некоторых формальностях, связанных с предстоящей церемонией. Вопреки своей обычно сдержанной манере он бурно приветствовал меня и сказал: «Я до самого последнего времени не думал, что договор получится. Много, очень много было подводных камней. Ты, можешь быть, не обо всем знаешь. Поздравляю тебя».

Не скрою, мне было особенно приятно получить поздравление именно от Карпова – профессионала высшей категории, знавшего и понимавшего все тонкости и нюансы, связанные с подготовкой договора. Пройдя с 1969 г. все этапы переговоров по ограничению стратегических вооружений, он в 1985 г. был

---

⁶ Каждая сторона должна была иметь русский и английский парафированные тексты договора.

первым руководителем той делегации, которую я принял в 1989 г. и которая сейчас пришла к финишу.

А через несколько часов во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца президент СССР М.С. Горбачев и президент США Дж. Буш-старший подписали Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-I). Эта церемония завершила переговоры, которые были начаты 12 марта 1985 г.

На церемонии присутствовал, помимо Брукса, и Ричард Берт, специально прилетевший из Вашингтона. По-моему, он был сильно расстроен тем, что не довел переговоры до конца и ушел в отставку за несколько месяцев до подписания договора.

Несмотря на большую усталость из-за напряженной работы, нервного напряжения и недосыпа в течение последних *штурмовых* недель, в первые дни после подписания я находился в состоянии эйфории. К чувству глубокого внутреннего удовлетворения достигнутым добавлялись многочисленные поздравления от всех знакомых и даже многих незнакомых. Поздравляли меня очень многие – в кабинетах, коридорах, лифтах высотного здания на Смоленской площади и вне его. Особенно растрогал постовой государственной автоинспекции, остановивший меня в первых числах августа за превышение скорости. Узнав при заполнении протокола, что я из МИДа, и взглядевшись, он спросил:

– А не Вас ли показывали по телевизору, как Вы подписывали стратегический договор?

Я объяснил ему, что подписывал договор М.С. Горбачев, а я незадолго до этого парафировал его, что действительно демонстрировалось по программе «Время». Постовой порвал акт о штрафе за нарушение, вернул мне водительские права и сказал:

– Все равно молодец. Двигайте дальше, только поосторожнее.

Последние его слова, относившиеся, несомненно, к соблюдению правил дорожного движения, я тем не менее воспринял как напоминание о тех рискованных ситуациях, через которые мне пришлось пройти совсем недавно на переговорах.

Легкое эйфорическое состояние усиливалось предвкушением предстоящего отпуска (не отдыхал я уже три года). Нужно было сделать лишь два дела – проследить, чтобы были правильно собраны и разосланы депутатам и их экспертам для изучения все

относящиеся к договору документы (один набор составлял более 900 страниц), и ходатайствовать перед руководством МИДа о вынесении благодарности сотрудникам, на чью долю выпала наиболее тяжелая и ответственная работа.

Вся делегация работала на заключительном этапе в каком-то порыве. Многие из сотрудников провели на переговорах долгие трудные годы. И увидев свет в конце туннеля, они рванулись к финишу, работая по 17–18 часов в сутки. Этот дух самоотверженного служения цели охватил всю делегацию. Ни о каком *подтягивании дисциплины* не было и речи. Напротив, приходилось напоминать наиболее заработавшимся, что не мешает время от времени передохнуть, чтобы *не сойти с дистанции*.

Но вот цель достигнута – договор подписан. Очевидно, надо было хотя бы сказать несколько добрых слов тем, кто, не жалея своих сил и здоровья, выполнил поставленную задачу. Это можно было бы сделать, собрав делегацию и всех тех, кто помогал подготовке договора в Москве, скажем, в особняк МИДа на улице Алексея Толстого. Но все мои попытки организовать такой прием не получались. Министр был в отпуске, а его замы, ссылаясь на отсутствие полномочий, советовали подождать его возвращения. А вернулся он, как известно, только 18 августа – по экстренному вызову Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП).

Остались без последствий и все мои заходы – а их было несколько, официальных и кулуарных, – к руководству МИДа с предложениями отметить тех, кто вложил немало сил и здоровья в подготовку договора. А вскоре начались события, которые перечеркнули и эти заботы, и отдых.

Смутное время

Проснувшись неранним утром в понедельник 19 августа в подмосковном пансионате, я услышал под окном такой диалог:

– Марь Иванна, слышали, Горбачева-то сняли...

– Да ну? Куда ж его теперь? На пенсию, што ль?

Включив радио и узнав о перевороте и составе ГКЧП¹, я глубоко призадумался. То, что сообщение путчистов о болезни Горбачева шито белыми нитками, у меня сомнений не вызывало. Понятно было и то, что цель *эжачепистов* – закрутить гайки по всем линиям. Какой ценой? В Китае на площади Тяньаньмэнь погибло три тысячи человек². У нас экстренное торможение поезда грозило гораздо более трагическими последствиями. Не мог я не подумать и о судьбе только что подписанного договора: один из членов ГКЧП О.Д. Бакланов был самым активным и самым непримиримым противником заключения договора по СНВ. Понятно поэтому, что когда через день-другой стало ясно, что путч провалился, у меня были основания вздохнуть с облегчением. Облегчение это, однако, было кратковременным, так как очень скоро стало ясно, что провал путча открыл дорогу иной напасти: под знаменами *демократии* во власть ринулась публика, которая не имела представления о том, как управлять государством, но зато хорошо соображала, как откусить от него для себя кусок пожирнее.

---

¹ Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) – самопровозглашенный политический орган в СССР, который просуществовал с 18 по 21 августа 1991 г. Состоял из противников курса М.С. Горбачева на *перестройку* и на подписание нового союзного договора о преобразовании СССР в конфедеративное государство. События 18–21 августа 1991 г. вошли в историю как августовский путч, или государственный переворот и антиконституционный захват власти. – *Прим. ред.*

² Серия протестов в КНР на площади Тяньаньмэнь в Пекине, которые прошли с 15 апреля по 4 июня 1989 г. Вошли в историю как события на площади Тяньаньмэнь, когда протестующие потребовали проведения демократических реформ. – *Прим. ред.*

События августа 1991 г. встряхнули общество. Разумеется, разные слои встряхнулись по-разному. По-своему встряхнулся и МИД. Министр (А.А. Бессмертных) отказался войти в ГКЧП, но и не отмежевался публично от путчистов. Благодаря этой осторожной позиции он избежал тюрьмы, но потерял министерское кресло. Впрочем, как показали дальнейшие события, он его все равно потерял бы, как это произошло с другими союзными министрами после ликвидации СССР.

Кто будет министром? Что может быть интереснее темы для чиновничьих пересудов! Называлось несколько имен – как из кадровых МИДовцев, так и из чужаков. Упоминался и посол в Чехословакии Б.Д. Панкин. Очевидно, сориентированный своими московскими друзьями, он, как только стало ясно, что путч проваливается, осудил ГКЧП и вышел из КПСС. Крупный партийный номенклатурщик Б.Д. Панкин в отличие от послов – карьерных дипломатов имел хорошие связи в коридорах власти, что давало ему возможность своевременно получить необходимую информацию. Даже если бы оценка ситуации оказалась неверной и ГКЧП продержался бы у власти какое-то время, риск был минимальный: все-таки Панкин находился не в Москве, а в Праге, где правил бывший диссидент Вацлав Гавел.

Итак, за свой *героизм* Панкин был моментально назначен министром. Конечно, М.С. Горбачев, не оправившийся от *форосского шока* и подвергшийся публичному унижению в Верховном Совете РСФСР, совершил в то время особенно много ошибок – больше чем когда-либо. Назначение Панкина было одной из них. М.С. Горбачев отдал важный пост человеку, который никак не мог помочь ему в единоборстве с Б.Н. Ельциным, разбивавшим союзные структуры одну за другой и загонявшим Президента СССР в угол безвластия. На министерском посту должен был быть крупный и сильный государственный деятель.

Панкин же в силу своего политического калибра не мог противостоять наседавшим на союзный МИД российским властям. Не пользовался он авторитетом и внутри МИДа, где воспринимался не как профессионал, не как политик, а как конъюнктурщик. В период его непродолжительного правления (около трех месяцев) последняя союзная опора Горбачева – МИД – была выведена из строя.

В МИДе началась настоящая *охота на ведьм*. Были отозваны шесть послов, которых обвинили в поддержке «гэкачепистов». По-моему, под эту кампанию в основном сводились личные сче-ты. Одновременно началась травля союзного МИДа в *демократической* печати. Мол, эти МИДовские чиновники, закосневшие в своем тупом усердии, готовы поддерживать кого угодно, лишь бы не потерять свои баснословные привилегии. На самом же деле единственная привилегия заключалась в возможности вы-езжать за границу, хотя вряд ли можно назвать привилегией работу дипломатов в «горячих точках», таких как Афганистан, Вьетнам, Ангола, и в целом ряде других стран во время воору-женных конфликтов и переворотов.

Клевали МИД со всех сторон. Помню, пришел ко мне коррес-пондент одной из газет, особо усердствовавшей в этой кампа-нии, и сказал, что имеет поручение редакции осветить работу послов по особым поручениям и что в отделе печати МИДа ему посоветовали начать с меня. Как по характеру задававшихся им вопросов, так и по предыдущим публикациям этой газеты было видно, что у него был *социальный заказ* разоблачить институт послов по особым поручениям как синекуру – прибежище ти-тулованных бездельников.

В ходе интервью удалось объяснить журналисту, что эти по-слы, состоя в штате центрального аппарата министерства, обыч-но возглавляют делегации на различных переговорах и выполня-ют разовые поручения министра и его заместителей (проводят консультации с иностранными представителями, разъясняют официальную позицию государства по тем или иным вопросам и т.д.). Рассказал ему о тех переговорах, которые пришлось вести мне, и показал набор документов, готовившихся в связи с пред-стоящей ратификацией Договора об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 г. Не знаю, как насчет сути договора, но объем его вместе со всеми сопутствующими документами – более 900 страниц – явно произвел впечат-ление на журналиста.

Сказав, что намерен побеседовать с другими послами и по-обещав показать материал до его опубликования, интервьюер откланялся. Никакого материала я никогда не увидел и ничего о послах по особым поручениям в этой газете опубликовано не было.

Конечно, антиМИДовская кампания инициировалась теми, кто пытался выбить из-под М.С. Горбачева последнюю опору, на которой держался фасад Советского Союза. Но к сожалению, и внутри МИДа нашлось немало желающих половить рыбку в мутной воде и расчистить себе путь наверх. В результате в конце 1991 г. в печати появилось много статей, главным образом анонимных, с персональными нападками на тех или иных руководящих работников МИДа. Обвинения строились на идеологической основе: не годится он, мол, для нового, демократического МИДа и вообще в душе «гэкачепист».

Конечно, эти писаки не могли пройти мимо того факта, что в МИДе работал Сергей Крючков, сын председателя КГБ. Логика простая: раз отец вошел в ГКЧП, значит, и сын «гэкачепист», а МИД, следовательно, гнездо «гэкачепизма». Я неплохо знал Сережу по работе в делегации на переговорах по стратегическим вооружениям. Это был толковый, знающий работник, настоящий профессионал. Причем в отличие от некоторых других детей высокопоставленных родителей он был скромен и в своем служебном росте полагался на собственные силы, а не на помощь отца. Видно было, что Владимир Александрович Крючков именно так воспитал сына.

И вот вскоре после драматических августовских событий я встречаю Сережу в коридоре МИДа в ужасном состоянии: осунувшийся, бледный, еле передвигающий ноги. Отец – в Матросской Тишине, собственная судьба Сережи под большим вопросом... Позвал его к себе в кабинет, дал возможность выговориться. Большим, к сожалению, ничем помочь не мог.

Сережа говорит:

– Я не вчера родился и понимаю, что мне придется уйти из МИДа. Но ведь от меня мои вчерашние друзья шарахаются, как от прокаженного.

Действительно, в результате трусливо-перестраховочной позиции, занятой руководством американского направления МИДа, Сергей Крючков был уволен. А вот Управление по контролю над вооружениями и разоружению, которым заведовал заместитель министра В.П. Карпов, совершенно иначе повело себя в отношении своего коллеги Александра Грушко, сына первого заместителя председателя КГБ В.Ф. Грушко. Обвиненный в участии в заговоре ГКЧП, В.Ф. Грушко также был арестован

и находился в Матросской Тишине. Однако В.П. Карпов отстоял Сашу Грушко, который остался в МИДе и впоследствии стал послом, а потом заместителем министра³.

Кампания против союзного МИДа, дополнявшаяся требованиями существенно – в несколько раз – сократить его штат, деморализовала некогда исключительно работоспособный коллектив, распатывала десятилетиями отлаживавшийся высокоэффективный механизм. К тому же зарплату стали выплачивать с задержками, так как российские власти время от времени перекрывали поступление денег в союзный бюджет: соображай, мол, кто сейчас главный.

М.С. Горбачев спохватился, когда было уже поздно. Возвращение в МИД Э.А. Шеварднадзе в ноябре 1991 г. ничему помочь, конечно, не могло: до встречи в Беловежской Пуще оставались считанные дни. На этот раз он пробыл министром менее трех недель. А в канун 1992 г. в высотное здание на Смоленской площади вселились новые хозяева – А.В. Козырев со товарищи из российского МИДа (примерно человек сто пятьдесят). Многие из них, включая и Козырева, были выходцами со Смоленской площади. А некоторые из них переместились отсюда на Старую площадь (в российский МИД) буквально накануне обратного переезда, так что даже вещички не успели забрать.

Тем не менее все те, кто успел своевременно соскочить с тонущего корабля и тем самым продемонстрировал свою лояльность новой власти, были со значительными повышениями (через две-три ступени) назначены на руководящие посты и рассредоточены по всем подразделениям. Образовался своего рода институт политических комиссаров – преданных (по крайней мере на какое-то время) новым хозяевам жизни и профессионально не соответствовавших своим новым постам (большинство из них в дальнейшем были направлены Козыревым на работу в заграничные точки: и им поощрение, и для центрального аппарата вреда меньше). Даже внешне они успели приобрести черты, отличавшие их от традиционного МИДовца: в то время можно было

---

³ Александр Викторович Грушко (род. 25 апреля 1955 г.) – российский дипломат и государственный деятель. В частности, являлся Постоянным представителем РФ при НАТО (2012–2018). Заместитель министра иностранных дел с 2005 по 2012 г. и с 2018 г. по настоящее время. – *Прим. ред.*

встретить в МИДовских коридорах ребят в черных кожаных куртках, малиновых пиджаках, зеленых брюках, а некоторые отрастили бороды (видимо, в подражание главному комиссару, первому заместителю министра Ф.В. Шелову-Коведяеву).

В ту пору большую активность в области внешней политики пытался проявлять некий Бурбулис. В свое время он преподавал марксизм-ленинизм где-то в Свердловске, прибил к Ельцину, руководил его избирательной кампанией в Верховный Совет РСФСР и потом стал претендовать на роль *второго лица* в государстве российском. В вице-президенты Ельцин его не взял ввиду крайней непопулярности в стране (в своих мемуарах Ельцин объясняет это свое решение «невыигрышным имиджем» Бурбулиса). Тогда Бурбулис изобрел для себя должность «государственного секретаря». В этом не очень понятном качестве он пытался прибрать к рукам как можно больше власти, в том числе в области внешней политики, на чем в конечном счете и погорел. Но успел, когда еще был в силе, выступить в МИДе с руководящими указаниями. Не могу без смеха вспоминать это выступление.

Бурбулис решил объяснить дипломатам, что такое дипломатия. В его интерпретации дипломатия – это, как оказалось, «пять Д», а именно «добросовестность», «доброта», «дальновидность» и тому подобная ахинея, начинающаяся на букву «Д». И каждое из этих пяти «Д» он стал разжевывать своим скрипуче-гундосым голосом. Сначала аудитория замерла от неожиданности, потом начались перешептывания, смешки и откровенный хохот. Много разных выступлений произносилось в стенах актового зала высотного здания на Смоленской площади. Но в тот день был, я думаю, побит рекорд глупости.

Вообще приход новой власти в министерство, наверное, напоминал аналогичную ситуацию после 25 октября 1917 г., когда матрос Марков с *братишками* взял в свои руки вожжи дипломатии. Но тогда это было трагедией, а сейчас и на фарс не тянуло. Скорее это была детская игра в революцию.

Была создана комиссия по проверке на лояльность новому режиму. Охрана – опять же под наблюдением комиссаров – стала проверять содержимое портфелей и атташе-кейсов, выходивших из здания МИДа сотрудников. Появились многочисленные инструкции, запрещающие, предписывавшие, регулировавшие, а на самом деле создававшие дополнительную путаницу. В общем,

использовались приемы революционеров-большевиков. Не зря ведь новое демократическое руководство в свое время на зубок учило «Краткий курс истории ВКП(б)», а некоторые из этого руководства даже преподавали науку всех наук – марксизм-ленинизм.

Конечно, ни у кого в союзном МИДе и в мыслях не было саботировать новую власть – прятать шифры и выбрасывать ключи от сейфов в Москву-реку. Ликвидация Союза и сопутствовавшие события тяжело воспринимались *служивым людом* (и далеко не только в МИДе), большую часть своей жизни отслужившим своему государству – Советскому Союзу. Но в конце концов, объективно национальные интересы России в области внешней политики оставались теми же, что и у Советского Союза. А именно этим интересам и служил МИД.

В начале января 1992 г. всем сотрудникам бывшего союзного МИДа были розданы бланки, утвержденные заместителем министра Г.Ф. Кунадзе, которые становились по заполнению заявлением об отставке и прошением о приеме на работу в МИД России. Было непонятно, зачем нужно просить об увольнении из учреждения, которого уже не было: к тому времени не существовало ни Союза, ни, следовательно, союзного министерства. Но, тем не менее такие заявления-прошения были поданы, и наступила пора трепетного ожидания результатов их рассмотрения. Для многих это *подвешенное состояние* продолжалось до 1 апреля 1992 г. Все сотрудники бывшего союзного МИДа продолжали выполнять свои функции, но за прежнюю зарплату, которая была в два раза ниже, чем в российском МИДе. В своем *уволенном* качестве я участвовал в подготовке материалов к ратификации договора по СНВ и переговорах с Украиной, Беларусией и Казахстаном о судьбе стратегических наступательных вооружений, которые находились на их территориях.

8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще главами России, Беларуссии и Украины были подписаны Беловежские соглашения. На их основе было провозглашено создание Содружества независимых государств (СНГ). 21 декабря 1991 г. на встрече в Алма-Ате, участие в которой принимали руководители одиннадцати бывших советских республик⁴, были определены цели и задачи

---

⁴ Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. – *Прим. ред.*

СНГ. В том числе было подписано Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия. Оно включало ряд положений, которые, противореча друг другу, осложнили достижение взвешенных договоренностей о судьбе Договора СНВ-I.

Не раз американцы на переговорах использовали такой прием: мол, даже если бы они и согласились на то или иное наше предложение, американский Конгресс ни за что не пропустит этой крамолы и многолетние труды переговорщиков пропадут понапрасну. Разумеется, к такому же приему прибегали и мы, тем более что депутаты нашего Верховного Совета вели себя все более раскованно. Однако в начале 1990-х гг. никто не предполагал, из-за чего в действительности возникнут трудности при ратификации договора по СНВ.

Путь к ратификации Договора СНВ-I

Итак, в Москве шло предратификационное обсуждение Договора СНВ-I. Проводились слушания в комитетах Верховного Совета Российской Федерации, устраивались различные научные симпозиумы, публиковались статьи, где высказывались различные критические замечания в адрес договора. Общий накат был таков – «Долой договор!» Договор подписал Горбачев, а значит, он плохой. Но с другой стороны, главный противник договора – О.Д. Бакланов – находился в Матросской Тишине как член ГКЧП, и это вносило некоторый разнбой.

В целом дискуссия носила чисто политический характер, а большинство замечаний основывались на полном незнании и непонимании договора. Не раз я вспоминал с теплым чувством тех депутатов Верховного Совета СССР – В.Н. Очирова, В.Г. Афанасьева и А.С. Дзасохова, которые действительно сумели понять суть ключевых вопросов договора. Но теперь это был другой парламент – Верховный Совет Российской Федерации под председательством Р.И. Хасбулатова.

Я приходил на слушания в Белый дом, пытался что-то объяснить, но революционно настроенные *народные избранники* не желали разбираться в деталях. Они, как и их предшественники-ниспровергатели времен переворота 1917 г., руководствовались своим *политическим чутьем*. Выдвигались замечания, на которые можно было ответить лишь одно: да, договор в чем-то ограничивает нас, но в других отношениях он более выгоден нам, чем американцам, так что в целом это баланс уступок, компромисс. При разумной, деловой дискуссии, разумеется, можно было либо показать несостоятельность критики, либо объяснить, почему сделана та или иная уступка и какой встречной уступкой она компенсируется. Однако политическая оппозиция пыталась перевести дискуссию в эмоционально-иррациональную плоскость.

Находкой для оппозиции стал некий полковник Д., который несколько лет работал военным экспертом в делегации на наших

переговорах. В то время он был известен среди военной части делегации как *левак*, выступавший за ускоренное заключение договора. Я его помню как очень неплохого специалиста, сделавшего много полезного для решения ряда сложных военно-технических проблем, в частности проблемы использования телеметрической информации в целях контроля за соблюдением договора. Помню и то, как он не раз обращался ко мне, как к главе делегации, с различными идеями, которые должны были помочь нахождению компромиссных решений.

И вот он, уволившись из Генштаба и присоединившись к неправительственной организации, выступавшей против заключения договора, стал его злейшим критиком, главным козырем наших ортодоксов в борьбе против данного документа. Ну как же! Эксперт делегации, знающий договор как свои пять пальцев, говорит народу: «Договор – это величайшее предательство интересов государства!».

Не знаю, в чем причина столь коренной трансформации его взглядов, хотя могу догадываться по аналогии с другим его коллегой. Однажды в Москве, когда в полном разгаре шла ратификационная кампания, мне позвонил один отставной генерал, которого я знал и уважал не только как хорошего специалиста в области стратегических вооружений, но и как честного, порядочного человека:

– Юрий Константинович, мне тут заказали статью о договоре...

– Ну, что же, Вы ведь его хорошо знаете, так что рассчитываю на объективную оценку.

– Я потому и звоню Вам, чтобы предупредить: не удивляйтесь, когда будете читать статью.

– ?

– Там не будет моей оценки, я выполняю *социальный заказ*. Семью кормить надо.

Мне оставалось только выразить сочувствие этому человеку, совесть которого заставила позвонить мне, чтобы заранее извиниться за тот поступок, который он сам считал непорядочным. Статья вскоре появилась, и в ней действительно были такие грубые передержки, что я не поверил бы, что ее мог написать специалист, хорошо знающий договор.

И вот наступил день ратификации – 4 ноября 1992 г. Год и три месяца прошло со дня подписания Договора СНВ-I. За это время

прекратило свое существование одно из государств, от имени которого он подписывался. Россия, принявшая на себя международные обязательства Советского Союза, переживала тяжелые времена.

Р.И. Хасбулатов предоставил слово заместителю министра иностранных дел, который вместе с заместителем министра обороны генералом Б.В. Громовым был уполномочен президентом Б.Н. Ельциным (1991–1999) представить договор на ратификацию. Естественно, в его выступлении освещались в основном внешнеполитические аспекты договора, поскольку военная сторона дела была оставлена содокладчику – Б.В. Громову. Тем не менее, как только МИДовский зам закончил выступление, на него посыпался град вопросов, связанных прежде всего с тем, как договор повлияет на обороноспособность России. Естественно, что большинство этих вопросов он переадресовал Громову. И это было правильно. Действительно, кто, как не Министерство обороны, должен оценивать, не будет ли нанесен ущерб обороноспособности государства? Однако ставшая рефреном фраза «На это, я надеюсь, ответит генерал Громов» вызвала недовольство депутатов. В зале начался шум. Особенно неистовствовали национал-коммунистические депутаты.

Конечно, председатель заседания должен был бы взять на себя отвод вопросов, относящихся к компетенции следующего докладчика. Однако он этого не сделал. Положение сложилось неприятное.

Наконец на трибуну вышел генерал Громов. Зачитав заготовленный текст, он приступил к ответам на вопросы. И не сплехом.

– Как в договоре учтены ядерные силы Китая, Франции и Англии?

– Конечно, учтены, а как же. Мы же знаем, сколько у них ядерных боезарядов.

– Почему мы должны уничтожить по договору самые современные ракеты?

– Договор этого не предусматривает. Осуществление договора не нанесет ущерба нашей безопасности.

И так далее. Коротко, уверенно и четко. Каков вопрос, таков ответ. И спрашивающие и отвечающий знают договор примерно в равной степени и поэтому говорят на одном языке.

Но на плечах отвечающего три большие звезды, а за плечами Афган. Значит, он отвечает за то, что говорит. Конечно, на депутатов подействовала спокойная уверенность, с которой боевой генерал-афганец, заместитель министра обороны объяснил: все будет нормально, ребята, не пострадает наша обороноспособность, не бойтесь.

Итак, 4 ноября 1992 г. Договор СНВ-I был ратифицирован. За постановление о ратификации проголосовали 165 депутатов, воздержались 8, против голосов не было. В постановлении было предусмотрено, что обмен ратификационными грамотами будет произведен после присоединения Белоруссии, Казахстана и Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия и после заключения ими с Россией договоренностей о порядке выполнения договора по СНВ. Более двух лет потребовалось для того, чтобы эти условия были выполнены.

Договор вступает в силу

Помимо подготовки материалов к ратификации Договора СНВ-I, в конце 1991 г. и в первой половине 1992 г. я участвовал в переговорах с Украиной, Белоруссией и Казахстаном о судьбе стратегических наступательных вооружений, которые находились на их территориях.

После подписания договора по СНВ в июле 1991 г. на территории СССР находилось 12 тыс. ядерных боезарядов на стратегических носителях¹ и 15 тыс. для тактических². После распада СССР стратегическое ядерное оружие оказалось расположенным на территории России, Украины, Казахстана и Белоруссии. В России – 65,6 процент, Украине – 16,1 процент, Казахстане – 7,6 процент и Белоруссии – 4,5 процент.

Происшедший в декабре распад Советского Союза и провозглашение на его месте СНГ создали много серьезных проблем, и внутренних и внешних. Естественно, возникли вопросы и в связи с Договором СНВ-I. Кто теперь должен этот договор ратифицировать? Только Россия? Все Содружество? Или те государства, на территории которых имеются вооружения, подпадающие под действие договора, а именно Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина?

Договор по СНВ разрабатывался как двусторонний, что предопределяло симметричность прав и обязательств обеих сторон, а также механизма его осуществления. Нарушение двустороннего характера договора в результате ратификации более чем двумя государствами создавало бы новые проблемы – необходимость перераспределения квот инспекций и расходов по его

---

¹ Это точные данные. При заключении Договора СНВ-I был произведен обмен этими данными между США и СССР.

² Это оценочные данные по иностранным источникам, официальных данных на этот счет не было. Все они были вывезены в Россию для уничтожения еще до 1 июля 1992 г., и проблем с ними не возникало, несмотря на некоторые сложности с Украиной.

осуществлению, корректировку графика уничтожения и т.д. Все это было необходимо не только продумать, но и достичь официальных межгосударственных договоренностей.

При оформлении СНГ в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. в декларацию встречи было включено следующее положение: «В целях обеспечения международной стратегической стабильности и безопасности будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием; стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерного и (или) нейтрального государства». Я хотел бы напомнить, что в Советском Союзе возможное применение ядерного оружия регулировалось на основе системы «трех кнопок»³: ядерное оружие может быть применено только в случае нажатия на «три кнопки» (введение кодов в портативные радиостанции – «ядерные чемоданчики») – президентом, министром обороны и начальником Генштаба. На фоне распада СССР все «три кнопки» («ядерные чемоданчики») находились в Москве: у президента Горбачева (а потом Ельцина), маршала Е.И. Шапошников и тогдашнего начальника Генштаба. Таким образом, непонятно, о каком совместном контроле над ядерным оружием могла идти речь.

В Алма-Ате Шапошников был назначен командующим объединенным стратегическим командованием СНГ. Но с самого начала было ясно, что министерства обороны СНГ быть не может в принципе – потому что вся военно-промышленная инфраструктура была нарушена из-за распада Советского Союза. Этот пост просуществовал непродолжительное время на бумаге, а потом о нем было забыто.

Тем не менее некоторое время Шапошников был одним из трех лиц, помимо президента и начальника Генштаба, у которого был «ядерный чемоданчик». Только при введении ими специального кода ядерное оружие могло быть применено. Этот «ядерный чемоданчик» сохранялся у маршала Шапошникова, пока он не был официально освобожден от поста министра обороны СССР, в том числе и в бытность его в качестве исполняющего обязанности секретаря Совета Безопасности Российской Федерации.

---

³ В США, которые первыми разработали эту систему, она называется «Permissive Action Link» (PAL).

Аппарат Совета помещался тогда в очень старом здании (по улице Варварка), совершенно непригодном для осуществления им своих важных функций. При кабинетах, в том числе при главном, не было туалетов. И время от времени можно было наблюдать, как Шапошников следовал в дальний конец коридора, где находился туалет, в сопровождении двух носителей «ядерного чемоданчика» и под охраной десяти автоматчиков. Старое здание сотрясало от чеканного шага охраны. Сотрудники аппарата Совета, помещавшиеся этажом выше, с интересом наблюдали за этой процессией.

Вернемся, однако, к нелепостям того времени.

Заключенное в конце 1991 г. Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия развивало непонятную формулировку Алма-Атинской декларации о создании СНГ, делая ее еще более противоречивой. По статье 5 этого соглашения Белоруссия и Украина (не знаю, почему там не упоминался Казахстан) брали на себя два взаимоисключающих обязательства: по пункту 1 они обязались присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств, а по пункту 2 брали обязательство не передавать кому бы то ни было ядерного оружия. Иными словами, они обещали не передавать другим то, чего у них самих не должно было быть. Непродуманным было и включение в соглашение статьи о том, что правительства Белоруссии, Казахстана, России и Украины обязуются представить договор по СНВ на ратификацию в Верховные Советы своих государств. Не договорившись предварительно о том, как этот двусторонний договор будет выполняться пятью государствами, брать такое обязательство было по меньшей мере поспешно.

Вообще для действий руководителей новых независимых государств в тот период были характерны скоропалительность, сумбурность и, я бы сказал, неряшливость в отношении деталей. В дальнейшем, приобретя некоторый опыт, обзаведясь экспертами и, видимо, поняв, что сгоряча *поназаклучали* не очень продуманные и отработанные соглашения, они стали закрывать глаза на эти документы: вроде бы они есть, а в то же время вроде бы их и нет.

Конечно, без разработки процедуры и механизма осуществления Договора СНВ-I, которые соответствовали бы новым условиям, ратифицировать его было нельзя. Подготовка проектов

решений была поручена группе экспертов из Белоруссии, Казахстана, России и Украины. Переговоры между ними с целью подготовки и предварительного согласования таких процедур и механизма начались 27–28 января 1992 г. в Москве, потом прошло еще несколько переговорных раундов: 6–7 февраля в Минске, 2–4 марта в Киеве, 11–12 марта снова в Москве.

Мне пришлось возглавлять российскую делегацию на этих переговорах. Те люди из других делегаций, с которыми непосредственно приходилось общаться в ходе переговоров, не скрывали своей горечи, сталкиваясь с ситуациями, часто нелепыми, когда из-за разрыва прежних союзных связей несли крупные материальные потери все стороны. Но разумеется, они действовали согласно своим инструкциям, которые в ряде случаев предписывали им добиваться решения некоторых вопросов, непосредственно не относящихся к предмету переговоров. Речь шла в первую очередь об общих вопросах правопреемства.

К сожалению, и с российской стороны делались попытки протащить с помощью подготавливаемых документов свои претензии на так называемую концепцию континуитета, в соответствии с которой Россия автоматически принимает на себя выполнение всех прав и обязательств бывшего СССР. Другие страны СНГ настаивали на том, что все, в том числе и Россия, должны действовать на основе правопреемства.

На московской встрече экспертов в конце января 1992 г. российская делегация исходила из тех предложений, которые были изложены российской стороной 10 января 1992 г. на совещании министров иностранных дел стран – участниц СНГ, а именно из следующего:

– Договор по СНВ остается двусторонним и ратифицируется США и Россией как государством-продолжателем СССР. Затем между ними произойдет обмен ратификационными грамотами.

– Белоруссия, Казахстан и Украина представляют договор на одобрение своих парламентов и заключают четырехсторонний (с участием России) протокол, в котором, во-первых, уполномочат Россию нести ответственность за выполнение договора в целом и представлять их в отношениях с США в целях осуществления прав и обязательств, вытекающих из договора, и, во-вторых, подтвердят свое намерение обеспечить гарантии выполнения договора на их соответствующих территориях. Такое решение и яви-

лось бы по существу надлежащей формой ратификации договора всеми четырьмя государствами.

В ходе переговоров экспертов очень скоро выяснилось, что и Белоруссия, и Казахстан, и Украина единодушно отвергают континуитет России и настаивают на равном правопреемстве всех четырех государств. Да, у России были основания настаивать на своем континуитете, но, думаю, отстаивать его надо было, не делая договор по СНВ заложником этой концепции. Не потеряй мы тогда время из-за отстаивания континуитета России, можно было бы избежать многих сложностей, которые возникли в дальнейшем и которые едва не привели к очень тяжелым последствиям.

В первой половине марта 1992 г., после того как российская сторона согласилась не включать положения о континуитете в протокол к договору по СНВ, удалось договориться о формулировках, которые закрепляли за Россией как за единственным ядерным государством из государств-правопреемников СССР в отношении договора по СНВ роль стороны договора и определяли порядок его ратификации (Белоруссия, Казахстан и Украина одобряют договор, а Россия ратифицирует его и сдает все соответствующие документы Соединенным Штатам при обмене ратификационными грамотами).

В связи с киевским раундом 2–4 марта вспоминается любопытный штрих. В российскую делегацию был включен в качестве одного из экспертов сотрудник Управления по контролю над вооружениями и разоружению МИД России К.И. Грищенко. Еще в Москве было известно, что он собирается переходить из российского МИДа в украинский. Включен он был потому, что, хорошо зная не только российскую позицию, но и нюансы позиции Киева, мог способствовать лучшему взаимопониманию двух сторон. Роль эту он выполнил, хотя уже через день после начала раунда информировал меня о том, что принято решение о назначении его в МИД Украины. На следующий день Константин Иванович переместился в украинскую делегацию.

12 марта 1992 г. Соглашение о принципе и порядке выполнения договора по СНВ и протокол о механизме выполнения были готовы. Осталась лишь резервация Казахстана в отношении слова «единственное» в положении о том, что Россия как единственное ядерное государство в СНГ выступает в качестве стороны

договора по СНВ. Заместитель министра иностранных дел Казахстана, возглавлявший казахстанскую делегацию на встрече экспертов, переговорив по телефону с министром иностранных дел Казахстана Сулейменовым, заявил, что не возражает против этого слова, но что официальная позиция Казахстана на этот счет будет определена к встрече глав государств СНГ, которая должна была состояться через неделю в Киеве.

18 марта из Киева пришел «уточненный» проект повестки дня встречи глав государств. Пункта о выполнении договора по СНВ в нем не было (в первоначальном варианте он стоял среди первых пунктов). У нас в Москве возникло предположение, что организаторы встречи начали процедурные игры, чтобы помешать подписанию документов, во всяком случае в том виде, в каком они были согласованы ко времени проведения встречи. Прибыв в Киев на следующий день – 19 марта, я убедился, что предположение соответствует действительности. Несмотря на то что наша делегация сразу по прибытии в Киев официально предложила восстановить в проекте повестки дня пункт о выполнении договора по СНВ, секретариат не сделал этого. Вопрос о выполнении договора был упомянут в самом конце проекта, да и то в виде какого-то примечания, а не пункта повестки дня.

Киевская встреча проходила в здании бывшего горкома КПСС. Стиль всех этих помещений, где располагались руководящие органы КПСС, был всюду одинаков: казенная добротность и ухоженность, паркетно-ковровое самодовольство. Площадь перед зданием была запружена манифестантами с желто-голубыми флагами и лозунгами типа «Украина без Москвы». Они толклись там и скандировали свои требования на протяжении всего дня. Когда встреча закончилась, манифестантам были поданы заказные автобусы, и они уехали, сдав знамена и транспаранты организаторам.

Это была вторая встреча глав государств СНГ, на которой я присутствовал. На предыдущей встрече в Минске я был поражен организационной неразберихой и низкой культурой дискуссии. Правда, там мне удалось проникнуть в зал заседаний – возможно, благодаря неразберихе. Здесь хаоса было не меньше. Но одно было поставлено четко – российских экспертов в зал не пустили. В результате всю информацию о происходившем я получал

от знакомых украинских и белорусских экспертов, которые в зал заседаний проникали беспрепятственно.

День близился к концу, когда я узнал, что, так и не допустив обсуждения вопроса о порядке выполнения договора по СНВ, украинцы подготовили свой вариант соглашения, перечеркивавший все то, что было согласовано на переговорах раундах до киевского. В соответствии с украинским проектом договор по СНВ из двустороннего превращался в пятисторонний, где США, Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан выступали в одинаковом качестве. Этот проект украинцы без какого бы то ни было предварительного обсуждения напечатали на договорной бумаге и предложили главам государств подписать после окончания встречи.

Заседание закончилось. Прошла пресс-конференция с участием всех глав, начался обед «в узком составе». На нем, по замыслу украинцев, и должно было состояться подписание. Слава богу, этого не произошло. Возможно, Б.Н. Ельцин не захотел подписывать соглашение, не выслушав мнения своего министра иностранных дел: А.В. Козырев в киевской встрече участия не принимал, так как находился за океаном. Казахстан и Белоруссия тоже не приняли этот вариант.

Возникшая ситуация сильно встревожила американцев. Соединенные Штаты не хотели, чтобы ядерное оружие расплодилось на другие страны. В игру вступил госсекретарь Дж. Бейкер, который предложил провести встречу министров иностранных дел США, России, Украины, Белоруссии и Казахстана в Лиссабоне в конце мая 1992 г., где он сам в это время должен был быть по другим делам.

23 мая 1992 г. в столице Португалии эта «пятерка» подписала протокол к Договору СНВ-I и обменялась письмами, которые составили так называемую Лиссабонскую пакетную договоренность. Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина как государства-правопреемники СССР приняли на себя обязательства бывшего Советского Союза по Договору СНВ-I. Белоруссия, Казахстан и Украина обязались «в возможно кратчайшие сроки» присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств. Попытки российской делегации добиться более определенного срока – «не позднее вступления в силу договора по СНВ» – не были поддержаны американцами

и успеха не имели. Конечно, США и сами были заинтересованы в более сильной и определенной формуле присоединения трех новых независимых государств к ДНЯО. Но видимо, они еще до Лиссабона стоворились с ними об основных параметрах договоренности, и это их связывало. Эта «гибкость» США создала в дальнейшем очень опасную ситуацию с присоединением Украины к ДНЯО.

С Белоруссией и Казахстаном не возникло проблем с присоединением к ДНЯО в качестве неядерных государств. Чего нельзя было сказать об Украине. Главной проблемой стало то, что националистические силы Украины настаивали на сохранении Украиной ядерного оружия и соответственно возражали против ее присоединения к ДНЯО в качестве неядерного государства. Вся эта сумбурная история так и продолжалась до конца 1994 г.

Почему возникли такие сложности с Киевом по вопросу о ядерных вооружениях? Видимо, в Киеве рассчитывали что-то выторговать за ядерное оружие – в политическом и материальном отношении. Но могла ли Украина стать ядерной державой? На Украине были прекрасные ракетчики, они могли запустить ракеты. Но ракеты и ядерные заряды на них – это не одно и то же. Ядерные боеприпасы разрабатывались и производились только в России, поэтому ни применить их, ни обеспечивать уход за ними при хранении (в интересах собственной безопасности) украинцы не могли. Когда я вел переговоры о ядерном оружии с Украиной, военно-технические эксперты, с которыми я консультировался, говорили мне: «Украина могла бы стать ядерной державой, если она сможет разгадать коды применения ядерного оружия. В принципе она может это сделать, но на это уйдет не менее семи лет. А в течение этих семи лет требуется уход за ядерным оружием («maintenance») в целях безопасности этого оружия». Действительно, на Украине были прекрасные ракетчики, которые могли бы запустить ракеты. Но там не было специалистов-ядерщиков, потому что ядерные боеприпасы производились только на территории России (Арзамас-16 и другие центры).

Хочу напомнить одно интересное положение Декларации о государственном суверенитете Украины, которая была принята еще 16 июля 1990 г., то есть до распада Советского Союза: «Украинская ССР торжественно провозглашает о своем намере-

нии стать в будущем постоянно нейтральным государством, которое не принимает участия в военных блоках и придерживается трех неядерных принципов: не принимать, не производить и не приобретать ядерного оружия». Видимо, отзвук этой декларации и повлиял в Алма-Ате на ту формулировку о безъядерном статусе Украины.

Так или иначе, 4 февраля 1993 г. Белоруссия ратифицировала Договор СНВ-I и Лиссабонский протокол, а 22 июля 1993 г. присоединилась к ДНЯО в качестве безъядерного государства. 2 июля 1992 г. Казахстан ратифицировал Договор СНВ-I и Лиссабонский протокол и в 1994 г. присоединился к ДНЯО в качестве безъядерного государства. А Украина ратифицировала Договор СНВ-I только в 1994 г. и присоединилась к ДНЯО 5 декабря 1994 г. в качестве безъядерного государства. Большую роль в этом сыграло давление со стороны США, которые совершенно не были заинтересованы в том, чтобы «ядерный клуб» пополнился еще одним государством. В тот же день Россия и США обменялись ратификационными инструментами, и Договор СНВ-I наконец вступил в силу.

В это время я в МИДе уже не работал.